

Досрпоболъцы Урала

уникальную
тирофимовую
в геном Соединенной Штатов.

22.2.43.

Сир 25 рб ~ 1.

ДОБРОВОЛЬЦЫ УРАЛА

*Воспоминания
эскизы*

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1972

**Общественная редколлегия совета ветеранов
Уральского добровольческого танкового корпуса:**

Н. И. Абрамов, В. С. Вайнер, А. В. Волковинский,
П. П. Логинов, В. К. Очеретин, Я. Л. Резник, В. Г. Ру-
мянцев, В. Я. Фирсов, А. А. Шапкин.

**Сборник составил и литературно обработал Яков
Резник.**

Схемы выполнены Алексеем Шапкиным.
Фронтовые снимки Михаила Инсарова, Виктора
Вайнера, Михаила Нечмоглода, Николая Чижана и из
личных архивов других добровольцев корпуса.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Это было в Кремлевском Дворце съездов на торжественном вечере, посвященном 50-летию Советских Вооруженных Сил. В величественный зал внесли семь боевых знамен — священные реликвии Родины и народа. Среди них было знамя нашего гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

За что нам выпала такая честь?

Очевидно, за то, что в самом рождении корпуса, в его славных ратных делах особенно ярко проявилось могучее и святое единство Советской Армии и нашего героического народа.

Идея создания крупного танкового соединения добровольцев возникла в заводских коллективах уральских танкостроителей и подхвачена всем рабочим классом Урала в дни, когда наша страна находилась под впечатлением победоносно завершившегося Сталинградского сражения.

Уральцы, производившие в то время основную массу танков и самоходных орудий, законно гордились победой на Волге, где бронетанковые войска проявили неодолимую ударную силу. Всем стало ясно: от количества наших великолепных боевых машин, сведенных в крупные танковые соединения, во многом зависят успех предстоящих сражений, окончательная победа над врагом. И, продолжая с величайшим энтузиазмом трудиться для фронта, рабочие опорного края державы решили сделать фронтовикам еще один уникальный подарок — добровольческий танковый корпус, снабдив его всем необходимым для боя за счет безвозмездного труда во внеурочное время.

16 января 1943 года в газете «Уральский рабочий» появилась заметка «Танковый корпус сверх плана». В ней говорилось об обязательстве крупнейших коллективов танкостроителей: изготовить в первом квартале сверх плана столько танков и самоходных орудий, сколько требуется на корпус, одновременно обучив из своих же рабочих-добровольцев водителей машин. В цехах Уралвагонзавода и Уралмаша родился лозунг: «Сделаем сверхплановые танки и самоходки и поведем их в бой».

БОЕВОЙ ПУТЬ 10-ГО ГВАРДЕЙСКОГО УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКОГО КРАСНОЗНА- МЕННОГО ОРДЕНОВ СУВОРОВА И КУ- ТУЗОВА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА

Народную инициативу подхватили Свердловский, Челябинский и Пермский областные комитеты партии. Они обратились в Центральный Комитет с просьбой разрешить сформировать и направить на фронт Уральский добровольческий танковый корпус. 24 февраля 1943 года Москва ответила: «Приветствуем и одобряем». И хлынул поток заявлений! За одну неделю их поступило свыше ста тысяч — в двенадцать раз больше, чем требовалось корпусу солдат и сержантов!

И какие это были люди!

Добровольцы представляли лучшую часть коллективов трудящихся, среди них было много квалифицированных рабочих, специалистов, командиров производства, активных коммунистов и комсомольцев. Всех добровольцев отпустить на фронт было невозможно, так как это нанесло бы ущерб производству, выполнению заказов фронта. Парткомы, завкомы, специальные комиссии нередко отбирали по одному из 15—20 достойных кандидатов с условием, чтобы коллектив рекомендовал, кем заменить уходящего на фронт. Отобранные кандидаты рассматривались и утверждались на рабочих собраниях.

Так, из 10 222 тагильчан, которые подали заявления с просьбой зачислить их в корпус, по рекомендациям партийных и общественных организаций, рабочих собраний в части корпуса было направлено немногим более 600 человек.

Уральцы вручили сынам и дочерям — добровольцам свой Наказ:

«Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это наша кровь, наша старинная уральская добрая слава, наш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков. Ждем вас с победой!»

На торжественных проводах на фронт, преклонив колено перед знаменами своих частей, добровольцы дали клятву:

«Не пожалею крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от захватчиков...»

Более двух тысяч километров прошел с боями Уральский танковый, и каждый бой от Орла и до Праги подтверждал: добровольцы свято выполняют клятву уральцам, свою присягу на верность Родине.

Первый салют Москвы в дни войны, 5 августа 1943 года, и последний ее салют, 9 мая 1945 года, были и в честь воинов Уральского добровольческого танкового корпуса. 27 раз за два года салютовала столица добровольцам-танкистам.

Об их ратных подвигах повествует эта книга. Она не повторяет книгу «Добровольцы», изданную Средне-Уральским книжным издательством в 1965 году, является самостоятельным изданием, в подготовке которого приняли участие в своем большинстве новые авторы.

Урал — фронту. Из сборочного цеха завода выходит эшелон с танками

Ветераны корпуса не ограничились описанием боевых эпизодов, они попытались объяснить поступки героев.

Что руководило добровольцами, по зову сердца ушедшими на фронт? Что питало мужество экипажа добровольцев-свердловчан Курбатова, Овчинникова, Бухалова и их юного командира Чесака, когда они в единоборстве с девятью «тиграми» подбили три, а остальных обратили в бегство? Что подняло к вершине солдатского подвига рабочего паренька, добровольца из Челябинска, бронбойщика Худякова, который вывел из строя несколько немецких тяжелых танков и раненый не уходил с поля боя? Что помогло добровольцам-пермякам, окруженным на западном берегу Одера вдесятеро большими силами врага, выйти победителями из безвыходного, казалось, положения?

Авторы воспоминаний искали ответы на такие вопросы, потому что они современны, жизненны, потому что героическое вчера — это урок, это оружие для всех и каждого и сегодня и завтра. Более четверти века минуло после Дня

Победы, к которой привела советский народ мудрая и бесстрашная партия Ленина.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза дал высокую оценку боевым и трудовым делам солдат и командиров-фронтовиков. Они отстояли в годы Великой Отечественной войны свободу нашей Родины. После невиданного, ни с чем не сравнимого напряжения военных лет они сразу же, не думая об отдыхе, устремились на фронт труда и там более четверти века неутомимо работают во имя народа, во имя нашей Отчизны.

В числе гвардейцев труда, неугомонных, пламенных советских патриотов, штурмующих вершины науки, техники, искусства, мы с радостью видим нестареющих умом и сердцем ветеранов добровольческого корпуса: и авторов помещенных в этой книге воспоминаний и очерков, и названных в них героев, и многих других наших однополчан-побратимов.

В конце этого сборника рассказывается о гвардейской танковой Уральско-Львовской добровольческой дивизии. Она находится на переднем крае обороны социализма, является одной из лучших частей Группы советских войск в Германии. За замечательные успехи в учебе и службе, достигнутые объединенными усилиями всего коллектива воинов, дивизия получила Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, удостоена права носить имя Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

Воины дивизии множат боевые традиции, и это прекрасно. Они стремятся сделать жизнь с фронтовиков-героев, воспитывают в себе неодолимое мужество, беззаветную верность ленинскому делу, готовность подобно героям Великой Отечественной войны совершать бессмертные подвиги во славу своего народа, своей любимой Родины.

Вы раскрыли книгу. Надеемся — она вызовет у вас добрые чувства.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ

Генерал-лейтенант танковых войск Георгий Семенович Родин был первым командиром Уральского добровольческого танкового корпуса с момента его формирования до боев на Украине, в районе Фридриховка-Волочиск. В марте 1944 года был отозван в распоряжение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии.

Ныне Георгий Семенович Родин — почетный гражданин городов Волочиска и Подволочиска — находится в отставке. Живет в Орле, активно участвует в работе по военно-патриотическому воспитанию трудящихся.

В первых числах марта 1943 года меня вызвал в Москву командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии генерал-полковник танковых войск Я. Н. Федоренко. Командующий принял меня в своем рабочем кабинете.

— Прошу, прошу. Заходите! Жду вас, — Федоренко шагнул из-за стола навстречу, крепко пожал руку и пытливо посмотрел на меня. — Как здоровье, самочувствие?

Он был осведомлен, что я перенес тяжелое ранение и недавно встал в строй.

— Спасибо. Вполне здоров, — ответил я.

Разговор зашел о применении танковых соединений в тех операциях, в которых мне довелось участвовать, о наших успехах и неудачах, о том, что надо сделать, исходя из опыта, накопленного в боях с фашистами. Тут командующий сказал:

— Уральцы попросили Центральный Комитет партии и Государственный Комитет Обороны разрешить им на свои средства создать и полностью оснастить за счет сверхплановой продукции танковый корпус. Добровольческий. Подобного мир не видел... Просьба удовлетворена. Дана директива: корпус сформировать.

На минуту командующий умолк, видимо, давал мне возможность оценить эту замечательную инициативу. Вдруг он спросил:

— Как вы отнесетесь, если вас назначат командовать этим корпусом?

Вопрос застал меня врасплох. Я, признаться, готовил себя к тому, чтобы ехать не на восток, а на запад — опять на фронт.

— Вижу, возражать не будете?..

— У меня нет другой цели в жизни, как честно служить партии и народу, — сказал я.

— Приказ о вашем назначении будет через два-три дня. Но начинать работу надо сегодня же. Да, сегодня, — повторил командующий, посмотрев на часы. Шел первый час ночи...

Вскоре я получил предписание и выехал на Урал.

В Свердловске я сразу пошел к командующему Уральским военным округом. Им оказался генерал-майор А. В. Катков, в 1922—1923 годах командир стрелкового полка, в котором я командовал ротой.

— Ну вот, опять вместе. Рад видеть тебя генералом, командиром корпуса. И какого!

— Допустим, корпус пока в проекте.

— Будет корпус. Здесь такая работа развернулась!

После короткой беседы мы поехали в Свердловский обком партии, где были приняты первым секретарем обкома В. М. Андриановым.

— Я говорил по телефону с генерал-полковником Федоренко и знаю о вашем назначении, — сказал Андрианов, предлагая сесть. — Формирование корпуса находится в центре нашего внимания. Приходите в любое время — не смотрите на нашу занятость. Нет меня, обращайтесь к секретарю обкома товарищу Аристову. Бюро обкома партии поручило ему заниматься этим вопросом.

Приятно вспомнить встречи и беседы с секретарями Челябинского и Пермского обкомов партии Н. С. Патоличевым и Н. И. Гусаровым, которые с большим вниманием и заботой относились к формированию корпуса, к удовлетворению наших нужд и запросов.

В один из приездов в Челябинск я был принят первым секретарем областного комитета партии Н. С. Патоличевым. Он выслушал меня не только как секретаря обкома партии, но и как член Военного совета Уральского военного округа. Беседа была продолжительной. Мы касались самых различных вопросов формирования, подготовки личного состава к боям. Тут же я узнал, что уральцы, дополнительно ко всему другому, еще решили выделить корпусу сто тысяч рублей для поощрения бойцов и командиров за успехи в боевой и политической подготовке. Для меня это явилось приятной неожиданностью.

— Что касается увеличения нормы боеприпасов для отработки стрелковых упражнений, давайте заявку, как условились, не скромничайте. Уральцы не будут скупиться.

Да, уральцы были щедры для родной Красной Армии, для своего танкового корпуса!

Трудящиеся Свердловской области сформировали танковую и мотострелковую бригады, самоходный артиллерийский полк, минометный дивизион, батальон связи и мотоциклетный батальон; пер-

«Вернемся с победой!» Добровольцы-уральцы отправляются на фронт

мяки — танковую бригаду, минометный полк, автороту; челябинцы — танковую бригаду, противотанковый истребительный полк, батальоны бронеавтомобилей и саперный.

Всеми вопросами этой исключительно сложной и многогранной работы занимались областные комитеты партии. Во всех городах и районах развернули свою деятельность комиссии по отбору добровольцев.

Одно из главных условий зачисления в добровольцы было подготовить на свое рабочее место надежную замену. Нельзя было оголять производство. На место добровольца нередко становились его младший брат или сестра, жена, даже мать.

Я помню, как одна уже немолодая женщина добивалась права занять место сына у станка.

— У вас слабое здоровье. Вам будет тяжело,— внушали ей, но она была непреклонна.

— А кому теперь легко? У меня на фронте муж и два сына.

И третий сын просится к ним день и ночь. Я его сменю.

Создание корпуса вызвало огромный патриотический подъем. Он выразился не только в том, что число добровольцев в несколько раз превысило требуемое количество людей, но и в том, что на предприятиях с небывалой силой вспыхнуло соревнование за выпуск сверхплановой продукции.

Трудовое соревнование за оснащение корпуса вооружением вылилось в форму выполнения боевых заданий. Только на заводах Перми командование корпуса дало свыше четырехсот заданий, и все они были выполнены с честью.

К концу апреля танкисты были полностью обмундированы и оснащены вооружением. В ИСТОРИЧЕСКОМ ФОРМУЛЯРЕ КОРПУСА ИМЕЕТСЯ ЛАКОНИЧНАЯ ЗАПИСЬ О ТОМ, ЧТО ВСЕ, НАЧИНАЯ С ПУГОВИЦЫ НА ГИМНАСТЕРКЕ ДО ТАНКОВ, ТРУДЯЩИЕСЯ УРАЛА ПРИОБРЕЛИ НА СВОИ ЛИЧНЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ И СРЕДСТВА, ЗАРАБОТАННЫЕ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ.

Плановая боевая учеба началась сразу по прибытии первых добровольцев. Много времени отводилось огневой и тактической подготовке в условиях, максимально приближенных к боевым.

Целеустремленно действовали политотдел корпуса, политотделы и политработники частей и подразделений. Благодаря их усилиям, первичные партийные организации возглавили энергичные, инициативные руководители, имевшие опыт работы в массах. С политическими докладами и беседами перед бойцами выступали офицеры всех степеней — от командира корпуса до командира взвода.

Корпусная газета «Доброволец» из номера в номер рассказывала об опыте лучших воинов, о трудовых достижениях уральцев. Прочные связи с военкорами, поиски новых форм подачи материалов позволили небольшому коллективу журналистов (тоже добровольцев) делать газету содержательной, интересной.

Между тем время, отведенное нам на подготовку, подходило к концу. Уральцы дали нам свои Наказы. Они вручались в торжественной обстановке каждой части, каждому подразделению вместе с шефскими Красными знаменами.

Обсуждение Наказов вызвало среди воинов прилив новых сил. Добровольцы ответили трудящимся клятвой. «Мы не дрогнем в боях за нашу святую землю,— говорилось в ней.— Мы выполним ваш Наказ и вернемся на родной Урал только с победой».

В конце июля 1943 года 30-й Уральский добровольческий танковый корпус в составе 4-й танковой армии сосредоточился в районе Козельска. Пришло время боевого крещения уральских добровольцев.

Павел Афанасьевич Устюгов девятнадцатилетним вступил в Уральский добровольческий танковый корпус, был он на фронте и санитаром, и автоматчиком, и разведчиком.

Вернувшись после победы на родной Урал, Павел Афанасьевич без отрыва от производства закончил вечернее отделение политехнического института, занимался в заочной аспирантуре, стал кандидатом технических наук.

В настоящее время он является старшим научным сотрудником ВНИИтяжмаша Уралмашзавода. Результаты исследований Павла Афанасьевича Устюгова в области усовершенствования технологии изготовления немагнитных бандажных колец для турбогенераторов большой мощности успешно внедряются в производство.

Зимой сорок второго года каменск-уральские школы наполовину опустели: многие старшеклассники ушли на заводы. Заканчивалась перестройка промышленности на военный лад, и рабочих не хватало. Бывшие школьники быстро осваивали специальности фрезеровщиков, слесарей, литейщиков. Я стал токарем.

Одиннадцать часов у станка, а после смены — военная подготовка. Хотелось на фронт, но в военкомате говорили: «Подождите».

И дождались. 25 февраля 1943 года на заводском митинге мы узнали о том, что рабочий класс Урала создает добровольческий танковый корпус. Что тут началось! Мы осаждали комитет ВЛКСМ и партком: «Запишите меня!» На столах у секретарей лежали груды заявлений. Каждый доказывал, что именно ему по всем статьям необходимо отдать предпочтение.

Две недели в мучительном ожидании: возьмут — не возьмут? Мы знали, что отбирают лучших — ударников, коммунистов, комсомольцев. Пока у корпуса не было официального наименования, его так и называли «коммунистическим».

С завода отобрали двадцать пять человек — среди счастливых оказался и я, а также мои друзья Саша Базуев, Виктор Кобяков, Иван Зуев. Город торжественно провожал добровольцев. На вокзал пришли сотни людей — пожелать нам возвращения с победой.

Прибыли на пункт формирования мотострелковой бригады. Тут выяснилось, что нас хотят зачислить в медсанвзвод. Сначала это

нам не понравилось. Нам показалось, что санитар — боец последнего сорта. «Зря это вы, — сказал Сергей Дмитриевич Градусов, — очень трудно санитару в боевых условиях». Ему мы поверили: на его груди была медаль «За отвагу».

Начались занятия. Нужно было в короткий срок овладеть военной специальностью. Бойцы из медсанвзвода проходили практику в госпитале, осваивали азы медицины. Нас торопил фронт.

27 июля корпус получил боевое крещение. Через несколько часов я уже перевязывал своего первого раненого — им оказался Иван Зуев. Дни и ночи сливались в один сплошной бой. Я видел его иначе, чем другие, — мне не пришлось поначалу штурмовать немецкие укрепления. Но о мужестве бойцов мог судить уже по тому, как они держались, получив ранения. Подойдешь к солдату, а он окровавленный, посылает в соседнюю воронку: мол, там товарищу еще хуже.

Вскоре меня перевели в разведку. Первое задание — выявить огневые точки противника. Поползли вшестером. Открыли огонь. Немцы ответили, а наши танкисты засекли и уничтожили тем временем их доты, дзоты и пушки.

С заданием мы справились.

Рассказ
добровольца-агитатора
К. П. Петрова

ПОДАРОК ЗЕМЛЯКОВ

Товарищи, вы овладеваете минометами, которые сделали для нас земляки. Это замечательный подарок рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода. Это превосходное боевое оружие они готовили сверх плана и на свои личные средства.

Стахановец — электросварщик т. Малезный не покидал своего поста, пока не выполнил две нормы. Как богатыри, работали стахановцы электросварщица Двоглазова, кузнец Елисеев и его подручная Полякова, станочница Ляхова, члены бригад тт. Дациока, Волошина, Марчука. Вдвое-втрое перекрывали они нормы.

Отличился сталевар Пушня. В дни, когда на заводе готовили для нас подарок, Пушня был переведен на электропечь. Он быстро освоил новое

дело и выплавил много стали сверх плана для наших минометов.

Земляки, вручая минометы, потребовали от нас в совершенстве овладеть этим грозным оружием, беспощадно бить врага. И мы начинаем выполнять их требование.

Сержант Осолихин недавно по-стахановски трудился на том заводе, откуда прислали нам подарок — минометы. Упорно учится он сейчас военному делу. Отлично работают расчеты сержантов Зылева и Дунина, красноармейцы Кулаков, Семичев, Изможиров, старший сержант Смирнягин.

Подразделение имеет высокую оценку по боевой подготовке. Все стрельбы выполнены отлично.

(Газета «Доброволец»,
30 июня 1943 г.)

Наш механический цех был в основном молодежный. А цеховая комсомольская организация самой боевой и инициативной. Возглавлял ее Саша Колчанов. Все мы жили одной мыслью — сделать как можно больше продукции для фронта. Поиск путей к этому навел нас на мысль: создать фронтовые бригады.

Первую поручили организовать мне. В состав ее вошли самые трудолюбивые и дисциплинированные — Надя Осколкова, Паня Трубина, Лиза Кожевникова, Паня Путинцева, Вера Нестерова, Нюся Данилова и Тоня Якимова. Наш девиз был — работать по-фронтовому, отдавать все силы для обеспечения фронта нашей продукцией.

К моменту организации Уральского добровольческого танкового корпуса на заводе насчитывалось 268 таких бригад. Самоотверженным трудом и денежными отчислениями они помогли сформировать добровольческий танковый корпус — гордость уральцев.

Многие члены фронтовых бригад влились в состав корпуса и храбро сражались с немецкими захватчиками.

В их числе — комсорг цеха Саша Колчанов, Алексей Конев, Владимир Ладейщиков.

А. ТРУБИНА, мастер пермского завода им. В. И. Ленина («Звезда», 5 апреля 1968 г.)

Н А К А З

БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ И ПОЛИТРАБОТНИКАМ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА ОТ ТРУДЯЩИХСЯ УРАЛА

РОДНЫЕ НАШИ СЫНЫ И БРАТЬЯ, ОТЦЫ И МУЖЬЯ!

ИСТАРИ ПОВЕЛОСЬ У НАС: ПРОВОЖАЯ НА РАТНЫЕ ДЕЛА СВОИХ СЫНОВ, УРАЛЬЦЫ ДАВАЛИ ИМ СВОЙ НАРОДНЫЙ НАКАЗ.

ПРОВОЖАЯ И БЛАГОСЛОВЛЯЯ ВАС НА БИТВУ С ЛЮТЫМ ВРАГОМ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ, ХОТИМ И МЫ НАПУТСТВОВАТЬ ВАС СВОИМ НАКАЗОМ. ПРИМИТЕ ЕГО КАК БОЕВОЕ ЗНАМЯ И С ЧЕСТЬЮ ПРОНЕСИТЕ СКВОЗЬ ОГОНЬ СУРОВЫХ БИТВ, КАК ВОЛЮ ЛЮДЕЙ РОДНОГО УРАЛА.

В РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ ВЫХОДИТЕ ВЫ НА СМЕРТНЫЙ БОИ ЗА ЧЕСТЬ, СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ РОДИНЫ.

С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ СИЛЬНЕЕ РАЗГОРАЮТСЯ БОИ С НЕНАВИСТНЫМИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ. И ЕЩЕ НЕМАЛО СРАЖЕНИЙ УСЛЫШИТ И УВИДИТ РОДНАЯ НАША ЗЕМЛЯ.

МЫ НАКАЗЫВАЕМ ВАМ:

ПОЛНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ВЫСОКУЮ МАНЕВРЕННОСТЬ ВАШИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МАШИН. СТАНЬТЕ МАСТЕРАМИ ТАНКОВЫХ УДАРОВ.

ОВЛАДЕВАЙТЕ ТАКТИКОЙ ВЕДЕНИЯ БОЯ, БЛЕСТЯЩИМ ОБРАЗЦОМ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ СРАЖЕНИЕ У СТЕН СТАЛИНГРАДА, ПРИНЕСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПОБЕДУ КРАСНОЙ АРМИИ.

ЛЮБИТЕ СВОИ МАШИНЫ, УХАЖИВАЙТЕ ЗА НИМИ, ЧТОБЫ ОНИ ВСЕГДА БЕЗОТКАЗНО СЛУЖИЛИ ВАМ В БОЮ.

ПОКАЗЫВАЙТЕ ОБРАЗЦЫ ВЫСОКОЙ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, СТОЙКОСТИ, ОРГАНИЗОВАННОСТИ.

ВПЕРЕД НА ЗАПАД! ТУДА ГЛЯДИТЕ, ТУДА СТРЕМИТЕСЬ, ПОЗАДИ ВАС ВСЕ ХОРОШО БУДЕТ. ПУСТЬ НЕ БЕРЕТ ЗА СЕРДЦЕ БЕСПОКОЙСТВО ЗА СЕМЬЮ, ЗАВОД, ШАХТУ, КОЛХОЗ.

ДАЕМ ВАМ СЛОВО КРЕПКОЕ, КАК ГРАНИТ НАШИХ ГОР, ЧТО МЫ, ОСТАВШИЕСЯ ЗДЕСЬ, БУДЕМ ДОСТОЙНЫ ВАШИХ БОЕВЫХ ДЕЛ НА ФРОНТЕ. ЕЩЕ ЯРЧЕ ВСПЫХНЕТ СЛАВА НАШЕГО КРАЯ, СЛАВА НАШИХ ДЕЛ. БУДЕТ СНАРЯДОВ И ПУЛЬ И ВСЯКОГО ОРУЖИЯ У ВАС ДОСТАТОЧНО.

ВСЕ ПОШЛЕМ, ВСЕ ДОСТАВИМ РОДНЫМ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ. НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ, В ДЫМУ СРАЖЕНИЙ ЧУВСТВУЙТЕ РЯДОМ С СОБОЙ ВЕСЬ УРАЛ — ОГРОМНЫЙ ВОЕННЫЙ АРСЕНАЛ РОДИНЫ, КУЗНИЦУ ГРОЗНОГО ОРУЖИЯ.

БОЙЦЫ И КОМАНДИРЫ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА!

НА СВОИ СРЕДСТВА СНАРЯДИЛИ МЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС. СВОИМИ РУКАМИ ЛЮБОВНО И ЗАБОТЛИВО КОВАЛИ МЫ ДЛЯ ВАС ОРУЖИЕ. ДНИ И НОЧИ РАБОТАЛИ МЫ НАД НИМ. В ЭТОМ ОРУЖИИ — НАШИ ЗАВЕТНЫЕ И ГОРЯЧИЕ ДУМЫ О СВЕТОМ ЧАСЕ НАШЕЙ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ; В НЕМ — НАША ТВЕРДАЯ, КАК УРАЛ-КАМЕНЬ, ВОЛЯ: СОКРУШИТЬ И ИСТРЕБИТЬ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ. В ГОРЯЧИЕ БОИ НЕСИТЕ С СОБОЙ ЭТУ НАШУ ВОЛЮ.

ПОМНИТЕ НАШ НАКАЗ. В НЕМ — НАША РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ И СУРОВЫЙ ПРИКАЗ, СУПРУЖЕСКОЕ НАПУТСТВО И НАША КЛЯТВА.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ: ВЫ И ВАШИ МАШИНЫ — ЭТО ЧАСТИЦА НАС САМИХ, ЭТО — НАША КРОВЬ, НАША СТАРИННАЯ УРАЛЬСКАЯ ДОБРАЯ СЛАВА, НАШ ОГНЕННЫЙ ГНЕВ К ВРАГУ. СМЕЛО ВЕДИТЕ СТАЛЬНУЮ ЛАВИНУ ТАНКОВ. ВАС ЖДУТ ПОДВИГИ И СЛАВА.

МЫ УВЕРЕНЫ: ЛЮТЫЙ ВРАГ БУДЕТ ПОВЕРЖЕН В ПРАХ. И ТОГДА ПУЩЕ ПРЕЖНЕГО ЗАЦВЕТЕТ, ЗАКРАСУЕТСЯ РОДНАЯ ЗЕМЛЯ, СЧАСТЛИВО ЗАЖИВУТ ВСЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ.

ЖДЕМ ВАС С ПОБЕДОЙ! И ТОГДА КРЕПКО И ЛЮБОВНО ОБНИМЕТ ВАС УРАЛ И ПРОСЛАВИТ В ВЕКАХ ГЕРОИЧЕСКИХ СЫНОВ СВОИХ. ЗЕМЛЯ НАША СВОБОДНАЯ И ГОРДАЯ СЛОЖИТ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЧУДЕСНЫЕ ПЕСНИ.

К Л Я Т В А

БОЙЦОВ, КОМАНДИРОВ И ПОЛИТРАБОТНИКОВ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

УРАЛЬЦЫ, РОДНЫЕ НАШИ!

НАМ, СЫНАМ СВОИМ, ПОРУЧАЕТЕ ВЫ ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ, СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ ОТЕЧЕСТВА.

СТОЛЕТИЯМИ КОВАЛАСЬ ВОИНСКАЯ СЛАВА УРАЛА. В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ ЗА ПЕТРОМ ШЛИ ОТВАЖНЫЕ НАШИ ПРЕДКИ. ОНИ ПЕРЕХОДИЛИ С СУВОРОВЫМ НЕПРИСТУПНЫЕ АЛЬПЫ. ЗНАМЕНА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО И ПЕРМСКОГО ПОЛКОВ РАЗВЕВАЛИСЬ НА ПОЛЯХ БИТВ С НАПОЛЕОНОМ. НЕ ЖАЛЕЯ КРОВИ И ЖИЗНИ СВОЕЙ, ОТЦЫ НАШИ ОТСТАИВАЛИ МОЛОДУЮ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ. СТОЙКИМИ, ВЕРНЫМИ СЫНАМИ ОТЧИЗНЫ ПОКАЗАЛИ СЕБЯ УРАЛЬЦЫ В ДНИ СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКИ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ. И ТЕПЕРЬ, В РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ САМОГО СИЛЬНОГО И САМОГО КОВАРНОГО ВРАГА, СЕДОЙ УРАЛ СНОВА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ СЫНОВ СВОИХ — ДОБРОВОЛЬЦЕВ НА РАТНЫЕ ПОДВИГИ.

ТОВАРИЩИ УРАЛЬЦЫ!

ВЫ ДОВЕРИЛИ НАМ ПОВЕСТИ ГРОЗНЫЕ БОЕВЫЕ МАШИНЫ НА ВРАГА. ВЫ СОЗДАВАЛИ ИХ, НЕ ДОСЫПАЯ НОЧЕЙ, НАПРЯГАЯ ВСЮ ВОЛЮ И СИЛЫ СВОИ. В БРОНЕ НАШИХ ТАНКОВ, В НАШИХ ПУШКАХ И АВТОМАТАХ ВАША МЫСЛЬ И ЭНЕРГИЯ, ВАША НЕУКРОТИМАЯ НЕНАВИСТЬ К ДЕТОУБИЙЦАМ, ВАША ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ СТРАСТЬ И УВЕРЕННОСТЬ В ПОБЕДЕ. НА ЗАВОДАХ, НА ФАБРИКАХ И В КОЛХОЗАХ МЫ, КАК ЗНАМЯ, НЕСЛИ ТРУДОВУЮ КЛЯТВУ УРАЛЬЦЕВ. ТЕПЕРЬ, НАХОДЯСЬ В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ, МЫ ПРОИЗНОСИМ СЛОВА БОЕВОЙ КЛЯТВЫ НА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ.

К Л Я Н Е М С Я !

БЫТЬ ОБРАЗЦОМ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ. СВЯТО СОБЛЮДАТЬ ПОРЯДОК И ОРГАНИЗОВАННОСТЬ. В СОВЕРШЕНСТВЕ ОВЛАДЕТЬ БОЕВОЙ ТЕХНИКОЙ.

МЫ НЕ ДРОГНЕМ В БОЯХ ЗА НАШУ СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ. НЕ ПОЖАЛЕЕМ КРОВИ И САМОЙ ЖИЗНИ РАДИ СВОБОДЫ И СЧАСТЬЯ НАШЕГО НАРОДА, РАДИ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ РОДНОЙ ЗЕМЛИ ОТ ЗАХВАТЧИКОВ.

К Л Я Н Е М С Я !

ОТОМСТИТЬ ВРАГУ ЗА РАЗРУШЕННЫЕ ГОРОДА И СЕЛА, ФАБРИКИ И КОЛХОЗЫ, ЗА ПЫТКИ И СЛЕЗЫ СТАРИКОВ И ДЕТЕЙ, СЕСТЕР И МАТЕРЕЙ.

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБУДЕМ, НИЧЕГО НЕ ПРОСТИМ ФАШИСТСКИМ ВАРВАРАМ.

К Л Я Н Е М С Я !

В РЕШАЮЩИХ БОЯХ С НЕНАВИСТНЫМ ВРАГОМ БЫТЬ В ПЕРВЫХ РЯДАХ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ, МЫ НЕ ОПОЗОРИМ ВЕКОВУЮ СЛАВУ УРАЛЬЦЕВ. МЫ ВЫПОЛНИМ ВАШ НАКАЗ И ВЕРНЕМСЯ НА РОДНОЙ УРАЛ ТОЛЬКО С ПОБЕДОЙ.

НЕ ДРОГНЕМ...

Василий
Фирсов

Коренной уралец Василий Яковлевич Фирсов прибыл в Свердловскую танковую бригаду, имея за плечами множество боев, три ранения, учебу на командных курсах «Выстрел». Узнав об организации Уральского добровольческого корпуса, он подал рапорт командующему военным округом и был направлен командиром батальона автоматчиков.

В тяжелейших для корпуса боях северо-западнее Орла комбат Фирсов проявил себя храбрым и умелым офицером. Но четвертое ранение вывело его из воинского строя.

6 лет после войны Василий Яковлевич работал директором золотого прииска на Урале, потом окончил горный институт. Сейчас — главный инженер проекта института Унипромедь в Свердловске.

За подвиги на фронте был удостоен ордена Красного Знамени и медалей, за работу на Урале после войны — ордена «Знак Почета».

На встречах с молодежью, со школьниками меня часто спрашивают, что мне больше всего запомнилось из жизни Уральского добровольческого танкового корпуса?

Я отвечаю — организация его и первый бой на Орловской земле.

Создание корпуса по-хорошему взволновало уральцев. На предприятиях с новой силой вспыхнуло соревнование за выпуск сверхплановой продукции, развернулся сбор денежных средств в фонд добровольческого корпуса. Даже школьники внесли свою лепту: собирали металлолом на танки, отдавали в фонд обороны деньги, заработанные после учебы, нередко сами просились на фронт.

Весной формирование батальона было закончено. Добровольцам — основная их масса не проходила военного обучения — надо было в очень короткий срок познать оружие, научиться метко стрелять, преодолевать препятствия, действовать отделением, взводом, ротой, вести бой во взаимодействии с танками, артиллерией. Надо было привык-

Герой Советского Союза А. П. Николаев с бойцами его роты автоматчиков Свердловской танковой бригады

нужно держаться на броне быстро идущих танков, укрываться от огня противника за башней, соскакивать с танка на полном ходу и сразу же бросаться в атаку.

Занимались по 12—14 часов в сутки. Отдыхали только во время короткого сна. Командиры готовились к занятиям ночью. Боевая подготовка проводилась на танкодроме, стрельбище в условиях, близких к фронтовым. И добровольцы быстро становились настоящими воинами. Лучшим подразделением в батальоне стала рота автоматчиков лейтенанта Александра Петровича Николаева — ныне Героя Советского Союза, слесаря-сборщика ткацкого комбината.

В расположение бригады часто приходили делегации районов, предприятий, друзья и родственники добровольцев, вручали им подарки, письма, наказы.

Однажды пожилая женщина принесла носовые платки, кисеты, махорку, пироги и сказала: «Нелегко матерям расставаться с сыновьями, но женщины, которые сшили платки и кисеты, испекли пироги, просили сказать: «Идите, сыны наши, в бой, бейте врага!»

Время, отведенное нам на подготовку, подошло к концу. Расставание с родным краем, с дорогими земляками запомнилось на всю жизнь. Воины Свердловской танковой бригады пришли в оперный театр. Мы — в партере, а в ложах, бельэтаже — представители заводов и колхозов Свердловска и области. Там мы получили Наказ уральцев. Там командир корпуса, генерал Родин, преклонив колено, принял Красное знамя, с которым нам предстояло пойти в бой, и воины-добровольцы повторяли вслед за ним клятву землякам:

— Клянемся! Мы не дрогнем в боях...

Провожать нас, уезжающих на фронт, пришли тысячи свердловчан, пришли руководители области, командование.

Как начальник эшелона я доложил секретарю обкома, генералам Родину и Каткову о готовности эшелона к отправке.

Добровольцы запели только что разученную песню:

В грозной битве победим мы,
Снова встретимся с тобой...

Подаю команду «По вагонам»!

Последние объятия, поцелуи.

27 июля 1943 года части корпуса вышли на рубеж реки Орс. Заболоченная пойма реки, илистое дно и крутой южный берег оказались неприступными для танков. Попытка танкистов преодолеть водную преграду с ходу не удалась.

Батальону автоматчиков была поставлена задача: форсировать реку Орс, захватить деревню Бессоновку и обеспечить наведение переправ для прохода танков.

В ночь с 27 на 28 июля мы провели разведку переднего края обороны противника. Она оказалась глубоко эшелонированной: берег реки был заминирован, в огородах деревни — окопы, соединенные ходами сообщений, среди надворных построек искусно заминированные доты, в глубине деревни в районе церкви сосредоточены новые гитлеровские танки «тигры» и «пантеры».

Ночью отдельные группы автоматчиков переправились на вражеский берег и сделали несколько проходов в минных полях, а отделение под командованием старшего сержанта Компанейца, добровольца из Каменска-Уральского, ворвалось в боевые порядки гитлеровцев, уничтожило пулемет, двух снайперов и заняло круговую оборону. Всю ночь наши автоматчики отбивались от вражеских солдат, часто пуская в ход гранаты и черные ножи — подарок златоустовских рабочих.

Утром 28 июля после короткой артиллерийской подготовки батальон попытался форсировать реку, но лишь отдельным группам добровольцев удалось проникнуть на противоположный берег и закрепиться там.

Только во второй половине дня после мощного артиллерийского налета добровольцы с криком «Ура» дружно бросились к реке, форсировали ее, ворвались в деревню Бессоновку.

Гитлеровцы бежали, оставив на поле боя много оружия.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

[Северо-западнее Орла]

Начатая немецко-фашистским командованием 5 июля 1943 года операция «Цитадель», преследовавшая цель окружить и уничтожить советские войска под Курском, в течение одной недели потерпела полный крах. Советская Армия перешла в контрнаступление.

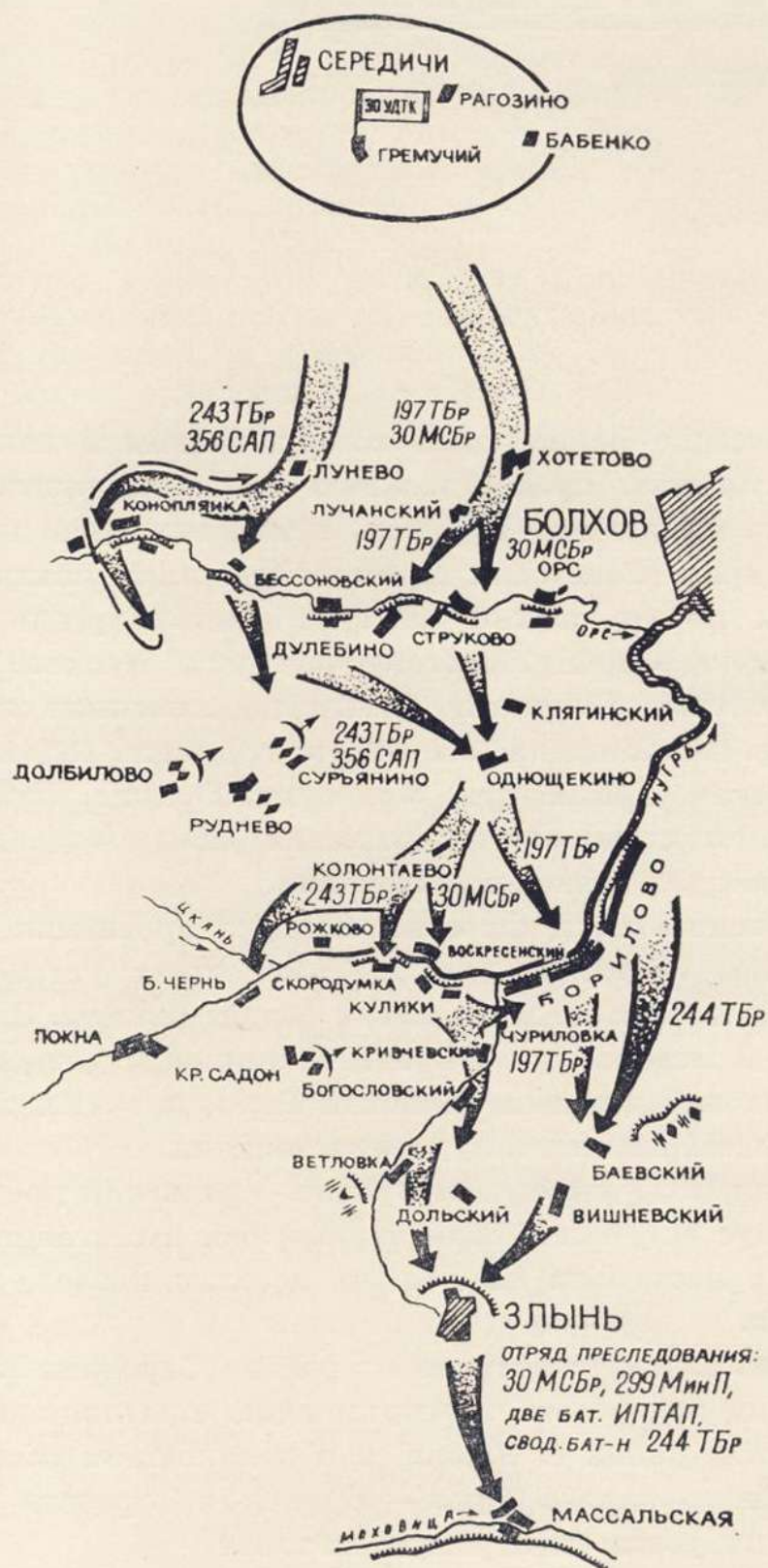
Гитлеровцы на Орловском выступе создали развитую, глубоко эшелонированную оборону, систему опорных пунктов и мощных узлов сопротивления. Открытая, сильно пересеченная местность способствовала противотанковой обороне противника, созданию рубежей обороны по рекам Орс, Нугрь, Моховица, Орлица, Лубна. Прошедшие перед началом нашего наступления дожди сделали местность труднодоступной для танков и автомашин.

Непосредственно перед фронтом корпуса противник имел не менее ста орудий, 75 танков, до 20 самоходных установок, шестиствольные минометы и до пяти тысяч солдат пехоты. Здесь оборонялись части 25-й моторизованной и 18-й танковой дивизий, гренадерский полк танковой дивизии «Великая Германия». Их действия поддерживались массированными ударами авиации.

27 июля был получен боевой приказ. Уральский добровольческий танковый корпус вступил в свой первый бой в составе 4-й танковой армии, которая наступала на Болхов, а затем нанесла удар на Хотынец, Карачев.

Корпус имел задачу: наступая из района Середичи (южнее г. Козельска) на юг, перерезать коммуникацию противника Болхов-Хотынец и выйти в район с. Злынь, а в дальнейшем оседлать железную и шоссейную дороги Орел — Брянск и отрезать пути отхода Орловской группировки гитлеровцев на запад.

Части корпуса к исходу дня пробились к реке Орс. Здесь противник взорвал мосты. Заболоченная в результате прошедших дождей пойма, илистое дно, крутой южный берег стали неприступными для танков.

Орловская операция (1-й этап. Середичи — Злынь)

Первым подошел к реке батальон автоматчиков Свердловской бригады под командованием капитана В. Я. Фирсова. Он был встречен шквальным огнем противника и понес большие потери. В это время на правом фланге корпуса Пермская танковая бригада с самоходно-артиллерийским полком атаковала противника. Батальоны капитана Андреева и майора Чижова с ходу форсировали реку Орс в районе деревень Рылово и Коноплянка. Но их успех не был вовремя поддержан и закреплён главными силами корпуса из-за отсутствия надежной связи и четкого взаимодействия.

После артиллерийской и авиационной подготовки и залпа «катюш» бойцы мотострелковой и Свердловской танковой бригад, поддержанные огнем самоходных установок, начали атаку. Под непрекращающимся массированным огнем врага автоматчики лейтенанта Литвиненко со взводом противотанковых ружей переправились через реку Орс и закрепились на северо-западной окраине Дулебино. Противник заградительным огнем артиллерии и минометов отрезал их от остальных частей и прижал к реке. Несмотря на это, отдельные группы автоматчиков закрепились на противоположном берегу. После вторичной артподготовки батальон капитана Фирсова при поддержке огня своей бригады форсировал реку. Одновременно мотострелки батальона старшего лейтенанта Костырева в сопровождении танков Свердловской бригады форсировали реку и после ожесточенной схватки выбили противника из Дулебино.

Саперы навели переправы, и к исходу 28 июля Пермская, Свердловская танковые и мотострелковая бригады захватили южный берег, освободив населенные пункты Струково, Орсовский. Первым переправился на противоположный берег танковый взвод лейтенанта Дикого из Свердловской бригады.

Утром 30 июля Свердловская бригада с самоходно-артиллерийским полком форсировали реку Нугрь и овладели селом Борилово.

Южнее Борилово, у высоты «212,2», развернулись ожесточенные танковые бои. Здесь командир корпуса ввел в бой Челябинскую танковую бригаду. 2 августа корпус овладел селом Злынь и вышел к оборонительному рубежу противника в районе Массальская.

Действия Уральского танкового корпуса вместе с другими соединениями фронта создавали угрозу окружения Орловской группировки противника.

Первый салют Родины 5 августа 1943 года — салют доблестным войскам за освобождение Орла и Белгорода — был и в честь уральских добровольцев.

МЫ СДЕЛАЛИ ТАНКИ И ПОВЕЛИ ИХ В БОЙ!

Иван
Раменский

Шлем танкиста Иван Сергеевич Раменский надел задолго до войны, еще когда служил на Дальнем Востоке. Участвовал в советско-финской войне, а в Великую Отечественную он уходит на фронт добровольцем с Уральским танковым корпусом. В семье танкистов Свердловской бригады было немало мастеров вождения, и коммунист Раменский — один из лучших.

Награжден орденами Красного Знамени, Славы двух степеней, Отечественной войны двух степеней и медалями.

Я тагильчанин. Люблю свой город-труженик, его людей за их верность традициям революции, за их легендарный подвиг в годы фашистского нашествия.

Да, легендарный!

С сорок второго по апрель сорок пятого года только один наш Уралвагонзавод изготовил и отправил на фронт 35 тысяч «тридцатьчетверок». Целые развитые индустриальные государства не в состоянии были сделать за всю войну ни такого количества танков, ни сконструировать такую прекрасную по боевым достоинствам машину, как Т-34, которую мне посчастливилось вести в бой. И не только мне! Все «тридцатьчетверки» Уральского добровольческого корпуса, с какими мы начали сражения под Орлом, были изготовлены рабочими Вагонки сверх государственной программы.

Еще скажу: не видел я за немалую свою жизнь, чтобы люди рвались так на самое тяжелое, может быть, на смерть — ведь фронт есть фронт. «Мы сделали танки — мы их поведем в бой!» — заявили мои друзья по Тагилу, добровольцы корпуса.

И вот мы на фронте, северо-западнее Орла.

Корпусу пришлось таранить оборону противника, преодолевать крутые и глубокие овраги, заболоченные низины. Достаточно было танку застрять, как он тут же оказывался мишенью для пушек и авиации противника, для его новейших танков, шестиствольных

минометов и противотанковых танкеток — торпед, которые он бросил против нас.

Первый же день боев (было это 27 июля 1943 года) оказался несчастливым для нашего экипажа — не повезло и мне и родной «тридцатьчетверке».

Подойдя к деревне, которую было приказано взять нашей ротой, мы попали под массированный артиллерийский огонь немцев. Загорелась одна машина, другая... Маневрируя, я стал обходить вражеские позиции с фланга, а командир башни между тем обстреливал немецкие пушки. И вдруг, точно неведомая сила, приподняла и бросила на землю наш танк. Мотор заглух. Я остался в машине один. Подался к пушке, отстреливался до вечера, пока не оживил мотор и вывел машину с поля боя. Руки мои были избиты осколками. Хотели отправить в госпиталь, я воспротивился: «Тащите осколки тут да быстрее». Вытащили, перебинтовали руки, и я поспешил к машине. Наши верные друзья танковые ремонтники меня обрадовали — пока латали мои руки, они успели заделать боковую пробойну от прямого попадания артиллерийского снаряда.

А высоту «212,2» за деревней Борилово ветераны, пожалуй, никогда забыть не смогут.

Танки Свердловской бригады с десантом на броне были встречены сильным огнем. Пушки били в лоб, минометы с правого фланга отрезали наших автоматчиков от танков.

Машина лейтенанта Дикого, вырвавшись вперед, разворотила гусеницами два дзота, уничтожила противотанковую батарею и три миномета. Но и «тридцатьчетверка» получила несколько пробоин, лейтенанта ранило, еще один снаряд ранил башнера Типунова, вывел из строя орудие.

— Стрелять из обоих пулеметов, — приказал лейтенант. — Воронин, дави!

Механик Воронин помчал машину на вражеские окопы. Начал утюжить. Ранило и радиста — пулеметчика Докучаева. Машина загорелась. Воронин вылез под пули и снаряды, сбил огнетушителем пламя с машины и вывел ее в безопасное место.

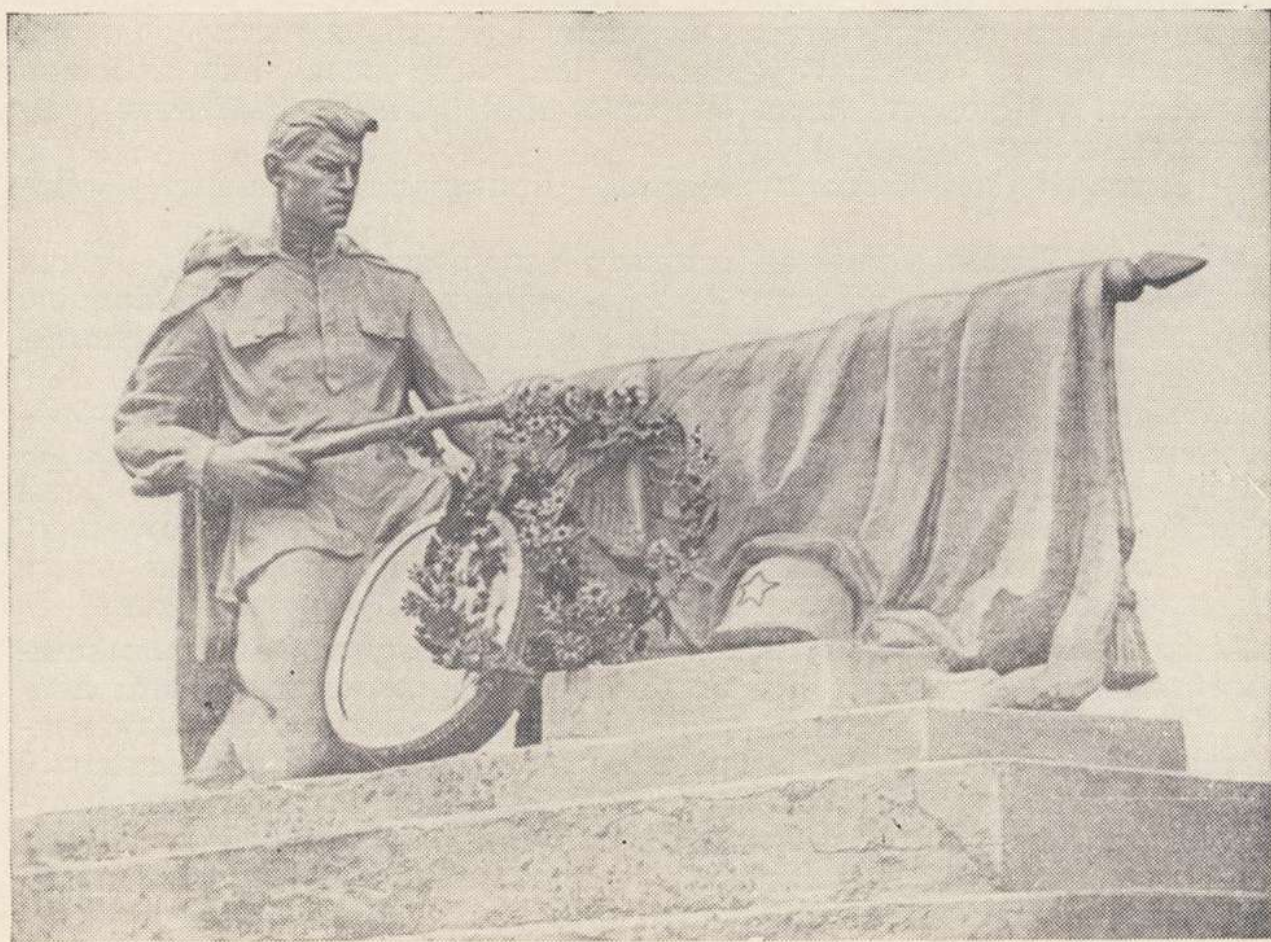
В том бою под Борилово против батальона Иванова немцы бросили много техники и пехоты. Опытный водитель Шамшин непрерывно маневрировал, а башенный стрелок парторг танковой роты Алексей Литвяк успевал с коротких остановок и с ходу подавлять врага. Но вместо уничтоженных танков немцы подбрасывали новые и в еще большем количестве. Почти шесть часов атаковали они.

Танк комбата Иванова был выведен из строя, загорелась машина лейтенанта Тумашевского, подбили и танк командира роты лейтенанта Дудниченко. Отвести его Шамшин уже не мог. На беду кончились боеприпасы. И в это время в танк угодила второй немецкий снаряд, машина загорелась, в ней начали рваться пулеметные диски. Лейтенант Дудниченко приказал покинуть танк. Экипаж захватил с собой лобовой пулемет, четыре уцелевших к нему диска, ППШ, автоматные диски и — к полю высокой ржи. Вблизи авиаци-

А. А. Литвяк

Памятник в селе Борилово над могилой
добровольцев корпуса

онной воронки слышали стоны. Поползли на них и перетащили в воронку тяжелораненых Тумашевского и его башенного стрелка Большакова. До ржи оставалось метров тридцать, когда увидели подбитый танк комбата Иванова и ползущих к нему немцев.

— Литвяк, Козуб! — приказал Дудниченко башнеру и радисту-пулеметчику. — На выручку капитана! Наверно, ранен — найти!

Двое суток не подпускали немцев к авиационной воронке Шамшин и наши раненые автоматчики. Как Литвяк и Козуб обнаружили израненного комбата, как они дрались вместе с ним с врагами в неравном, последнем своем бою, этого никто рассказать не мог: останки героев-добровольцев Литвяка и Козуба, комбата Иванова были на третьи сутки найдены во ржи.

В деревне Борилово есть могила павших уральских добровольцев, и на ней — скромный памятник. Недавно на Орловщину, на могилу, в которой похоронен и парторг роты тагильчанин Алексей Литвяк, приехал его брат, ветеран войны Василий Александрович со своим сыном Валерием, только что отслужившим свой солдатский срок в ракетных частях.

Отец и сын поклонились праху героев.

ТАКИМИ БЫЛИ МОИ ТОВАРИЩИ

Кузьма
Ланчиков

Токарь-универсал Уралмаша, доброволец Кузьма Александрович Ланчиков уже в Орловских боях стал известен как мастер огня из танковой пушки. Он воевал до конца Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и других. Почетный гражданин города Волочиска.

Кузьма Александрович и после войны продолжает трудиться на родном заводе. Недавно К. Ланчикову присвоено почетное звание ветерана труда Уралмашзавода.

Среди добровольцев, что пошли с Уралмашзавода в Уральский танковый, были мастер коммунист Антон Огарок и два комсомольца: слесарь Геннадий Нестеров и работник ОТК Петр Трепачев. У по-

следних имелся боевой опыт — воевали на Халхин-Голе против японских самураев, где Нестеров заслужил орден Красного Знамени.

Нам, танкистам Свердловской бригады, было приятно, что рядом с нами находятся такие боевые ребята. Они попросили дать им возможность воевать в одном экипаже.

Шел второй или третий день сражения под Орлом. Танк урал-машевцев прорвался первым через реку. За ним мчались в атаку остальные машины батальона. В это время командир танка Еременко был тяжело ранен. Командовать вызвался башнер коммунист Огарок. Продолжая наступать на врага, чтобы он не успел закрепиться на следующем рубеже, экипаж далеко оторвался от своего подразделения. Должно быть, противник воспользовался этим и сконцентрировал огонь на одном танке. Сперва сорвало гусеницу, потом загорелся бак с топливом. Уже пламя охватило танк, огонь подобрался к экипажу, а Огарок продолжал стрелять. Немцы окружили машину, предлагали сдаваться. Ребята горели, но отвечали огнем по врагу. Тогда приблизились «тигры». Снаряд за снарядом полетел в пылающую машину. Гитлеровцы настолько озверели, что продолжали стрелять даже по месту, где взорвалась вместе с героями «тридцатьчетверка».

...Мой товарищ по заводу, тоже токарь и доброволец Владимир Давыдкин, был в нашей бригаде командиром противотанкового орудия и комсоргом батареи. Смертельно раненный, он продолжал командовать расчетом, до последнего вздоха бил врага.

А любимец бригады лейтенант Владимир Зинченко? Не было боя, чтобы он не отличился.

Когда мы перерезали железную дорогу западнее станции Шахово, Володя Зинченко мчался в голове колонны как разведчик. Уничтожив противотанковую пушку и три вражеских дзота, танк все же получил ответный снаряд в борт и загорелся. Пришлось скрыться в овраге, чтобы сбить пламя и отремонтировать обгоревшую машину.

Вечером башнер Бадяев заметил приближающихся к оврагу немецких пехотинцев. Попасть, не видя цели, очень трудно, а ремонт мотора не закончен — не выедешь. И все же огонь открыли. Солдаты противника скрылись в лощине, притихли. Так продолжалось всю ночь: только они зашумят — башнер Бадяев посылает снаряд. К утру механик Герцик привел машину в порядок, танкисты выехали из оврага, вернулись к основным силам бригады.

Нельзя не вспомнить замечательного парторга нашей танковой роты, добровольца из Свердловска, механика-водителя Игоря Переслегина.

Ночь в освобожденном нами Локте, тревожная, напряженная. Немцы контратакуют. К рассвету Игорь вернулся пешком — машина его сгорела. Попросился парторг в другой танк, у которого вышел из строя водитель и опять — на врага. Возвратился совершенно измученный — экипаж свой он привез мертвым на продырявленной в нескольких местах машине.

Отважный сапер Р. С. Белобородов со своими товарищами расчищают путь для танков от вражеских мин

— Дайте мне башнера и стрелка-радиста!

Из шестой атаки он не вернулся. Снаряд попал в левый ленивец — осколком убило Переслегина.

Таковыми были уральцы — добровольцы, коммунисты.

Через несколько дней Свердловская бригада вышла к реке Десне.

Был короткий отдых. Мы хлебали горячие щи, приготовленные поваром Перевезенцевым, пробившимся с кухней на передовую через завалы Брянских лесов.

С механиком-водителем Булановым (я с ним работал вместе на Уралмаше) разговорились о родном коллективе и решили написать на завод письмо от бойцов-добровольцев. Когда наступило временное затишье, удалось собрать вместе уралмашевцев-танкистов Бухалова, Грабилина, сапера Белобородова, шофера Ларкина. В лесной землянке со светильником из снарядной гильзы писали мы о героически погибших и о тех, кто продолжал воевать, честно выполняя свою клятву.

Мы писали: «Пройдет война. На площади Первой пятилетки у входа на завод коллектив поставит памятник своим героям. На уральском камне-самоцвете вы, наверно, напишете имена погибших добровольцев-уралмашевцев Геннадия Нестерова и Петра Трепачева, Антона Огарка и Израиля Либмана, Владимира Давыдкина и Куприяна Захарова. И поколения юных строителей коммунизма будут чтить память, петь песни об уралмашевцах-добровольцах, которые, подобно Данко, зажгли свои сердца, чтобы светло, свободно и счастливо было всегда советским людям».

БОЛЬ И РАДОСТЬ

Яков
Сосновских

Коммунист Яков Анатольевич Сосновских, уходя из Каменска-Уральского на фронт, заявил проводившим добровольцев землякам: «Оправдаем ваше доверие». Уже в Орловских боях он доказал на деле твердость слова добровольца.

Вернулся Яков Анатольевич на свой Синарский завод сразу после войны в офицерском звании. Более двадцати лет работает начальником отдела. К его фронтовым наградам прибавилась в 1951 году медаль лауреата Государственной премии. Это высокое звание он получил за разработку регламентированного режима производства труб.

Много лет Яков Анатольевич Сосновских является председателем городской организации общества «Знание», возглавляет группу наших ветеранов и является членом совета ветеранов корпуса.

На вторые сутки боев корпуса генерал-лейтенант Г. С. Родин отдал командиру саперного батальона капитану Лукьянову приказ разминировать поля к переправе танков через реку Орс, построить на крутом берегу бревенчатый спуск.

Под шквальным огнем противника саперы расчищали минное поле, но подойти к переправе было невозможно — немцы обстреливали подступы к ней из всех видов оружия. Сбить отсюда противника предстояло роте автоматчиков лейтенанта Тищенко.

В первые минуты боя Тищенко тяжело ранило — его заменил комсомолец младший лейтенант Филиных, и мы продолжали пробиваться к переправе под градом вражеских бомб, снарядов и мин. Они перепахивали чуть ли не каждый метр земли, и я увидел, как

упал Филиных. Подумал — ранен, бросился к нему, но он был мертв, и я принял командование на себя.

До переправы оставалось немного. Бегу, падаю, жду пока подтянутся автоматчики, пулеметчики, показываю им наиболее важные цели, и опять вперед, обдирая руки о камни и комья земли, раскаленной знойным солнцем и огнем немецкой артиллерии.

Наконец показалась река. В другое время, должно быть, спокойная, она сейчас бурлит, шипит от разрывающихся снарядов и мин. «Вперед, уральцы!» — кричу я, увлекая за собой бойцов, и слышу позади громкое «Ура». И вдруг чуть ли не в упор — огонь вражеского пулемета. Моя граната заставила его захлебнуться.

Еще бросок — и мы у переправы. Но тут вражеская пуля опалила мне грудь. В горячке сделал еще несколько шагов и упал. Кусая губы, заглушая боль, я приподнялся на руках, увидел, как наши автоматчики начали рукопашную с немцами, и, думая, что меня могут услышать в гуле взрывов и частой автоматной и пулеметной дробью, отдавал команды. Но, видимо, кровь залила дыхательные пути — я сам себя не слышал. Помню: еще раз поднялся, пробежал немного, строчил из автомата, пока не кончились патроны в диске. У самого спуска к реке упал и потерял сознание.

Уже потом, в госпитале, я узнал: из моих друзей погиб Мищенко, меня же подобрал заместитель командира батальона капитан Низовой.

А через три месяца — радость: нашему корпусу присвоили звание гвардейского. Эта весть помогла мне справиться с раной, вернуться скорее в строй.

Так в боях за Родину шли рядом боль за погибших и радость за наши победы.

Смерть немецким оккупантам!		В РЕШЕ ЧЕСТИ СОЕДИН
ДОБРОВОЛЕЦ		
КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА		
№ 153	ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1943 г.	Из части не выносить
<hr/>		
Ежечасно оттачивать свои военные знания!		
С огромной радостью и сердечным волнением встретили бойцы и командиры нашего соединения сообщение Совинформбюро о наступлении наших войск в районе Орла. Во все — на тактических учениях и в ночной тревоге, на стрелковых занятиях и в краткий час отдыха одна мысль стрел-		
Благословляю вас, сыновья мои, на славный подвиг		
<i>Наказ матери бойца нашего соединения Александры Михайловны Александровой</i>		
Родные сыны мои, любимые орлы страны нашей, бойцы и командиры! Хочу сказать вам свое напутственное слово матери, которая послала сына своего в бой за Отчизну, за нашу нашу Родину, за		
Но есть у вас для всех одна мать — наша Родина. Защищайте ее умом, мужественно. А мы здесь, в глубоком тылу, ваши матери, жены и сестры будем помогать вам в разгроме		

Коммунист, конструктор Челябинского трубопрокатного завода, доброволец Николай Григорьевич Чиж был в Челябинской танковой бригаде политруком роты, затем работником политотдела, фотолетописцем героического ратного труда своих однополчан. Его мастерски исполненные снимки обошли фронтовую и послевоенную печать. За воинскую доблесть гвардии лейтенант Николай Григорьевич Чиж был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями, а как конструктор завода — орденом Трудового Красного Знамени.

В начале войны наш Мариупольский трубопрокатный завод был эвакуирован в Челябинск. Чтобы скорее дать продукцию фронту, люди трудились на монтаже дни и ночи. Жили в палатках, о выходном дне и не мечтали.

Как-то в редкую минуту отдыха рабочие, мастера и я, единственный тогда на монтаже конструктор, повели разговор, возможные ли здесь настоящий трубопрокатный завод и поселок. Были скептики.

А мой заводской друг Николай Руденский — скромный парень и прекрасный работник — обиделся:

— Будет! Да какой еще завод!.. — и весь он светился верой, что труды наши не напрасны.

Прошло немного больше года — пустили первую очередь, перешли наконец из палаток в новые бараки. Можно лучше жить, лучше работать для фронта здесь, в далеком тылу. Но заводские коммунисты — народ неугомонный. Как услышали ранней весной сорок третьего, что уральцы задумали создать добровольческий танковый корпус, так поспешили подать заявления.

Двенадцать человек отобрала комиссия из многих желающих. Каждого из нас утверждало открытое партийное собрание. Когда черед дошел до Николая Руденского, секретарь парторганизации Знобышев прежде всего зачитал его заявление: «Хочу идти в бой коммунистом. Это высокое звание оправдаю».

И вот бой, который был для Николая первым и последним.

За рекой Нугрь — укрепления противника. Разведчики установили, что берега минированы. Ночью под вражеским огнем саперы сделали проходы в минных полях. В установленное время части бригады пошли в атаку.

На нашу артиллерийскую подготовку немцы ответили ураганным огнем — видать, заранее пристреляли чуть ли не каждый метр и заставили наших автоматчиков залечь, не дали танкам подняться на бугор.

Еще немного огня с флангов по обнаруженным позициям врага — и сделан смелый бросок к реке. Она преодолена. Танки мчатся на траншеи. На правобанковом танке вижу моего друга Руденского, вместе с другими четырьмя автоматчиками он припал к броне танка. По тому, как напряжены фигуры, ясно, что у них единственное желание: скорее сблизиться с противником, кинуться, одолеть вражескую траншею.

Но оттуда ударил автомат. Николай покачнулся и без стога упал с танка в высокую рожь.

Наши танки проскочили оборонительный рубеж. Автоматчики спрыгнули с брони, начали рукопашную схватку с гитлеровцами.

К ночи бой кончился. Уцелевшие офицеры и солдаты противника отступили. Взошла луна. Мы долго искали во ржи и, наконец, нашли тело Николая.

При свете луны его лицо мне казалось живым и удивленным. Тело его раскинулось так, как будто он очень устал, как бывало на заводе, и лег просто на землю поспать.

Я взял его кандидатский билет, воинскую книжку и автомат. И тут, на первых метрах нашей земли, взятых с боем у врага, похоронили моего друга.

Первые метры, но они вели к победе.

Когда мне приходится выступать перед молодыми рабочими, солдатами, перед школьниками, я рассказываю им о добровольцах Урала, избравших в грозную годину войны тернистый, но и самый прекрасный путь.

Рассказываю о мечтателе Николае Руденском, так любившем жизнь, ее песни и радости и отдавшим ее ради счастья нынешних поколений.

И хочется мне вложить в их юные души желание: идти по земле нашей так же смело, как шли герои.

ПИСЬМО ТРУДЯЩИХСЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДОБРОВОЛЬЦАМ

[Сентябрь 1943 года]

Дорогие товарищи и братья, славные сыны Урала!

С чувством законной гордости читали мы ваш первый боевой отчет. Земно кланяемся Вам за Ваш великий ратный труд и свято чтим светлую память героев, павших в боях за Родину.

В своей клятве родным уральцам вы обязались в решающих боях с ненавистным врагом быть в первых рядах защитников Родины.

Это обязательство вы доблестно выполняете. В исторической битве за Орел вы шли в авангарде танковой армии.

Имена ваших лучших бойцов и командиров товарищей Дикого, Типунова, Докучаева, Воронина, Зинченко, Мариковского, Еременко, Хаймовича, Алексеенко, Борисова, Щебенко, Медведева, Тарадымова и других займут почетное место в летописи героической борьбы уральцев за освобождение Родины. Никогда не забудут уральцы павших смертью храбрых в кровавой битве с врагом майора Чазова, майора Рахматуллина, капитана Иванова и всех, кто отдал свою жизнь за счастье народное.

Рады сообщить Вам, что ваши земляки делают все, чтобы не отстать от вас в великом деле борьбы с гитлеровцами.

В первом полугодии 1943 года значительно увеличено производство вооружения и боеприпасов, а также металла, топлива, электроэнергии. Это обеспечивает выполнение, а по некоторым видам продукции и перевыполнение обязательств, взятых на 1943 год.

Крупнейшие предприятия нашей области одержали новые производственные победы. Завоевали Красные знамена Государственного Комитета Обороны: завод, где директором т. Максарев, Высокогорский рудник, доменный цех Новотажинского металлургического завода, трубопрокатный цех Первоуральского новотрубного завода, доменный цех Нижнесалдинского завода и ряд других.

Коллектив Первоуральского новотрубного завода принял новые повышенные обязательства и обратился ко всем рабочим области с призывом выполнить годовой план ко Дню Конституции.

Обращение первоуральцев нашло горячий отклик среди трудящихся. Торфопредприятия области (Широкореченское, Лосиновское, Аятское, Монетное), несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, досрочно выполнили годовую программу торфодобычи и дали к 1 сентября дополнительно в фонд Верховного Главнокомандования 85 000 тонн торфа. Этот успех на предприятиях, где раньше применялся преимущественно мужской труд, тем более ценен, что он достигнут исключительно силами женщин. Эту победу одержали ваши жены и сестры.

34 Рука об руку с городом борется за победу и колхозная деревня.

ШАХОВО-БРЯНСКИЕ ЛЕСА—УНЕЧА

Совершив семидесятикилометровый марш, корпус в течение 5—6 августа сосредоточился в районе севернее Ильинского. Был получен приказ: овладеть станцией Шахово и, перерезав железную дорогу Орел — Брянск, отсечь путь отступающему врагу.

Прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, корпус освободил десятки населенных пунктов и 9 августа перерезал железную дорогу Орел — Брянск в районе Шахово.

В сводке Совинформбюро за 9 августа 1943 года сообщалось: «Западнее Орла наши войска, продолжая продвигаться вперед, заняли железнодорожную станцию Шахово (34 км западнее Орла) и ряд населенных пунктов. В боях на этом участке противник несет тяжелые потери в живой силе и технике, о чем свидетельствуют следующие факты. В районе железнодорожной станции Шахово только в одном населенном пункте нашими частями обнаружены десятки немецких танков, подбитых в последних боях огнем советской артиллерии. Захваченные на этом участке в плен солдаты и офицеры противника сообщили, что их 253-я пехотная дивизия в боях за последние три дня потеряла до половины своего личного состава».

На следующий день, продвигаясь на юг, части корпуса перешли шоссейную дорогу Орел — Брянск и продолжали наступление на юго-запад, способствуя освобождению города Карачев.

Свердловская танковая бригада, поддерживая действия 63-й армии, в начале сентября заняла город Локоть, станцию Брасово, перерезала железные дороги Брянск — Льгов, Брянск — Киев и вышла через Брянские леса к Десне.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 17 сентября 1943 года указывалось, что Брянск освобожден в результате умело проведенного обходного маневра по труднодоступной лесисто-болоти-

Гвардии младший сержант наводчик зенитного пулемета Чернявский ведет огонь по вражеским самолетам

стой местности. Это была высокая оценка действий уральских добровольцев в боях за освобождение Брянска.

30-я мотострелковая бригада корпуса, усиленная танками, в конце сентября действовала в составе конно-механизированной группы фронта, имевшей задачу: стремительным ударом перерезать коммуникации противника Брянск — Почеп, Унеча — Клинцы, Новозыбков — Гомель.

23 сентября вместе с другими частями 30-я мотострелковая бригада штурмом овладела городом Унеча. В ознаменование этой победы бригаде было присвоено почетное наименование «Унечской». Она стала первым соединением корпуса и 4-й танковой армии, которое удостоилось такой чести.

При освобождении Унечи особенно отличились разведчики капитана Мокрушина, саперы старшего лейтенанта Кирсанова и автоматчики старшего лейтенанта Пурвинского.

Героев первых боев не перечесть. С беззаветной храбростью шли в атаки воины всех бригад и полков корпуса: танкисты капитанов Иванова и Андреева, майоров Рахматуллина, Чазова и Чижова, автоматчики и стрелки батальонов Фирсова, Гацулюка, Костырева, саперы капитана Лукьянова, лейтенанта Жилина и других.

Менее чем через три месяца после вступления уральских добровольцев в их первый бой народный комиссар обороны СССР своим приказом № 306 от 26 октября 1943 года преобразовал 30-й Уральский добровольческий танковый корпус в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Всем частям корпуса были присвоены наименования гвардейских. 1579 солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями Советского Союза.

18 ноября 1943 года частям и соединениям корпуса в торжественной обстановке с соблюдением военного церемониала вручались гвардейские знамена. На этом празднике присутствовали делегации от тружеников Урала. Гвардейцы отчитывались перед земляками о своих боевых делах.

БРАТЯ СПЕХОВЫ

Яков
Резник

Среди добровольцев, зачисленных в Уральский добровольческий танковый корпус, был член КПСС с 1930 года, редактор заводской газеты Уралмаша Яков Лазаревич Резник.

С редакцией газеты корпуса «Доброволец» Яков Лазаревич прошел весь его боевой путь. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями.

В 1957 году, после увольнения из армии в запас, возвратился в Свердловск. В 1954 году принят в Союз писателей СССР. Его перу принадлежит ряд художественных произведений, в том числе повести «Рассвет над Влтавой», «Доверие», «Народный комиссар», «Чекист».

29 августа 1943 года Уральский добровольческий танковый корпус был выведен в резерв — надо было пополниться личным составом и техникой. Лишь Свердловская танковая бригада, доукомплектованная частью людей и остатком боевых машин Челябинской и Пермской бригад, получила задачу: вместе с 63-й армией прорвать

оборону противника, перерезать железные дороги Брянск — Льгов и Брянск — Киев и, совершив обходный маневр по тылам противника, содействовать освобождению Брянска и Бежицы.

В ночь на 1 сентября оборона немцев была сокрушена и утром бригада, устремившись в прорыв, на высоких скоростях помчалась на запад.

Выжженная земля лежала на нашем пути. Команды фашистских карателей и факельщиков, отходящие последними из деревень и городов, сжигали дома, вешали, расстреливали тысячи мирных ни в чем не повинных людей.

На исходной позиции перед броском первого батальона к деревне Сныткино у нового комбрига полковника Жукова не оказалось времени, чтобы поговорить со мной, работником редакции корпусной газеты, об отличившихся в предыдущем ночном бою. Он показал мне стоявшего на лужайке офицера с орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

— Видите? Это мой заместитель. Он вам все расскажет.

Я подошел, назвал себя. Офицер — тоже.

— Майор Спехов, Федор Яковлевич.

Так вот почему скуластое лицо его с первого взгляда показалось мне знакомым!

— Павел Константинович — ваш брат?

— Вы знаете Павла? Вы с Уралмаша!..

Разговорились.

Федор Спехов рос под одной крышей с Павлом, и тот был для него не только двоюродным братом, а старшим другом, наставником в жизни.

— Мы заядлые охотники, белок стреляли с лета... Теперь, поди, забыл об охоте...

Он, оказывается, еще не знал о разлившемся по Уралу и вышедшем за его пределы народном потоке, названном **спеховским** движением. Лучший токарь Уралмаша Павел Константинович Спехов нашел быструю и доходчивую форму обучения подростков заводскому мастерству. Оно было необходимо, производство задыхалось без квалифицированных станочников — многие ушли на фронт. Сперва Павел Константинович взял паренька Леню Терентьева, пришедшего в цех со вторым разрядом, предложил ему станок рядом со своим, спросил: «Хочешь со мной работать в один наряд?» Парень не верил своим ушам: «Как это?.. Вы — универсал, а я — ноль без палочки...» Спехов подбодрил паренька: «Через полгода будет из тебя классный токарь, только не ленись».

Закончился пробный месяц работы в один наряд — Терентьев выиграл вдвое по сравнению с прежним заработком, Спехов потерял половину своего.

— Неладное задумал, Константиныч, — твердили иные друзья по цеху и жена, — скоро и трети не будешь получать.

— Пусть... Не это главное. Мои братья — Федор, Василий, а ныне и меньшей — Владимир на фронте. Они там о себе не пекутся...

На четвертый месяц Леониду Терентьеву уже по плечу были работы по шестому разряду — научил Спехов, пустил паренька в самостоятельный полет. Думали — все, отдохнет Павел Константинович, а он рядом с собой поставил к станкам трех учеников и тех научил мастерству. Потом — шесть в один наряд. И весь Урал, вся страна узнали о школе Спехова, методе его. Подхваченное и направленное партийными организациями движение ширилось и росло.

— Ноги как у Павла? — забеспокоился майор Спехов. — Знаю, больные. Как ему стоять по одиннадцати часов в смену?

Я умолчал, что Павел Константинович порой вовсе домой не уходит — переспит на топчане в бытовке часа три-четыре и снова — к станку, к ученикам своим. Было время в сорок первом — сорок втором годах, когда осваивали производство танков, потом — самоходок, когда по две-три недели находились рабочие на казарменном положении.

— Вы не слышали? В феврале Павла Константиновича наградили орденом Ленина. Мы тогда в заводской газете страницу ему и вам посвятили. Так и озаглавили: «Спеховы защищают Родину». Мы поместили тогда и стихи о трех братьях-богатырях: один танкист — герой, второй — зенитчик, а старший «у станка достиг успехов — десятки классных токарей растит любовно Павел Спехов».

С полчаса говорили об Урале, о брате, и когда я, спохватившись, попросил майора Спехова оценить прошедший бой, назвать лучших танкистов и расстегнул планшет, в котором вместе с картой носил блокнот, было уже поздно. Зарокотали двигатели танков первого батальона, вытягивающегося из леса и строящегося в колонну на полевой дороге.

Лицо майора, до этой минуты полное добродушного внимания, энергично сжалось, стало строгим.

Минут через двадцать танки первого батальона приблизились к узкой речке с крутыми берегами — метрах в двухстах за противоположным берегом виднелась деревня Сныткино.

До выхода танков с исходной позиции пехотная разведка сообщила, что мост, ведущий к Сныткино, цел, но, видно, разведчики были тут задолго до того, как дали эти сведения танкистам, — от переправы остались обломки.

Едва танки остановились, как по колонне посыпались вражеские снаряды и мины. Девять автоматчиков и саперов из десанта выбыли из строя.

Огонь танковых пушек заставил немецкие батареи приутихнуть. Спехов повел за собой горсточку автоматчиков десанта, тут был и замполит Александр Прохорович Брехов. Они перешли речку у крутого берега. Начались сумерки. Саперы нашли место для переправы ниже по течению, и танкисты, одолев злополучную речонку, заняли южную окраину деревни. Входить в нее не было смысла. Немцы укрепились за северной окраиной на удобной для обороны высоте — брать ее надо было с флангов, обходя деревню с востока и запада. Это решение комбата майора Аверина Спехов одобрил. По приказу

комбата лейтенант Бородулин развернул свою роту на левом фланге, а старший лейтенант Сухов — на правом.

Надо было установить расположение огневых средств противника на высоте. Бородулин приказал их разведать. К высоте поползли лейтенант Григорий Чесак и маленький, быстрый, как ящерица, Венедикт Николаев. В тот день Веня на исходной позиции написал заявление в партию и, отдавая его замполиту Брехову, напомнил: «Я же доброволец, уралмашевец!»

Не замеченные немцами Чесак и Николаев доползли до окопов и артиллерийских позиций на обратных скатах высоты и вернулись благополучно к командиру роты.

Открыв огонь из танковых пушек и пулеметов по разведанным целям, Бородулин повел танки на высоту, повел в явно невыгодных условиях — в сумерках, без поддержки пехоты.

А пехота, правда, в составе одного взвода, перешла речку и вместо того, чтобы пойти за танками в атаку, залегла в отрытых, но не использованных немцами окопах у самого берега. Узнав об этом от связного, Спехов помчался к стрелкам.

— Почему залегли?.. Где командир?.. — закричал Спехов, освещая фонариком солдат, устроившихся в укрытиях.

— Взводного шарахнуло, вон там! — ответил солдат, показывая на противоположную сторону речки.

— Взвод, в атаку, за мной! — скомандовал Спехов и, держа пистолет перед собой, бросился к высоте, откуда доносилась канонада наших танковых пушек и артиллерии противника.

Солдаты побежали за майором Спеховым, но опоздание пехоты дорого обошлось роте Бородулина.

Начав штурм высоты, танкисты, чтобы видеть в сгустившихся сумерках противника, повели машины с открытыми люками. Тут в них и полетели стеклянные пузырьки. Разбиваясь внутри танка, они заполняли его ядовитым веществом. Увлеченные боем, танкисты не сразу почувствовали отравление. Те, которые захватили с собой противогазы, ощутив опасность, немедленно надели их и продолжали сражаться. Но, на беду, беспечных танкистов оказалось немало. Сколько ни убеждал начальник химслужбы, что нельзя идти в бой

без противогазов, танкисты нередко оставляли их в транспортных машинах и сейчас поплатились за это. Командиры танков и механики-водители, чтобы спасти отравленных, вынуждены были отступить от высоты к деревне. А там отравленные падали, кто в самой машине, кто выйдя из нее.

Санитарные инструкторы рот и офицеры растерялись: никто до этой ночи не слышал о подобных ампулах, не знал, какое в них отравляющее вещество, насколько оно опасно, как и чем помочь людям. Пришлось, не медля ни минуты, отправить пострадавших в медсанвзвод.

К счастью, все обошлось благополучно: ядовитого вещества в ампулах было мало и отравление несильным — пострадавшие через день вернулись в строй.

На правом фланге, в роте старшего лейтенанта Сухова, бой протекал успешно. Там противнику не удалось применить против танкистов новинку-ампулу, и машины Сухова выскочили на высоту, подавили часть немецких пушек и минометов, заставив в полночь отойти уцелевших гитлеровцев на новые позиции. Но до последней минуты, пока враг находился на высоте, он продолжал вести огонь по ложине с другого фланга, откуда танкисты Бородулина отошли без командира роты.

— Где Бородулин? Почему докладываете вы? — спрашивал майор Аверин механика-водителя, когда тот один из всего экипажа сумел без посторонней помощи выйти из машины.

— Лейтенант убит на подходе к высоте. Он выскочил из танка, чтобы сориентировать другие машины.

— Захватили с собой?

— Нет... Темно... И ребята уже не могли, задыхались... — оправдывался механик.

Аверин кричал, что надо было вывезти тело убитого, а посылать за ним не посылал — пожалел бойцов, боялся новых потерь.

Он сел, беспомощно склонив голову на грудь и опустив ноги в кювет, а Спехов вполголоса ругал майора Аверина.

— А может быть, жив Бородулин? Не ошибся ли механик? И если даже мертв, все равно — вынести!

— Убитых сколько...— пытался Аверин смягчить Спехова.

— Постройте людей, спросите, кто желает пойти,— приказал Спехов.

...Глубокая ночь. Лишь вспышки выстрелов и редкие осветительные ракеты немцев выхватывают из черноты лица танкистов. Они кажутся застывшими. Кто отважится ползти в лощину искать труп? Смерть найдешь скорее, чем тело лейтенанта.

— Кто пойдет добровольно?..

Гнетущая, как перед взрывом, тишина. Они только начали воевать. Кто пересилит робость, неизвестность?..

— Я пойду!..— это голос механика танка Бородулина и шаги его тяжелые.

— Я! Я! Я!

Все танкисты, стоявшие в строю, сделали шаг вперед. Послали четырех.

...Уже они принесли тело убитого комроты, уже вышли из боя танкисты Сухова, очистив высоту и прихватив с собой пленного ефрейтора; уже был допрошен и отправлен в штаб тот ефрейтор, который кричал «Гитлер капут!» и утверждал, что он по русским не стрелял,— утверждал до той минуты, пока из его кармана не были извлечены три медали, полученные на Восточном фронте. А меня все еще преследовала навязчивая мысль: правильно ли поступил Спехов, заставив отправить четырех ребят, может быть, на смерть — ведь Бородулин оказался убитым, а могли быть убиты еще четверо.

Павел Константинович Спехов и его воспитанники

На рассвете на освобожденной от врага высоте мы хоронили лейтенанта Бородулина. Выступили механик-водитель и замполит батальона Брехов. Потом был автоматный салют танкистов над могилой командира роты. И там, на высоте, глядя на строгие, печальные и возмужавшие за эту ночь лица бойцов, я, кажется, понял причины неотступности Спехова. Молодые танкисты постигли что-то очень важное. Наверно, то постигли, что дружба боевая — не красное слово, что солдат пойдет за командиром и солдатом, вынесет его с поля боя — будь он тяжело ранен или убит, чтобы не попался врагам, чтобы они ни над раненым, ни над мертвым не измывались. И командир пойдет за солдатом, не оставит его ни в какой беде. И еще мне показалось тогда, что танкисты Аверина другими глазами смотрели на Спехова, поняли, должно быть, простую, на первый взгляд, истину: не может командир быть в бою размягченным, он обязан раскрывать в солдате невыявленные силы, которые находятся в душевном резерве до той минуты, до того часа, когда обстоятельства ставят его перед большим испытанием, таким, что если выступишь, не сломишься, — и о тебе скажут: ты настоящий солдат, ты — герой.

Мало кто в корпусе знал, что Спехов получил свою Звезду еще на советско-финской войне — Федор Яковлевич не любил о себе рассказывать.

В последний раз я видел Спехова (уже в звании подполковника) в январе сорок пятого на Сандомирском плацдарме. Мы долго разговаривали, он дал мне прочитать написанное крупным почерком Павла Константиновича коротенькое, как телеграмма, письмо: «Работаю. По моему методу воспитывают молодых ребят не менее сотни человек на Уралмаше и, говорят, тысячи людей на многих заводах страны... Кажется, скоро конец войне, да, Федя?.. Довоюй, выживи, прошу тебя, и приезжай — ноги подлечу и поохотимся...» Письмо было написано на оборотной стороне замасленных нарядов и в лесной землянке запахло металлической горячей стружкой, сладковатой эмульсией...

Погиб Федор Яковлевич на стыке трех границ — Польши, Германии и Чехословакии — 1 апреля 1945 года. Как жил и воевал, так и погиб героем коммунист уралец Спехов за свой народ, за нынешних Спеховых — юную поросль рабочего класса, творцов и воинов, готовых к подвигам во имя Отчизны.

* * *

Федор Яковлевич Спехов — первый Герой Советского Союза, которого танкисты Свердловской бригады увидели в нашем корпусе в боях южнее Брянска. Он учил воинов-добровольцев своим примером, опытом, мастерством, своей беззаветной преданностью Родине.

Павел Константинович Спехов. Его имя отливалось золотом с верхней строки мраморной стены почета Уралмаша.

Братья-уральцы Спеховы! Они олицетворяли единство фронта и тыла, которое было крепче любых сверхтвердых сплавов.

ЗАВОЕВАЛИ ИМЯ: УНЕЧЦЫ

Владимир
Пурвинский

Коммунист Владимир Викентьевич Пурвинский прибыл в добровольческую мотострелковую бригаду после тяжелого ранения на фронте. Опытного офицера поставили во главе отдельной роты автоматчиков. В сражении за Унечу добровольцы под его командованием проявили чудеса храбрости и умения.

Одним из первых офицеров корпуса Владимир Викентьевич был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени. После третьего ранения, контузии и временной потери зрения он выбыл из фронтового строя.

Трудящиеся города Унечи присвоили Владимиру Викентьевичу Пурвинскому звание почетного гражданина города, а коллектив Свердловского завода бурового и металлургического оборудования, на котором он работает 23 года, удостоил его звания ветерана труда.

С 20 сентября по 1 октября 1943 года наша 30-я мотострелковая бригада вела бои в составе конно-механизированной ударной группы войск Брянского фронта, действовавшей в направлении городов Унеча, Клинцы, Новозыбков.

Совершив ночной 45-километровый марш, бригада приблизилась к деревне Писаревка.

На подступах к ней противник построил оборону в виде подковы, создав «мешок», в который по замыслу гитлеровцев должны были попасть наши наступающие части.

Комбриг полковник Смирнов вызвал меня в штаб бригады. Он взял карту, показал город Унечу, очертания обороны противника.

— Смотри внимательно, Владимир Викентьевич. Скуем противника в центре «подковы», а главными силами будем брать Писаревку. Впереди пойдут твои автоматчики на танках. А там Унеча — опорный пункт немцев на Гомельском направлении. Разведка донесла, что на станции стоят эшелоны с нашими военнопленными, с женщинами, детьми, которых собираются увезти в рабство в Германию.

Тут же я узнал, что город Унечу обороняют 4 немецких полка, батареи артиллерийских орудий и шестиствольных минометов. На

Добровольцы из Березняков Н. Чередниченко, И. Карагодин и В. Федосеев — трое из тех, кто завоевал 29-й мотострелковой бригаде почетное наименование «Унечской»

200—300 метров по сторонам от дорог к Писаревке и Унече противник вырубил лес и кустарник, дороги заминировал.

На исходном рубеже я уточнил вопросы взаимодействия с командиром танковой бригады, и мои автоматчики заняли места на танках.

Едва успели мы проехать 2—3 километра, как боевое охранение врага обстреляло нас — появились убитые и раненые автоматчики. А как приблизились вплотную к Писаревке, артиллерийские и минометные батареи открыли перекрестный огонь. Наши танкисты с ходу уничтожили и подавили несколько батарей, но часть наших танков подорвалась на минном поле.

Тут и тронулась в атаку немецкая пехота. Схватка была яростной. Рядовые Николай Ситников, Иван Лосев, Газидов, ефрейторы Даукше и Федоров, сержанты комсорг роты Алексей Поздняков, Михаил Герасимов, старшина Николай Карманов, младший лейтенант Аверкин и много других отчаянно смелых ребят не дрогнули перед превосходящим нас противником. Две атаки были отбиты. Большие потери понесли немцы. У нас также были убитые и раненые. Большая тяжесть легла на хрупкие плечи нашей маленькой самоотверженной Галины Селетовой — санинструктора роты автоматчиков, добровольца из Шалинского района Свердловской области. Под артиллерийским и минометным обстрелом она делала перевязки, на плащ-палатке переносила тяжелораненых в безопасное место.

К ночи мы подошли к деревне Воробьевке. Бойцов в роте оставалось мало, боеприпасы были на исходе. А тут еще, преодолевая минное поле, мы попали под сильный артиллерийский обстрел. Один за другим, подбитые вражескими снарядами или подорванные на минах, останавливались наши танки. Но автоматчики под прикрытием орудийного и пулеметного огня танкистов продолжали атаку, ворвались на окраину деревни.

Танки пошли в обход. Противник учел, что автоматчики оказались одни, и окружил нас. Тогда мы организовали круговую оборону. Попытки установить связь со штабом и другими подразделениями бригады не дали успеха: несколько связных погибло.

Пять раз немцы бросались в атаку, но отходили, неся большие потери. Старшина Карманов организовал сбор трофейного оружия и боеприпасов, и это помогло нам продолжать бой.

Мы дрались с врагом до тех пор, пока не подошли главные силы бригады — сводный батальон Ф. И. Поцелуева, минометчики, артиллеристы, которые взяли Воробьевку неожиданным для врага обходным маневром.

Затем разгорелись бои непосредственно за Унечу. Разведчикам капитана Г. Ф. Мокрушина надо было прощупать дорогу на Унечу. На полной скорости они на бронемашинах ворвались на позиции противника, уничтожили несколько десятков гитлеровцев, захватили в плен офицера, засекли огневые точки. По их данным, артиллеристы капитана С. М. Худякова, минометчики старшего лейтенанта Т. С. Акишева нанесли противнику большой урон.

После этого капитан Мокрушин с группой своих разведчиков более чем за сутки до полного освобождения Унечи пробрался в центр города и с помощью местных жителей вел разведку сил вражеского гарнизона.

Два расчета противотанковой артиллерии — добровольцы Жеребков, Павлов, Гавриенко, Дьяков, Прохоров и другие — оказались окруженными вражескими автоматчиками. Они развернули орудия и начали бой.

Вражеский офицер предложил батареям сдаться — они ответили выстрелами из обоих орудий прямой наводкой.

Наводчик станкового пулемета комсомолец Кулиш в бою за город отбил три контратаки. Во время четвертой его ранило, пулемет замолк, но он вступил в рукопашный бой с вражескими солдатами.

Группа бойцов старшего лейтенанта Н. Н. Медиокрицкого блокировала большой дом, в котором было около семидесяти фашистских солдат и офицеров. Наши смельчаки В. И. Лешков, Ф. К. Белых, А. В. Головин, И. С. Антонов с гранатами и автоматами штурмовали дом, уничтожили всех, кто не сдался.

К вечеру 23 сентября 1943 года Унеча была полностью освобождена частями Советской Армии.

Родина салютовала победителям. В том числе и уральцам-добровольцам.

От шести до десяти лет проработал каждый из них на Уралмашзаводе. Федор Гержов и Ваганов стали хорошими токарями, а Михаил Митрохин — мастером приемки. Они дружили на заводе и все добровольно пошли воевать за Отчизну. Еще в вагоне, на пути в свою часть, друзья о чем-то долго советовались. И, как только приехали на место, они подали заявление на имя командира: «Знаем друг друга давно, вместе делали самоходки на заводе и просим дать нам возможность воевать в одном экипаже».

Просьбу друзей удовлетворили. И они в учебе и в сражениях оправдали доверие командиров. В недавнем бою, когда часть стремительно наступала на врага, отличился экипаж самоходки. В этом бою был ранен Ваганов...

...На днях вручали ордена и медали самоходчикам. Вот подошел к командиру могучий, как дуб, Гержов, за ним — высокий, сильный, с покрасневшими щеками Михаил Митрохин. Они напоминали древнерусских богатырей. Славным воспитанникам Уралмаша вручили медали «За отвагу».

Наводчика Филимонихина заводские и фронтовые друзья-добровольцы поздравляли с орденом Красной Звезды.

Уралмашевцы, конечно, помнят токаря Владимира Прокофьевича Филимонихина. На третьем участке в цехе т. Вылегжанина стоит его станок «Вагнер» № 317. Он славно работал на нем, создавая самоходки для фронта, он прекрасно воюет на одной из уралмашевских машин.

В одном бою самоходное орудие оказалось как бы в клещах немецких противотанковых пушек. Несколько из них сконцентрировали огонь по самоходке. Прямое попадание снаряда в крыло сделало вмятину в броне.

— Вправо огонь! — скомандовал командир, и Владимир Прокофьевич первым выстрелом уничтожил противотанковую пушку. В ту же секунду он заметил отходящий танк противника и стал посылать ему в спину «гостинцы». Замер танк на месте, открылись люки, и немецкие солдаты в шлемах побежали, спасая жизнь.

Стало темнеть. Бой как будто затихал. Механик Рогожкин сделал круг — в приборах для наблюдения ничего не видно, но это было обманчиво. Как только самоходка вышла из укрытия, заговорили три противотанковые немецкие пушки. Сейчас судьба экипажа, машины была в руках Владимира. Летели вражеские снаряды то справа, то слева, то над головой. Филимонихин отвечал метким огнем, и две пушки замолчали. Но третья все-таки успела пристреляться к машине. Снаряд ударил в противооткатный механизм, воспламенилась жидкость, огонь обжег лицо Владимиру. Мелкие осколки впились в руки механику-водителю. Превозмогая боль, Рогожкин стал выводить машину из-под обстрела, но отойти не успел. Третья болванка ударила в борт, однако, и она не сумела прогрызть стальную плиту. Броня от прямого попадания снаряда в одном месте разошлась как бы веером на три части, но все же не пропустила снаряда.

В глубине леса стоит испытанная в сражениях, любимая экипажем боевая машина. Владимир Прокофьевич обошел ее, показал все вмятины в броне и ласково сказал:

— Мне хочется обнять товарищей, которые делали эту самоходку, они воевали и били немца вместе со мной.

(Газета Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение», 4 ноября 1943 г.)

Клаву Ширинкину — дочь знатного сталевара из Кушвы и вожака районной комсомолки в Свердловске — областная организация ВЛКСМ послала делегатом на фронт. Она, как и другие члены делегации, рассказала добровольцам о том, как трудятся уральцы в тылу, оказывая самоотверженную помощь фронту. Делегаты говорили о великом единстве тыла и фронта в борьбе с врагом, о подвигах трудовых, которые звали, воодушевляли на подвиги ратные.

После войны Клавдия Николаевна Белоусова-Ширинкина — на руководящей партийной и советской работе. С января 1963 года заведует отделом ЗАГСов Свердловского облисполкома.

Передо мной небольшой листок пожелтевшей от времени бумаги — выписка из протокола заседания бюро Свердловского обкома ВЛКСМ от 21 сентября 1943 года. В ней говорится о том, что меня — секретаря Чкаловского РК ВЛКСМ города Свердловска — командируют представителем от комсомольцев и молодежи Свердловской области в составе делегации на фронт навестить наших славных добровольцев.

Невольно вспомнились те волнующие дни, когда уральцы начали формировать свой добровольческий танковый корпус и в райкомы толпами стали приходить юноши и девушки с суровыми лицами и с заявлениями в руках, в которых выражали свою горячую любовь к Родине, свою готовность немедленно отправиться в действующую армию бить ненавистного врага.

В первых рядах этого поистине патриотического движения были коммунисты и комсомольцы. Подавали заявления и мы — секретари горкомов и райкомов комсомола. Ушли на фронт в составе добровольческого корпуса Алексей Федоров — в то время секретарь Орджоникидзевского райкома ВЛКСМ Свердловска, Михаил Шиманов — секретарь Первоуральского горкома ВЛКСМ. В числе добровольцев были также комсорг цеха Уралмаша Андрей Смирнягин, молодой металлург Верх-Исетского завода, ныне писатель Вадим Очеретин и многие другие.

В начале войны к нам в район вместе с эвакуированным предприятием прибыл из Подмосковья комсомолец Николай Русанов. Хотя его не отпускали с завода, ничто не могло удержать юного

Комсомольский билет героически погибшего Николая Русанова

патриота. Николай с честью пронес в боях имя комсомольца. В битве под Орлом его машина была подожжена вражеским снарядом. Николай Русанов вел бой до последнего дыхания. Когда я приехала с делегацией на фронт, мне передали обгорелый комсомольский билет Николая Андреевича Русанова.

Был среди добровольцев и мой товарищ по комсомолу Алексей Тимофеевич Федоров. Назначенный помощником начальника политотдела корпуса по комсомолу, он показал себя мужественным политработником, за совершенные подвиги был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Мне потом рассказывали, как гвардейцы батальона, куда Федоров был назначен впоследствии замполитом, уважали душевного и смелого, общительного и отзывчивого коммуниста, стремящегося в боях быть всегда впереди. Утром 24 января 1945 года на восточном берегу Одера Алеша пал смертью храбрых при налете вражеских самолетов на колонну танков.

Никогда не забывали уральцы своих добровольцев. Между фронтом и тылом шла оживленная переписка. В честь добровольческого корпуса на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах создавались новые фронтовые бригады. Люди работали, не щадя себя...

Именно в это время на предприятиях нашего района появились тысячники: Дуся Котенкова, Николай Степанов, Володя Ливренов и другие ребята, о трудовых подвигах которых сообщала тогда всей стране «Комсомольская правда».

Наша делегация выехала из Свердловска в октябре 1943 года. В нее вошли сталевар Крюков из Нижнего Тагила, работница Кизерова с фабрики «Уралобувь», председатель колхоза Семенов из Камышловского района, участник гражданской войны, колхозник Гладких из бывшего Махневского района и другие. В состав делегации входили также партийные, советские и профсоюзные работники.

Делегаты ехали не с пустыми руками.

Делегат трудящихся Свердловской области, секретарь райкома ВЛКСМ г. Свердловска К. Н. Ширинкина зачитывает приветствие от комсомольцев Свердловской области

Повсюду готовились рапорты о героической работе уральцев в тылу. Письма родным и близким писали и целыми коллективами, и комсомольскими организациями, и фронтовыми бригадами. Особенно много писем было от девчат. Делегаты повезли на фронт своим посланцам эшелон подарков.

Добровольческий корпус стоял в то время недалеко от фронта — в Брянских лесах. Позади жестокие бои на Орловской земле, где наши танкисты проявили исключительное мужество и отвагу, за что, как известно, корпусу было присвоено звание гвардейского, а более тысячи его бойцов и командиров были награждены боевыми орденами и медалями.

Никогда мне не забыть 18 ноября 1943 года.

В окружении векового леса, на огромной поляне, выстроились тысячи солдат в простреленных шинелях, с автоматами через плечо — выстроились для получения гвардейского знамени.

Торжественная тишина. В центр поля вышел генерал Родин — командир прославленного корпуса и произнес твердым голосом:

— Уральцы! Гвардейцы! Добровольцы! Здравствуйте!

А когда раздался мощный громовой ответ бойцов, то нам, делегатам, стоящим около трибуны, наспех построенной из березы, пока-

Командир корпуса генерал-лейтенант Г. С. Родин принимает гвардейское знамя

Первый торжественный марш добровольцев под гвардейским знаменем

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ РЕЕТ НАД НАМИ!

ЧЕРТЫ ГВАРДЕЙЦА

Мастерство

Особенно характерной чертой гвардейца является совершенное владение своим делом.

В прошлом году, например, воевал гвардеец в танковой бригаде под Сталинградом. В те дни гвардеец был командиром танка. В танке он был командиром танка. В танке он был командиром танка. В танке он был командиром танка.

Танк гвардейца всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком.

Инициативность

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу.

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу.

Танк гвардейца всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком. Гвардеец всегда был совершенным танком.

ТАНКИСТ

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет инициативу.

ЧЕРТЫ ГВАРДЕЙЦА

Ненависть

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть.

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть.

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет ненависть.

Хитрость

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость.

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость.

Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость. Гвардеец всегда, во всех случаях, проявляет хитрость.

Делегаты Свердловской области в своей родной танковой бригаде. Впереди (без шинели) гвардии полковник Жуков

залось, что зашатался Брянский лес. Все сжалось внутри, и на глазах появились слезы — слезы гордости за наших уральцев, за их ратные подвиги, слезы боли за погибших земляков.

После торжественной церемонии вручения гвардейского знамени состоялся митинг. От имени делегатов я поздравила добровольцев с высокой наградой, передала им горячий привет из родного края,ложила о трудовых подвигах земляков.

Потом мы побывали в землянках у зенитчиков, танкистов, разведчиков, в медсанчасти и в редакции газеты «Доброволец».

Повсюду встречали нас как родных. Бойцы и командиры проявляли большой интерес к работе и жизни тыла, спрашивали о детях, о тех, ради кого они шли на смерть...

С волнением пришла я на собрание комсомольского актива корпуса. С каким вниманием ребята слушали мой рассказ о жизни и работе комсомольцев и молодежи области, о том, как в ответ на их ратные подвиги комсомольцы Свердловской области провели фронтовой декадник по выпуску сверхплановой продукции, как на средства молодежи была построена и отправлена на фронт 3-я танковая колонна — «Свердловский комсомолец», как серовские комсомольцы построили новую мартеновскую печь, о том, в каких трудных условиях приходится работать сельской молодежи.

Решение актива было кратким: в ответ на награду Родины комсомольцы-гвардейцы клянутся еще сильнее громить ненавистного врага, очистить нашу священную землю от фашистских захватчиков.

И они сдержали слово.

Прошло больше четверти века со Дня Победы. Но никогда не изглазятся из памяти те дни и те ребята, которые так беззаветно сражались за нашу Советскую Родину, за наше счастье, за мир на земле.

ОТБОЙНЫЙ МОЛОТОК — МОЙ АВТОМАТ

Танкисты, автоматчики родные мои! Мне выпала честь приехать к вам с делегацией от гвардейцев тыла. Я рада быть среди вас.

Я пожимала руки отличившимся в боях Капралову, Панфилову, Полубояринову, Вожеву... В тот вечер они получили ордена и медали. И вот, поздравляя их с наградой, я вспомнила о тех, кто послал меня к вам. Горняки нашей шахты отстаивают Родину так же самоотверженно, как и вы. План добычи угля в августе шахта

выполнила на 114 процентов, а в сентябре — на 118 процентов.

Мы завоевали и крепко держим в своих руках переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Хотя мы и в глубоком тылу, но идем рука об руку с вами. Все наши шахтеры наступают вместе с танкистами и автоматчиками. Знатный забойщик нашей шахты Башляев ежемесячно вырабатывает по три — три с половиной нормы. В отдельные дни

этот гвардеец тыла доводит свою выработку до 10—11 сменных норм.

В ваших рядах много наших шахтеров. Я встретила здесь Юрия Жулидова — водителя бензозаправщика. Это посланец коллектива нашей шахты. Среди вас есть и забойщики, и врубмашинисты, и крепильщики. Когда вы уехали на фронт, мы заняли ваши забои и лавы. Навалоотбойщица Надежда Лоза вырабатывает по пол-

торы дневных нормы. Так же хорошо работает и шахтерка Оля Смолина.

Мое оружие — отбойный молоток. При норме 22 тонны я ежедневно отбиваю по 35—40 тонн угля. Отбойный молоток — это мой автомат.

Анна САМОХВАЛОВА, забойщица шахты № 22, награжденная орденом Трудового Красного Знамени («Доброволец», 15 октября 1943 г.)

[Телеграмма командованию
и личному составу корпуса]

ВСЕ ТАНКИСТЫ КРАСНОЙ АРМИИ ГОРДЯТСЯ ВАМИ

От имени советских танкистов Военный совет бронетанковых и механизированных войск Красной Армии поздравляет Вас и весь личный состав соединения с получением высокого гвардейского звания.

В ожесточенных боях с заклятыми врагами нашей Родины — немецкими оккупантами — вы с честью пронесли свои боевые знамена, заслуженно вошли в почетную гвардейскую семью и оправдали великое доверие трудящихся Урала, вооруживших вас грозной боевой техникой, укомплектовавших прекрасным составом бойцов.

Все танкисты Красной Армии гордятся вами, добровольцы Урала. Гвардейское звание обязывает каждого бойца и офицера свято хранить и множить славные боевые традиции советских танкистов и показать новые образцы героизма и мужества в боях за нашу Советскую Родину.

Желаем дальнейших боевых успехов, беспощадно громите и уничтожайте смертельных врагов нашей Родины — немецких захватчиков.

ФЕДОРЕНКО, БИРЮКОВ
(«Доброволец», 15 ноября 1943 г.)

★★★

ИДЕМ НА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

В январе 1944 года 4-я танковая армия вошла в состав 1-го Украинского фронта.

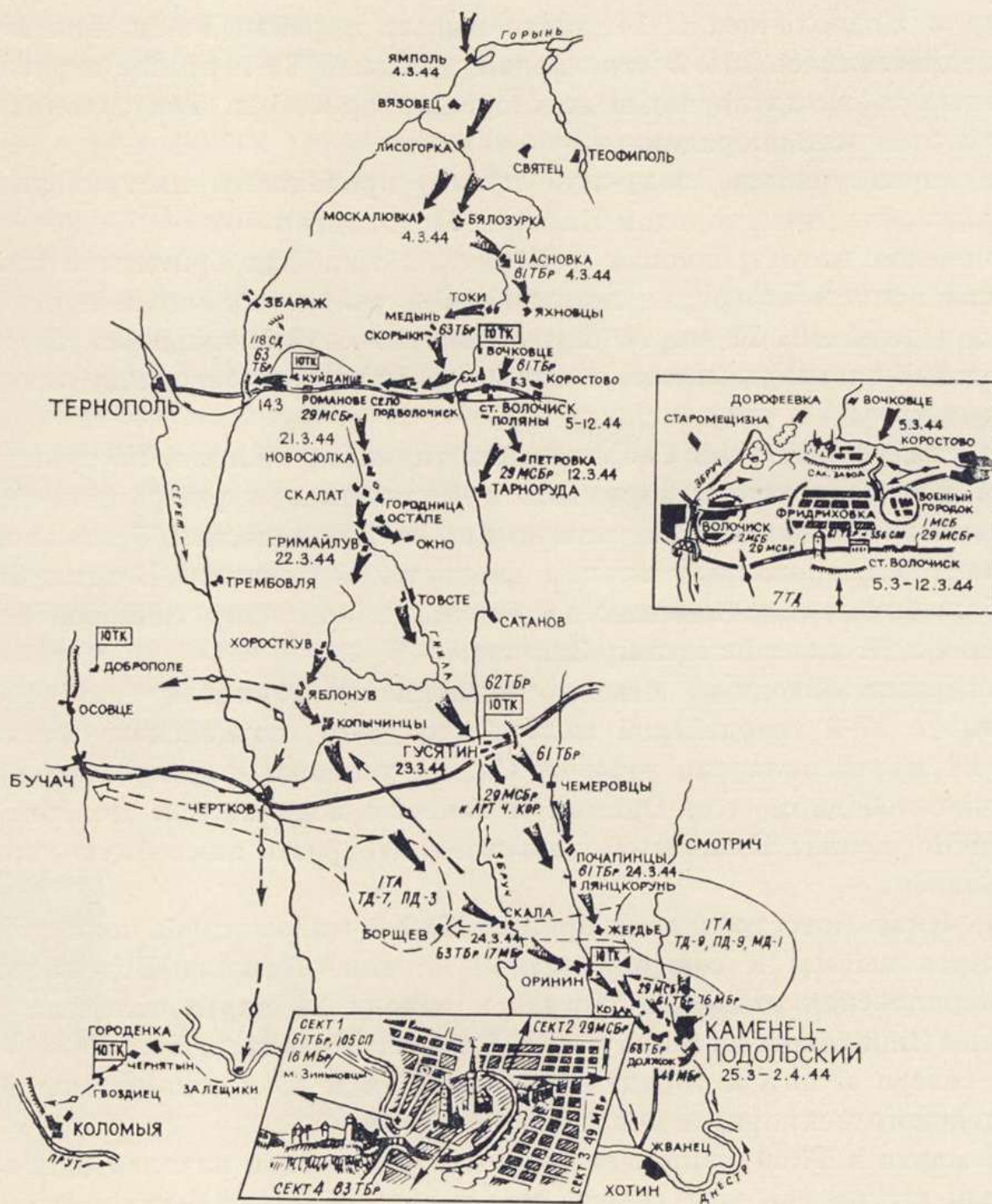
С 23 февраля по 4 марта корпус, совершив 330-километровый марш из района Киева в район города Острог, получил приказ: в полосе 60-й армии войти в прорыв, стремительным броском оседлать железную и шоссейную дороги Проскуров — Тернополь в районе Волочиска и отрезать пути отхода Проскуровской группировки врага на запад. В этом случае крупнейшая вражеская группировка «Юг» окажется восточнее удара советских войск.

4 марта корпус вошел в прорыв в районе Ямполья. В передовом отряде корпуса двигалась Свердловская танковая бригада. Наступление проходило в тяжелых условиях весенней распутицы, что вызвало большие трудности в маневре артиллерией, привело к отставанию тыловых частей и подразделений.

Первыми на Волочиский сахарный завод ворвались танки головной походной заставы старшего лейтенанта Одаренко. С ними на броне танков вошла рота автоматчиков старшего лейтенанта Добровидова. К утру 6 марта поселок Фридриховка и станция Волочиск были взяты, а город Волочиск был освобожден при активном участии мотострелков-унечцев уже к исходу дня.

7 марта немцы превосходящими силами танков и пехоты начали непрерывные контратаки на Волочиск и поселок Фридриховку. Им удалось прорваться к сахарному заводу и отрезать наших гвардейцев от основных сил корпуса. Добровольцы Свердловской танковой бригады, мотострелковой Унечской бригады, двух батарей самоходного полка в течение шести суток отражали натиск танков, самоходок и пехоты 7-й танковой дивизии врага.

Огнем «тридцатьчетверок», противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью было уничтожено и подбито сорок «тигров», восемь «фердинандов» и много другой техники.

Каменец-Подольская операция

12 марта объединенными усилиями подошедших частей корпуса и гарнизона уральцев в Волочиск противник был отброшен на юг на 15—17 километров.

Челябинская танковая бригада после упорных боев за Старомецизну и Подволочиск к 14 марта вышла в район Романовки и во взаимодействии со 118-й стрелковой дивизией 60-й армии отражала яростные атаки гитлеровцев со стороны Тернополя. Так закончился первый этап этой операции.

21 марта уральцы получили приказ продолжать наступление и овладеть областным городом Каменец-Подольском.

Унечская мотострелковая и Пермская танковая бригады с минометным полком атаковали противника в районе Скалат и к исходу дня овладели им. 23 марта они совместно с 19-й гвардейской мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса штурмом овладели городом Гусятин.

На следующий день Свердловская танковая бригада, наступая на левом фланге корпуса, ворвалась в Почепинцы и разгромила штаб 7-й танковой дивизии. Наступая на Каменец-Подольский, бригада подверглась массированным атакам фашистской авиации. В этих боях погиб любимец свердловских добровольцев командир танковой роты старший лейтенант Владимир Зинченко.

Совершив обходный маневр, Челябинская танковая бригада совместно с 17-й гвардейской мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса 24 марта овладела городом Скала, успешно форсировала реку Збруч, освободила село Оринин и вечером ворвалась в Должок на западной окраине Каменец-Подольского, перерезав шоссе на Жванец.

Унечская мотострелковая бригада, 299-й минометный полк утром 25 марта вышли к северо-западной окраине Каменец-Подольского.

Свердловская танковая бригада к исходу 24 марта овладела местечком Зиньковцы на подступах к Каменец-Подольскому.

С севера и юга к городу подошли 16-я и 49-я мехбригады 6-го гвардейского мехкорпуса 4-й танковой армии.

25 марта в 17.00 залпом гвардейских минометов начался одновременный штурм города с севера, юга и запада. Атака была настолько стремительной, что фашисты не успели взорвать заминированные Турецкий мост, электростанцию и ряд предприятий. Взорван был только мост, соединяющий Старый и Новый город.

Автоматчики батальона капитана Ф. И. Приходько из Челябинской танковой бригады по узкому ущелью обошли крепость и пере-

правились на Русские фольварки. Рота унечцев старшего лейтенанта Козлова при поддержке артиллеристов лейтенанта Я. Хардикова захватила исправный Турецкий мост. По нему и обнаруженному броду в город ворвались танки Свердловской и Челябинской бригад и остальные части корпуса.

К утру 26 марта гвардейцы Уральского и 6-го мехкорпусов полностью очистили от врага Каменец-Подольский, но бои за него продолжались еще шесть суток — вырывавшаяся на запад часть войск Проскуровской группировки немцев пыталась выбить наши войска из Каменец-Подольского.

Добровольцы стояли здесь насмерть.

В опаснейший момент, когда «тигры» прорвались на позиции минометчиков Унечской бригады, бывший кузнец Дегтярского рудника гвардии рядовой Иван Николаевич Долгов закрепил поясом на груди противотанковую мину, взял в каждую руку по связке гранат и, поднявшись во весь рост, крикнул: «За Родину!» Ценою жизни отважного гвардейца «тигр» был уничтожен. Воодушевленные подвигом Долгова минометчики остановили, а затем отбросили врага. Фашистские танки не прошли.

Более пяти тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями за героизм, проявленный при освобождении Каменец-Подольского. Свердловская танковая бригада была удостоена ордена Красного Знамени.

*Звезда
героев*

ПЕРВЫЕ

Скромна чеканная краса, неизмерима народная ценность Золотой Звезды, но каждый из тридцати восьми Героев Уральского добровольческого танкового корпуса шел к своей Звезде единственным неповторимым путем.

Танкист Григорий Сергеевич Чесак, бронебойщик Николай Александрович Худяков первыми получили в Уральском добровольческом корпусе звание Героя Советского Союза.

Они показали себя на правобережье Украины в марте 1944 года бесстрашными гвардейцами, умелыми укротителями немецких «тигров» и «пантер».

Ко времени, о котором идет речь, уральские танкостроители, ни на день не останавливая производство, сумели модернизировать танк Т-34, поставив на него 85-миллиметровую пушку. Эта пушка и на дальних дистанциях пробивала толстую броню «тигров», «пантер» и «фердинандов». Но Уральский танковый корпус стал получать модернизированный танк только в апреле 1944 года, и бои с «тиграми» на станции Волочиск и под Каменец-Подольском уральским танкистам приходилось вести в танках с 76-миллиметровой пушкой.

Задача была невероятно трудная. В «тиграх» воевали опытные фашистские офицеры и солдаты. Им приказали во что бы то ни стало взять станцию Волочиск и поселок Фридриховку, восстановить движение немецких составов по железной дороге от Тернополя на Проскуров и Винницу. Немцы, по-видимому, разведали, что в Волочиск и Фридриховку, занятые 6 марта, вошло мало нашей пехоты, танков и самоходных пушек... Они рассчитывали, что в весеннюю распутицу советскому командованию не удастся быстро подбросить новые части. Поэтому гитлеровцы шли самоуверенно и нагло, предполагая, если не к вечеру, то на следующий день уничтожить здесь последнего нашего солдата. Они надеялись на то, что пушка «тигра» может пробить броню «тридцатьчетверки» на дистанции до тысячи метров.

Но уральцы, прошедшие суровую школу на Брянском фронте в 1943 году, узнали уязвимые места «тигров» и силу своей «тридцатьчетверки». «Тигр» грузен, неповоротлив, в полевых условиях резко падает у него скорость. А «тридцатьчетверка» — «быстрая ласточка», как ее называли еще в начале войны — легка, стремительна, прекрасна для молниеносного маневра на любой местности. Да, «тигр» выигрывает в толщине брони, выигрывает пока что пушкой, а ты ему противопоставь свое тактическое мастерство и смелость. Хочешь подбить «тигра», устрой засаду, подпусти его на триста, двести, еще лучше — на сто метров или, используя свое превосходство в скорости и маневре, подлетай к нему на близкую дистанцию и, если неудобно бить в борт, бей в гусеницу — тут уж без промашки твой снаряд перебьет «тигровые лапы».

Так и действовал в начале марта 1944 года танковый экипаж добровольцев из Свердловска — механик-водитель Виталий Овчинников, командир башни Дмитрий Курбатов, радист-пулеметчик Александр Бухалов и отважный командир «тридцатьчетверки» лейтенант Григорий Чесак.

Произошло это на исходе первой ночи в той самой Фридриховке, где уральские добровольцы в течение недели отбивали контратаки превосходящих сил противника.

Перед рассветом, когда сон, казалось, вот-вот одолеет танкистов, ребята из экипажа Чесака слышали нарастающий гул моторов и звон гусениц, увидели надвигающуюся на них колонну из девяти «тигров». «Тридцатьчетверка» стояла одна в засаде у перекрестка. На-

чать бой?.. Не бессмысленно ли это, если поблизости имеется лишь боевое охранение автоматчиков и ни одной противотанковой пушки? Отсидеться в засаде?.. Колонна пройдет к станции Волочиск, а там мало сил, там могут не выдержать прорыва «тигров».

Может быть, и мыслей подобных не было, а был лишь яростный сгусток воли не уступить врагу, воспользоваться единственным в этих условиях тактическим преимуществом перед экипажами девяти «тигров»: те не заметили «тридцатьчетверку», притаившуюся в укрытии за домом.

Какую надо было проявить выдержку, в какие тиски зажать нервы, чтобы подпустить к себе голову колонны менее чем на сто метров, и лишь тогда скомандовать механику-водителю вывести танк на огневую. Несколько секунд понадобилось Виталию Овчинникову, чтобы включить мотор и рвануть машину навстречу и в бок головному «тигру». Дмитрий Курбатов быстро зарядил пушку, и Григорий Чесак первым же выстрелом подбил «тигра». Колонна немедленно пустила восемь снарядов в сторону «тридцатьчетверки», но последней уже не было на огневой — Овчинников успел ее завернуть в другое укрытие и оттуда выйти на вторую позицию.

Фашисты озлобились. Их снаряды рвались кругом — один отбил кусок днища. Но выстрел «тридцатьчетверки» оказался точнее — второй «тигр» остановился с разорванной гусеницей, а Т-34 — опять в укрытие.

Экипаж, искусно маневрируя и ведя прицельный огонь, бросал свою стремительную боевую машину то за дом, то на новую огневую, пока не подбил третьего «тигра», а остальные тяжелые немецкие танки не повернули вспять.

Через несколько дней, когда гитлеровцам все же удалось вывести из строя танк Чесака, его экипаж отремонтировал гусеницу одного из трех трофейных «тигров», воевал на нем, пока уральцы не прислали в корпус новые «тридцатьчетверки» с могучей 85-миллиметровой пушкой.

Г. С. Чесак

Н. А. Худяков

— Гриша приручил «тигра»... Ручной «тигр»... — смеялись друзья из батальона.

Если танкистам было нелегко из 76-миллиметровой пушки пробивать броню «тигров», «пантер» и «фердинандов», что же сказать о броней бойщиках!

Двух бойцов расчета противотанкового ружья не сравнишь с экипажем танка Т-34. Вся защита броней бойщика — окоп или угол дома, за которым он притаился, вся надежда — на свое мастерство и выдержку.

Известно, человек не рождается бесстрашным. Жаром и холодом обдавало бойцов расчета противотанкового ружья, когда они впервые оказывались лицом к лицу с «тигром».

Добровольцу из Челябинского инструментального завода младшему сержанту Унечской мотострелковой бригады Николаю Худякову приходилось вести огонь — и успешный — против броневика, нескольких автомашин, против пехоты. Но с «тиграми» он столкнулся лишь в Фридриховке в марте 1944 года.

Можно описать подробности этих схваток. Но вернее, чем рассказал сам Худяков в газете «Доброволец» в те весенние дни, никто, пожалуй, не расскажет.

Вот что писал Николай Александрович Худяков в статье «Как я подбил три тяжелых танка»:

«Наше подразделение противотанковых ружей совместно со стрелковым подразделением находилось в обороне на правом фланге

местечка Фридриховка. Танки типа «тигр» и немецкие автоматчики непрерывно атаковали нас.

Вот и на наш участок обороны пошли «тигры». Я хорошо замаскировался и подпустил один немецкий тяжелый танк до ста метров к себе. Машина шла прямо на меня, я выстрелил, но пуля попала в лоб и не пробила броню. Второй раз угодил в башню и заклинил ее. Все же «тигр» продолжал приближаться к окопу. После третьего выстрела танк остановился. Из него начали выскакивать танкисты. С ними наши автоматчики справились.

Это была моя первая встреча с «тигром», и я еще боялся, что ружье не возьмет его. В другой раз «тигр» стоял на улице. Решил подняться на чердак дома, откуда мне прекрасно видна была крышка моторной части. Я хорошо прицелился и выстрелил. «Тигр» загорелся, выскочивших фрицев я убил из автомата.

На этот раз я уже уверенно стрелял из своего ружья, бил наверняка, выбирая слабые места немецкой машины.

С третьим танком встретился на улице, ведущей к нашему штабу. Командир взвода приказал мне выдвинуться вперед и открыть огонь. Я притаился за углом дома и, когда «тигр» приблизился ко мне метров на 70, прицелился в башню. Танк продолжал идти. Он заметил меня и выстрелил из орудия. Меня легко ранило. Сменил позицию. Залег в другом конце дома, замаскировался. Теперь танк был на расстоянии 30—40 метров, я тщательно прицелился в гусеницу и перебил ее. «Тигр» застыл поперек улицы и преградил путь другим. Так была предотвращена опасность, которая угрожала штабу».

Вскоре добровольцу Николаю Александровичу Худякову присвоили звание Героя Советского Союза. Он продолжал воевать умело и бесстрашно, пока вражеская пуля не остановила сердце отважного комсомольца.

9 октября 1943 г. Суббота № 211	<p style="text-align: center;">Смерть немецким оккупантам!</p> <h1 style="text-align: center;">ДОБРОВОЛЕЦ</h1> <p style="text-align: center;">КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА</p>	Прочитай и перелай товарищу	8 окт продолжал Нашими 210 крупн
<div data-bbox="255 1533 766 1678"><h2>Танкисты идут вперед!</h2></div> <div data-bbox="255 1688 574 1926"><p>16. В тылу у противника закончился осмотр машины. Среди семи автоматчиков из широкие спины тащив. Л-го вприпрыжку Владимир Марков на машину и в мгновение ока был из своего места. —Заводи! — просигналил</p></div> <div data-bbox="590 1512 1244 1864"></div> <div data-bbox="590 1875 1244 1926"><p>как ошумевшие презрев шину леса. Дерзая бил ине фрицы, а танк Мар отрезаны, отходить</p></div> <div data-bbox="1260 1574 1420 1926"><p>Это был... Рано утром шел старик тов. Рубин... и у него... За боеви... за ним вло... ружьями... Попада... той медаль... обрадовал... Хармий... 11 имени... возмездие</p></div>			

КОМСОМОЛЬЦЫ- ДОБРОВОЛЬЦЫ

Александр
Перминов

Слесарь Нижнетагильского завода имени Куйбышева комсомолец Саша Перминов воевал в Свердловской танковой бригаде с первого боя и до Праги — снайпером, автоматчиком, заменил в бою командира взвода. Был трижды ранен, контужен.

За форсирование Одера удостоен ордена Красного Знамени, в последующих боях был награжден еще двумя орденами.

За мобилизацию комсомольцев батальона, в котором он был комсоргом, на успешный штурм Берлина Александр Перминов получил Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ.

После войны Александр Николаевич вернулся в Нижний Тагил. Работает мастером на металлургическом комбинате.

В вещевом мешке комсомольца Явица вместе с запасом патронов хранилась книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Выпадет свободная минута у автоматчиков: «Ну-ка, Явиц, книгу давай!» Мы стремились носить имя комсомольцев с честью, как это делал Павка Корчагин.

Как-то я заметил, что комсорг роты автоматчиков Миша Долгополов пишет на заглавном листе книги. Возмутился было, но осекся, прочитав слова нашей добровольческой клятвы.

Первые бои на Орловской земле были для нас, добровольцев, и старших и юных, невероятно трудными. Сказалось не столько яростное сопротивление немцев (оно было и в последующих схватках), сколько наша солдатская неопытность. Решительности, бесстрашия было предостаточно, а вот мастерства не доставало...

Я, к примеру, провоевал всего полсуток — в ночь на 28 июля меня ранило в руку. В госпитале ругал себя последними словами, называл никудышным мальчишкой за то, что позволил себя одурачить какому-то фрицу. Я забыл, что до того, как меня ранили, мне удалось из своей снайперской винтовки уложить в могилу шесть фашистов. Но в госпитале мне казалось, что ничем на свете не оправдать моей оплошности.

Рана быстро зажила, и я возвратился в родной батальон. Был удивлен, когда мне присвоили звание сержанта, дали отделение со-

всем молоденьких ребят из пополнения и сказали: «Обучай, ты опытный...»

В мартовском наступлении сорок четвертого года, когда мы захватили станцию Волочиск и шесть суток отбивали контратаки фашистов, мне пришлось заменить командира взвода.

Мы занимали оборону у дороги. Кончились гранаты и бутылки с горючей жидкостью, а к нашим окопам приближались шесть немецких танков с десантом. Вижу: у некоторых новичков дрожат руки, в лицах — ни кровинки. И я волнуюсь: повлияет ли мое слово комсорга роты и молодого взводного на этих ребят? Насколько мог, твердо сказал:

— Занять огневые позиции в доме! Стены кирпичные, толстые — «тигры» сюда не полезут. Бить по десантникам, а с «тиграми» наши танки справятся.

Мы нашли на ближнем складе ящики, заполненные железом, заложили ими окна, оставили щели для наблюдения и стрельбы. На стене написали: «Здесь стоят уральцы, комсомольцы-добровольцы».

Столько фашистских снарядов угодило в стену, что от надписи осталось неполных два слова, а бойцы не отходили.

За шесть дней и ночей испытаний наши ребята из молодого пополнения стали истинными гвардейцами. Они доблестно выполняли свой воинский долг. Приведу лишь два примера.

Гайфутдин Шахиев, перед боем принятый в комсомол, прикрывал ручным пулеметом переправу автоматчиков. Уже несколько солдат перешли реку, когда осколки вражеской мины врезались в голову Шахиева. Он продолжал стрелять и после второго ранения — падал и стрелял...

Костя Верховых. Самый маленький из автоматчиков роты лейтенанта Добровидова. Цепь фашистов приближалась к его окопу — Костя стрелял из автомата, отбивался гранатами, пока фашисты не отказались от атаки в лоб. Когда двум отделениям врага удалось его обойти, он попросил товарища из соседнего окопа прикрыть его с фланга и, забравшись в амбар, где хранился уголь, через окна увидел: гитлеровцы пробираются по тракторному парку меж машин. Понял — окружают. Выполз из амбара и открыл такой меткий огонь, что лишь одному офицеру посчастливилось удрать. Кинулся было за ним, а тут из-за угла амбара — лейтенант Добровидов. Увидел измазанного углем бойца, раскричался:

— Почему не в окопе?!

Костя слова не мог произнести.

— В уголь от противника зарываешься?..

От обиды Костя разревелся.

— Еще и слезы, — возмутился офицер, — чего реवेशь?

— Один убежал...

— Вижу, что ты один убежал. Марш на место!

— Да не я!.. — Костя показал на трупы и кинулся в свой окоп.

Лейтенант насчитал 14 убитых солдат противника. Почти все пули попали им в головы.

Константин Верховых.
(Рисунок Б. Калининчева)

Батальону автоматчиков гвардии майора Бендрикова везло на настоящих комсомольских вожаках.

Комсоргом батальона был у нас бывший прокатчик Верх-Исетского завода, доброволец, молодой коммунист Вадим Очеретин — ныне писатель. Влюбленный в жизнь, в наш Урал, он воспитывал в нас сознание величия воинского долга. Среди молодых воинов Вадим пользовался большим авторитетом. Когда мы стояли на отдыхе, его землянка постоянно была переполнена комсомольцами.

На ходу в боях мы выпускали листовки-молнии. Любое проявление храбрости, солдатского мастерства находило отражение в листовках. Только останутся танки, как с одного на другой уже передаются десанникам и танкистам написанные Очеретиним и его активом «Молнии».

Смелым, находчивым, никогда не унывающим был комсорг нашего батальона. Когда мы по понтонному мосту проскочили реку Нейсе и промчались на танках проселочной дорогой, головная машина провалилась в подготовленную немцами волчью яму. Остановились машины, чтобы выручить свой танк. Этого немцы и ждали — из леса повели такой автоматный и пулеметный огонь, — голову не поднимешь. Вадим не растерялся: спрыгнул с танка и к лесу, мы за ним. А в лесу у противника окопы, землянки, должно быть, немцы надеялись здесь продержаться долго. Мы их гранатами выбили, да не всех. Уцелевшие открыли огонь, и пуля попала Вадиму в ногу. Комсомольцы на руках вынесли своего вожака к танкам, а когда его отправили в медсанбат, замполит Татарченко тут же вызвал меня: «Принимай батальонный комсомол».

Вскоре Вадим возвратился из госпиталя, и я опять — на роту.

Добровольческая комсомолия Свердловской танковой бригады была верной помощницей коммунистов, политработников, которых мы уважали за бесстрашие, мудрость, безграничную преданность Родине.

С отцовской любовью относился к солдатам наш комиссар, начальник политотдела бригады гвардии подполковник Скоп. Принял нас в Свердловске и вместе с командирами довел до самой Праги. В боях он был с нами на танках. Однажды горячее воспламенилось, и его очень сильно обожгло. «В госпиталь», — сказали врачи.

— Нет, идет наступление — потом, может быть... — ответил им Илья Исаевич и, перебинтованный так, что одни глаза виднелись,

оставался в строю. Кажется, раны его так и зажили в боях, а не в госпитале.

Добровольцы подходили к нему запросто, делились и радостью и горем. Придет солдату письмо, что-то дома нехорошо. Скоп сразу же пишет на Урал, чтобы помогли семье воина. И вскоре смотришь: солдат заулыбался, благодарит начальника политотдела.

Часто приходил он на батальонные комсомольские собрания. Побалагурит до начала собрания, поговорит с ребятами, а на нем — выступит серьезно, дельно, и многое непонятное становилось ясным.

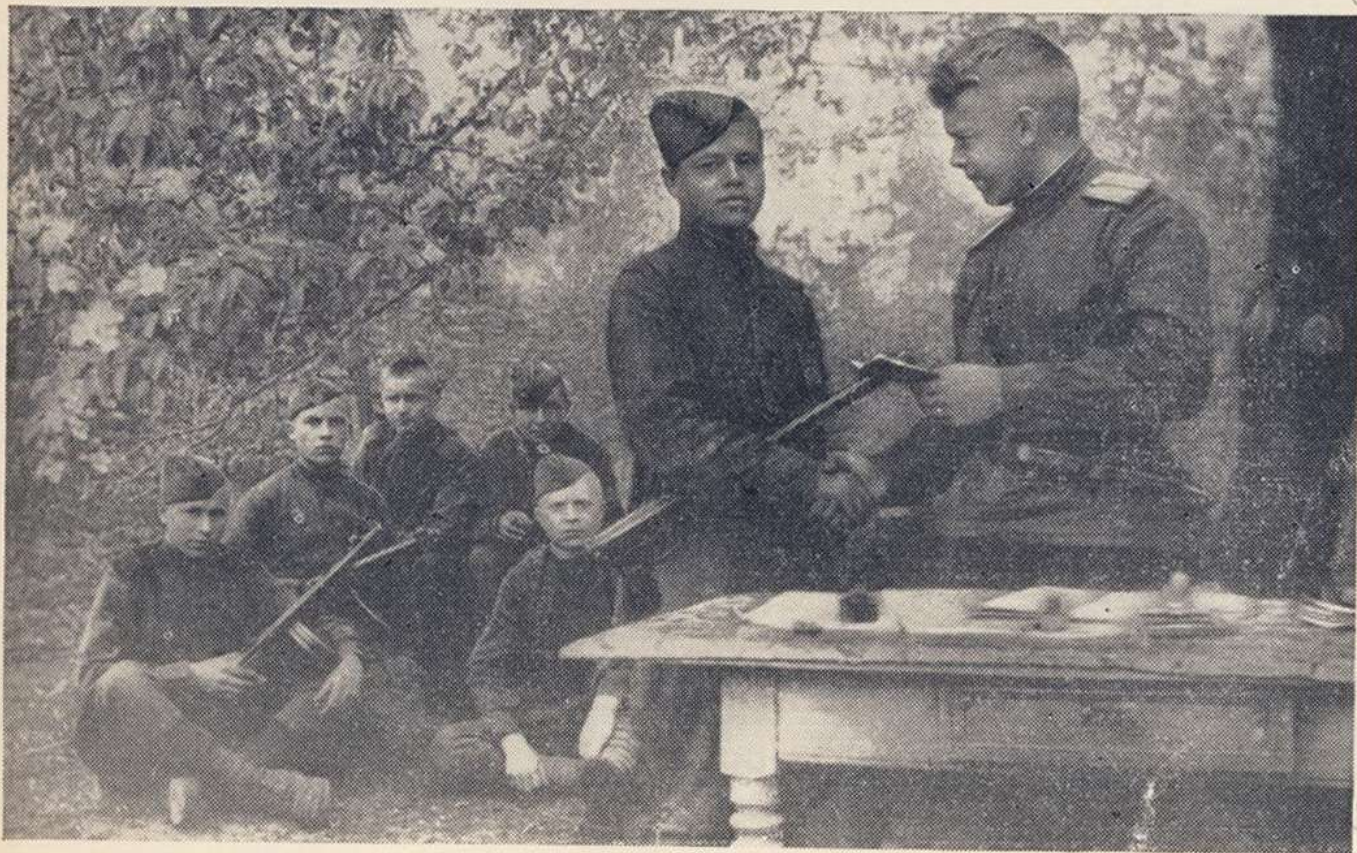
И гвардии капитан Татарченко, и секретарь парторганизации Прохоров были схожи со Скопом, заботились, чтобы комсомольцы росли и вели за собой молодежь.

До нынешних дней я с благодарностью вспоминаю своих старших товарищей, армейских коммунистов, партийную организацию Свердловской танковой бригады — в октябре 1943 года она приняла меня в кандидаты, а в мае 1944 года — в члены Коммунистической партии Советского Союза.

— Комсомольский билет остается у тебя, — сказали мне коммунисты. — Твоя главная партийная обязанность хорошо воевать и вести за собой комсомольцев своей роты.

Я старался оправдать доверие моей армейской большевистской семьи.

Вручение комсомольских билетов перед боем

Двести добровольцев ушло с Уралмаша в Уральский добровольческий танковый корпус — среди них был и технолог по сварке Павел Петрович Логинов.

За доблесть и мужество, проявленные в боях, Павел Петрович награжден орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, многими медалями.

После победы — опять Уралмашзавод. Под руководством инженера Логинова разработаны технологические процессы изготовления сварных узлов гусеничных и шагающих экскаваторов, обжиговых, буровых и других современных машин. Павел Петрович Логинов — почетный гражданин Волочиска, ветеран труда Уралмашзавода.

Заводская молодежь нередко просит ветеранов рассказать о добровольцах с Уралмаша, о боевых подвигах гвардейцев Уральского танкового корпуса. С кого начинать? Что отобрать из множества эпизодов, чтобы остался след в душе заводских ребят?..

Когда речь заходит о массовом стремлении уралмашевцев в корпус, я вспоминаю прежде всего героев, погибших за свободу и независимость Родины: кузнеца Илью Толстоногова, фрезеровщика Федора Юрьева, токаря Владимира Филимонихина, многостаночника Михаила Нюхалова, который заявил комиссии по отбору добровольцев: «Мы делали самоходные установки, на них и воевать будем».

Коммунист Илья Толстоногов. Веселый гармонист и мастер из мастеров. Руководство цеха не отпускает его в корпус: такие руки нужны заводу. Жена не работает, две дочки-малютки. А он заявил в парткоме завода непреклонно: «Я не могу не отправиться на фронт — совесть замучает... Жена будет работать вместо меня». И не уходил из парткома целый день, пока на его заявлении не написали: «Принять».

Четырежды отважным называли Илью Прокопьевича на фронте — за первые же бои он был отмечен четырьмя медалями «За отвагу».

А жена Ильи Марфа Толстоногова стала одной из лучших нагревательниц в кузнечно-прессовом цехе.

13 января 1945 года уже в Польше самоходка Толстоногова, встретив несколько немецких тяжелых танков, нанесла врагу серьезные потери, но и сама была сожжена огнем противника.

Много было схваток с врагами, но почему-то чаще вспоминается самый, пожалуй, для нас тяжелый бой во Фридриховке. Самоходные орудия нашей батареи пришли туда по готовому следу после того, как танкисты-свердловчане и мотострелки с боем ворвались в поселок и уже некоторое время отбивали ожесточенные контратаки противника.

Командир нашего экипажа лейтенант Денискин ушел в штаб, а мы с наводчиком Макаром Бурмистровым и заряжающим Сергеем Кобзовым быстро сгрузили ящики со снарядами, прихваченными про запас, сверх боевого комплекта. Машину загнали в кусты возле пустующего дома. Замаскировали ее ветками и комьями грязного, тающего снега. Вернувшись, командир рассказал, что две батареи нашего полка понесли значительные потери. Погибли командир самоходки Казаковцев, наводчик Бочаров, заряжающий Филиппов. Из экипажа уцелел только механик-водитель Василий Спиваков, да и он сильно обгорел.

И вот раздалась команда:

— В машину!..

Вскочив в самоходку, смотрю в полуоткрытый люк. Горит машина старшего лейтенанта Романенко. С другой стороны дома раздался взрыв, и оттуда выбежали в дымящейся одежде лейтенант Юхтенко и двое бойцов его экипажа. А наш Бурмистров увидел метрах в шестистах ползущего по кустам «тигра».

Вражеские танкисты, видимо, тоже заметили нас и стали разворачивать башню в нашу сторону. Бурмистров опередил их: метко послал снаряд — «тигр» загорелся. Тогда открыл огонь другой танк противника. Задним ходом увожу машину в глубь огорода, за дом. А там еще «тигр», который не заметил нас: Бурмистров всадил в него два снаряда подряд.

...Вторая ночь. Наша самоходка притаилась на тротуаре у большого дома на перекрестке. На другом углу — самоходка командира полка, наводчиком в ней — снайпер орудийного огня Виктор Мелегов. Ждем. В полночь к нам пробрался автоматчик, предупредил:

— «Тигры»!

Сказал — и исчез. До боли в глазах всматриваемся в ночную мглу, вслушиваемся в звуки на дальних улицах. И все-таки вражеские танки появились внезапно: используя значительный уклон дороги, они пришли на приглушенных моторах. Из-за угла выполз один танк, за ним — второй, третий, четвертый...

— Стреляй! — кричу я Бурмистрову, а он уже торопливо крутит рукоятку прицела. С выстрелом Бурмистрова слился выстрел Мелегова с другого угла. Два снаряда одновременно ударили во вражеский танк. Остальные «тигры» поспешили скрыться.

Перед рассветом нашу машину в числе других спешно перебрали на другую окраину. Вражеские танки, пропустив нас в темно-

те, внезапно, как только посветлело, атаковали нас. Отвечая огнем, мы стали отходить к большому зданию. Они погнались было за нами, но один из них запылал, два других остановились с разбитыми гусеницами. Вспыхнула и одна из наших самоходок, в ней погиб токарь с Уралмаша механик-водитель Федор Гержов.

Четыре дня и четыре ночи отражали мы танковые атаки противника. Связь с полком держали по радио и через посыльных. Один из них рассказал о делах Виктора Мелегова. Он подбил три фашистских «тигра». Вражеский снаряд ударил в его самоходку, разбил прицел у орудия. Механик-водитель Мордыкин быстро увел машину за ближайший дом. Виктор Мелегов и с разбитым прицелом продолжал вести бой. Маневрируя меж зданиями, его самоходка подкралась к вражескому танку, и Мелегов, целясь прямо через ствол орудия, метким выстрелом сжег его.

Так воевали гвардейцы Уральского добровольческого. Помни их, молодой друг!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ КОММУНИСТКИ ГОРДИЕВИЧ

Никифор
Семиколенных

Никифор Васильевич Семиколенных, окончив в Свердловске медицинский рабфак и три курса мединститута, добровольно вступил в Красную Армию и в 1941 году закончил военно-медицинскую академию. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней, он был назначен корпусным врачом Уральского добровольческого в декабре 1943 года.

За успешное выполнение задач по медицинскому обеспечению частей, за личное мужество награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды дважды, многими медалями.

Полковник медслужбы Семиколенных продолжает службу в Вооруженных Силах.

Она родилась в Виннице 14 марта 1920 года. Она погибла под пытками гитлеровцев недалеко от родного города, в деревне Петровка, 14 марта 1944 года.

Комсомолка, студентка философского факультета МИФЛИ, Галина Гордиевич мечтала о преподавательской и научной работе в родной Виннице, отлично училась, успевала заниматься музыкой, художественной литературой, спортом.

Ее подруга по институту, ныне доцент МГУ А. П. Серцова, вспоминает: «Я ей завидовала. Галя вбирала в себя знания, как губка, поражала всех исключительной памятью, умением схватывать суть на лету. Из нее, наверно, вышел бы большой ученый».

Ее тревожило положение в мире: «Над страной собираются тучи»,—говорила она и поступила на двухгодичные курсы медицинских сестер, которые закончила в июне 1941 года.

В первый же день войны Галина идет в военкомат и просит послать ее в действующую армию — просит непреклонно и добивается своего. Вместе с солдатами батальона фельдшер Гордиевич испытала всю горечь отступления, тяжесть жестоких изнурительных боев первых месяцев войны. В 1942 году под Сталинградом ее приняли в партию.

В одном бою, когда она перевязывала бойца, Галина была тяжело ранена в ногу.

После госпиталя Галину Витальевну Гордиевич направляют в Уральский добровольческий танковый корпус фельдшером медсанвзвода мотострелковой бригады. Под Брянском она была вторично ранена, но от эвакуации отказалась, лечилась тут же в медсанвзводе, не прерывая работы. Тогда Галину Гордиевич наградили орденом Красной Звезды.

Когда бригада находилась в Брянских лесах, гвардии лейтенант медицинской службы Гордиевич явилась как-то ко мне и попросила перевести ее из медико-санитарного взвода бригады фельдшером батальона. Свою просьбу Галина мотивировала тем, что в батальоне принесет больше пользы. Мои доводы, что в батальоне ей будет очень трудно, не убедили Галину.

Она была назначена в 1-й батальон мотострелковой бригады. Врач батальона гвардии старший лейтенант медслужбы Щербаков категорически возражал против назначения Гордиевич. Он считал, что такой хрупкой девушке в батальоне работать невозможно. Впоследствии Борис Андреевич понял, как он ошибался.

Март сорок четвертого. Двое суток пешего перехода без сна и отдыха — никто не слышал от Галины ни вздоха, ни жалоб.

Поздно вечером батальон вступил в бой.

Фридриховка. Медицинский пункт развернули в деревянном бараке. В связи с тем, что пехоте и танкам противника удалось просочиться в поселок и отрезать гарнизон Фридриховки от остальных частей корпуса, стало невозможным эвакуировать раненых в тыл.

На четвертые сутки боя на батальонном медицинском пункте, возглавляемом Щербаковым, скопилось около двухсот пятидесяти раненых. Оказание первой медицинской помощи, обеспечение питания раненых, уход за ними — все это потребовало большого напряжения и оперативности в работе медперсонала. Исключительно самоотвер-

Галина Гордиевич

женное отношение к делу показала в те дни Галина — трудилась по 20 часов в сутки.

Командир батальона гвардии майор Хрипачев представил Гордиевич к ордену Отечественной войны 2-й степени. Но так и не довелось Галине получить заслуженную награду.

Когда противник был отброшен от Фридриховки и наши мотострелки освободили деревню Петровка, часть личного состава медицинского пункта, возглавляемая фельдшером Гордиевич, осталась с 50 ранеными в этой деревне. Оказав необходимую медицинскую помощь, Галина ждала прибытия транс-

порта для эвакуации раненых в медсанвзвод бригады. На случай поступления новых раненых из села Тарноруды Галина вместе с санитарным инструктором Е. А. Никифоровой, санитаром В. А. Шевелевым и легкоранеными подготовила места в подвале дома.

14 марта в Петровку ворвались фашистские танки и пехота. Горсточка гвардейцев встретила их гранатами, автоматным и пулеметным огнем. Верная своему партийному и командирскому долгу, Галина Гордиевич воодушевляла раненых бойцов, взяла на себя руководство боем. Немецкие автоматчики под прикрытием танков приближались к дому.

— Мы стояли насмерть, — вспоминает бывший старший сержант Николай Васильевич Эргард, ныне колхозник артели имени Ленина Волочиского района, чудом оставшийся в живых. — Добровольцы схватились с эсэсовцами. Несколько десятков забинтованных, окровавленных бойцов из окон, с крыльца и из ближайших укрытий вели огонь по противнику. С автоматом в руках Галина появлялась там, где было тяжелее всего. Меткими выстрелами она заставляла фашистов откатываться. Так длилось несколько часов. Пуля сразила санитаря Шевелева. Смертельно раненная упала санинструктор Никифорова. Меня полоснула автоматная очередь, и я потерял сознание.

Фашисты ворвались в дом, в упор расстреливали раненых. Они схватили Галину. Истекающую кровью девушку истязали, поставив перед выбором: жизнь ценой предательства или смерть. Силы покидали ее, но она не сдавалась. Ей выламывали руки — молчала. Ее кололи штыками — молчала.

Вскоре противник был выбит из Петровки. В село вернулись жители. 15-летний Павел Павенский, ныне заведующий фермой в колхозе, вошел в свой дом, где размещался медицинский пункт.

— Меня охватил ужас, — вспоминает Павенский. — Среди облом-

ков мебели, посуды, штукатурки лежали убитые бойцы. А на моей кровати — исколотая штыками девушка. Фашисты вырезали на ее теле кресты.

Сама смерть Галины Гордиевич рассказала о ее бессмертии.

...Тихо на братской могиле в селе Тарноруды, где похоронены гвардейцы-уральцы. Среди них покоится коммунистка Галина Гордиевич. Тает ли снег в раннюю весеннюю пору, идет ли дождь — с обелиска падают на могилу тяжелые капли, словно слезы матерей.

Помнят и чтут Галину Гордиевич и в столице нашей Родины, откуда она добровольцем ушла на фронт. В Московском университете имени Ломоносова имя Галины Витальевны Гордиевич золотыми буквами высечено на мемориальной доске.

ВЫСОТА

Михаил
Львов

Михаил Львов, чье поэтическое творчество началось и набрало силы на Южном Урале, прибыл к своим землякам-добровольцам, в Челябинскую танковую бригаду, после боев на Орловско-Курской дуге. Он был рядом с танкистами в сражениях на Украине, в Польше, в Германии, писал стихи, посвященные бойцам и командирам корпуса, которые печатала корпусная газета «Доброволец». Некоторые из них вошли в сборники поэта.

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

1944 г.

Доброволец из депо Дружинино, машинист паровоза Николай Александрович Яненко стал в Свердловской бригаде превосходным механиком-водителем танка Т-34. Его боевые дела отмечены высокими правительственными наградами: орденом Красного Знамени, четырьмя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды. Герой Советского Союза Владимир Марков подарил Яненко свою фотографию, на обороте которой написал: «Лучшему из лучших механику-водителю танка Яненко Николаю от командира батальона Владимира Маркова. Твои боевые дела, Коля, навечно войдут в историю части». Машинист тепловоза Николай Александрович Яненко и сегодня впереди. Он награжден медалью «За трудовое отличие».

Еще недавно наш фронтовой командир Василий Николаевич Никонов приезжал из Челябинска в Свердловск, и мы радовались, глядя на веселого друга. Он мало изменился, наш дорогой комбат. Такой же, как прежде, оставалась его приземистая фигура, так же смотрел он на нас влюбленно, так же подковыристо-шутливо рассказывал о делах глуховатым голосом. Но сказались фронтовые раны, а возможно, и послевоенная перегрузка — Василий Николаевич был заместителем директора Свердловского подшипникового завода, а затем — одним из руководителей крупного строительного управления в Челябинской области и, как на фронте, весь отдавался своим обязанностям. Так или иначе, но его нет уже среди нас — безжалостная смерть оборвала жизнь нашего старшего товарища и боевого друга.

Я водил танк комбата Никонова и хорошо знаю, каким он бывал в тяжелейших передрягах.

21 марта 1944 года батальон двигался как передовой отряд в направлении на Новосюлки, Городницу и Остапе. Головным шел наш танк, и вдруг — сильный оружейный огонь из леса.

— Включай четвертую, Коля! — скомандовал мне Никонов и радировал остальным: «Продолжаем выполнять задачу. На полном газу проскочить зону огня!»

Лавируя между хатами, «тридцатьчетверки» на высокой скорости миновали опасную зону и через несколько минут ворвались в Ново-

НА УРАЛЬЦЕВ МОЖНО РАССЧИТЫВАТЬ СПОЛНА

Дмитрий
Лелюшенко

Последние пятнадцать месяцев Великой Отечественной войны 4-й танковой армией, в которую входил Уральский добровольческий танковый корпус, командовал испытанный военачальник Советской Армии дважды Герой Советского Союза Дмитрий Данилович Лелюшенко.

С первых дней Великой Отечественной войны генерал Лелюшенко находился на главных фронтах, где решались судьбы Родины. Он командовал общевойсковыми армиями в битве под Москвой, в контрнаступлении под Сталинградом, в сражениях за освобождение Донбасса и при форсировании Днепра. Успешные наступательные бои 4-й танковой армии на правобережной Украине, в Польше и Германии, в битве за Берлин и при освобождении Праги неизменно проходили под руководством боевого командарма Лелюшенко. Сражения за Родину сблизили Дмитрия Даниловича с уральскими добровольцами-танкистами, а за годы его командования Уральским военным округом еще больше укрепились его связи с Уралом. В недавно вышедшей книге генерала армии Д. Д. Лелюшенко «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» много страниц посвящено воинам Уральского добровольческого танкового корпуса.

На второй день после моего назначения командующим 4-й танковой армией я в районе населенных пунктов Волочиск и Фридриховка увидел в кровопролитных боях уральских добровольцев и нового командира 10-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора Евтихия Емельяновича Белова, бывшего со дня создания 4-й танковой армии заместителем командующего.

Встретились мы с Евтихием Емельяновичем впервые, но я о нем немало слышал хорошего под Москвой, когда он в 1941 году командовал там танковой бригадой.

На импровизированном наблюдательном пункте вблизи случайно уцелевшего стога сена, в 500—600 метрах от переднего края, генерал Белов умело руководил боем. Он четко доложил обстановку. Была она очень тяжелой — части и подразделения корпуса растянулись в глубину на 30—35 километров, много пушек и автомашин застряло в грязи.

огорчением говорил генерал Белов.— У нас, правда, есть некоторые преимущества перед противником — гусеницы наших танков шире и не так вязнут в грязи. Но артиллерия и автомашины совсем застряли, к тому же на исходе горючее и боеприпасы.

На корпусных обменных пунктах остались половина боевого комплекта и четверть заправки горючего. О том, что имеется в данный момент на армейских складах, Белов не знал, но предполагал, что там боеприпасы и горючее на исходе.

— Неприятель,— продолжал Евтихий Емельянович,— оказывает упорное сопротивление и, подтянув новую танковую дивизию, пытается вернуть железную дорогу. Ему временно удалось потеснить корпусные части на станции Волочиск и в поселке Фридриховка, но затем мы вновь восстановили положение.

Выслушав доклад генерала Белова и его решение прочно удержать рубеж железной дороги на участке Фридриховка — Войтовцы, я полностью согласился с ним, тем более что оно соответствовало приказу командующего фронтом.

Под стать Белову был начальник политотдела корпуса полковник И. Ф. Захаренко, в прошлом секретарь парткома автозавода в Москве. Полковник А. Б. Лозовский, начальник штаба корпуса, занимал эту должность до самого конца войны и оставил самое благоприятное впечатление.

Уже тогда, в марте 1943 года, особенно в боях по овладению Каменец-Подольском и удержанию города, передо мной, новым человеком в 4-й танковой армии, уральские добровольцы, командиры и политработники корпуса раскрыли свои лучшие боевые качества.

Я сразу увидел: на уральцев можно рассчитывать сполна, без всякой оглядки.

Вражеский гарнизон Каменец-Подольского насчитывал свыше 9 тысяч солдат и офицеров, 85 танков (в их числе много «тигров»), 62 орудия, 300 пулеметов. Гарнизон получил приказ любой ценой удержать город до подхода с востока своей отступающей 1-й танковой армии.

Ведущая роль в освобождении города отводилась 10-му гвардейскому танковому корпусу, и уральцы блестяще справились с задачей.

В ходе штурма Каменец-Подольского особенно отличилась 29-я гвардейская Унечская мотострелковая бригада под командованием полковника М. С. Смирнова. Она первой форсировала р. Смотрич. Впереди действовала мотострелковая рота старшего лейтенанта М. И. Козлова. Ее гвардейцы сержанты Гуляев, Чекушев, Марченко, ефрейтор Горкотин и рядовой Свинцов атаковали и перебили охрану на Турецком мосту, не дав возможности врагу взорвать его. Саперы младшего лейтенанта Соколова под огнем врага разминировали мост. Минометчики под командованием старших лейтенантов И. С. Самыкина и В. А. Гусева не допустили вражеские подразделения к Турецкому мосту, нанеся им тяжелые потери.

Воины 61-й Свердловской гвардейской танковой бригады полковника Н. Г. Жукова форсировали реку Смотрич вброд. На участ-

ке несколько севернее Турецкого моста танкисты в упор расстреляли восемь орудий, девять танков и разгромили до полка вражеской пехоты.

В ознаменование освобождения Каменец-Подольского 27 марта 1944 года приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность войскам 4-й танковой армии и Москва салютовала нам 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Но бои здесь еще не закончились. Перед командованием 1-го Украинского фронта стояла сложная задача полного уничтожения окруженной 1-й танковой армии противника в районе северо-восточнее Каменец-Подольского. Для выполнения этого замысла требовались значительные силы, а наша 4-я танковая армия имела к этому времени всего 67 танков и весьма ограниченные артиллерийские средства, с помощью которых можно было удержать лишь отдельные узлы дорог и Каменец-Подольский.

К тому же вся окруженная группировка противника (21 дивизия, из них 10 танковых и 1 моторизованная) в конце марта начала пробиваться на запад. Сплошного кольца окружения, как внутреннего, так и внешнего, мы создать не смогли, сил не хватало, а произвести переброску свежих соединений в условиях бездорожья и сплошной грязи командование фронтом не имело возможности.

Сильный удар этой вражеской группировки пришелся по войскам нашей армии в районе Каменец-Подольского, так как через город проходила единственная мощная дорога, ведущая на запад через Оринин и далее на Бучач и Подгайцы. Именно по этой дороге проще всего, как казалось командованию противника, было соединиться с остальными войсками группы армии «Юг» в районе реки Стрыпа. Для этого враг стремился любой ценой выбить нас из Каменец-Подольского, Оринино, Жердье и других пунктов, через которые проходило это шоссе с булыжным покрытием.

Мы же приняли решение во что бы то ни стало удержать эти пункты в своих руках.

С 28 марта по 2 апреля происходили ожесточенные бои не на жизнь, а на смерть. Враг непрерывно наносил сильные удары в районе Каменец-Подольского, Жердье, Оринина, Жванца, а также по другим узлам дорог. Но несмотря на многократное превосходство противника в живой силе и технике, овладеть этими населенными пунктами гитлеровцам не удалось. 4-я танковая армия удержала их в своих руках до конца.

Исключительный героизм проявили защитники Каменец-Подольского, когда гитлеровцы сделали попытку вновь овладеть этим городом. 61-я и 63-я танковые, 29-я мотострелковая, 16-я механизированная гвардейские и 49-я механизированная бригады, 121-я стрелковая дивизия, 127-й, 128-й и 56-й танковые полки стояли насмерть. Особую организованность здесь проявили генерал Е. Е. Белов и начальник штаба полковник А. Б. Лозовский.

На город наступало несколько танковых и пехотных вражеских дивизий. 16 неприятельских атак отразили гвардейцы.

В тех боях погиб командир 29-й гвардейской мотострелковой бригады полковник Михаил Семенович Смирнов.

Генерал Е. Е. Белов был контужен, но продолжал руководить боем. Временами его замещал полковник А. Б. Лозовский. Мужество, стойкость и боевое мастерство проявили при защите Каменец-Подольского командиры танковых бригад: 61-й — полковник Н. Г. Жуков, 63-й — полковник М. Г. Фомичев.

Командование, политотдел 10-го гвардейского танкового корпуса призывали к участию в защите родного города всех жителей, способных носить оружие, и многие с энтузиазмом откликнулись на этот призыв. Советские патриоты, вооружившись захваченными у врага автоматами и винтовками, в едином строю с гвардейцами беспощадно громили наседавших гитлеровцев. Командование корпуса использовало местные заводы и мастерские, где снаряжались боевые патроны и мины, ремонтировались танки и другая боевая техника.

Общими усилиями Каменец-Подольский отстояли.

С таким же героизмом, с каким воевали танкисты-добровольцы в тех весенних сражениях 1944 года, и еще более зрелым боевым мастерством действовали воины-уральцы, освобождая Львов и земли Польши, добывая фашистские армии в Германии и Чехословакии. Много раз шел Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус на острие наступления, в первом эшелоне армии, и мы всегда были уверены, как и командование фронтом, что любой приказ уральцы выполнят с честью.

И хочется мне, бывалому солдату и генералу, пожелать молодым уральцам — доброй смене нашей — быть такими же гвардейцами в труде (и в бою, если придется), какими были и какими являются сейчас отважные и верные сыны народа — уральские добровольцы.

2

КРАСНЫЙ КОРДОН

31 марта 1944 года

Из пепла и руин поднимем свой прекрасный Каменец-Подольск!

Мы приветствуем вас с освобождением

Город очнулся от врага. Мы рады, что, кто на нем был, может считать освобожденным это от фашистских оккупантов. Мы рады, что вы можете в ближайшее время увидеть этот прекрасный город.

Цены будут в несколько раз ниже, чем в первые дни войны. Это не только для вас, но и для всех. Мы хотим, чтобы вы могли купить то, что вам нужно, по доступным ценам. Мы хотим, чтобы вы могли купить то, что вам нужно, по доступным ценам.

Мы хотим, чтобы вы могли купить то, что вам нужно, по доступным ценам. Мы хотим, чтобы вы могли купить то, что вам нужно, по доступным ценам.

Знамя на городской башне

На башне, которая была символом города, было поднято знамя. Это знамя было поднято в честь освобождения города. Это знамя было поднято в честь освобождения города.

На башне, которая была символом города, было поднято знамя. Это знамя было поднято в честь освобождения города. Это знамя было поднято в честь освобождения города.

На башне, которая была символом города, было поднято знамя. Это знамя было поднято в честь освобождения города. Это знамя было поднято в честь освобождения города.

За рубежом

Бои в Югославии

В Югославии идут бои. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами.

В Югославии идут бои. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами.

В Югославии идут бои. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами. Наши воины сражаются с фашистами.

Действия авиации

Самолеты

Авиация действует. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага.

Авиация действует. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага.

Авиация действует. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага. Наши самолеты бомбят врага.

*Звезда
героев*

НАС И СМЕРТЬ НЕ БЕРЕТ...

Яков Давыдович Харди́ков был годами и опытом старше, чем первые Герои Советского Союза, получившие это звание в нашем корпусе.

С первых дней войны Харди́ков был на фронте и приобрел немалый боевой опыт. Весной 1944 года он командовал в Унечской мотострелковой бригаде огневым взводом, отличившимся в боях за Каменец-Подольский.

Артиллеристы Харди́кова шли на штурм Каменец-Подольского в составе передового отряда корпуса. В километре от переправы через реку Смотрич гвардейцы наткнулись на оборону противника. Автоматчики роты старшего лейтенанта Козлова своим огнем отвлекли внимание немцев, а расчеты огневого взвода Харди́кова, увязая в грязи, на руках потащили орудия на прямую наводку. За шесть часов боя на окраине города артиллеристы Харди́кова уничтожили «тигр», три пушки, бронетранспортер, несколько пулеметов и минометов.

Ворвавшись вместе с танкистами и десанниками Свердловской бригады в город через Турецкий мост, артиллеристы взвода Харди́кова стали пробиваться к центру города и сожгли еще четыре танка, два захватили, уничтожили семь орудий, шесть бронетранспортеров и много другой техники.

Величайшую храбрость, стойкость, презрение к смерти проявили артиллеристы у железнодорожного вокзала, куда подошел немецкий эшелон с пехотой, а вскоре и танки противника. На этом участке остались три орудия расчетов Демидова, Шлыкова и Струихина да один пулемет с бойцами Гусаковым и Проненко. Договорились: два орудия бьют по танкам, третье орудие и пулемет — по пехоте. Едва успели приготовиться, как увидели противника. Харди́ков позвонил по телефону командиру дивизиона:

— На нас идут семь «пантер» и до ста пятидесяти пехотинцев. На участке, кроме нашей батареи, никого.

Командир дивизиона велел действовать по обстановке. А минуту погодя Харди́кова вызвал к телефону командир бригады полковник Смирнов:

— Ни шага назад!.. Стоять насмерть! Передай это всем батареям, Яков Давыдович...

А танки приблизились уже на двести метров, и нервы одного солдата, недавно мобилизованного в армию из освобожденного села, не

выдержали. Он поднял автомат и с криком: «Смерть Харди́кову. Он предает нас фашистам!» — дал короткую очередь. Спас Харди́кова сержант Шлыков — он опередил выстрелы, ударив по автомату.

Выстрелы выдали батарейцев раньше, чем они открыли огонь из отлично замаскированных пушек и пулеметов. Почти одновременно началась оружейная дуэль. Три «пантеры» пошли в обход справа (батарейцы этого не заметили), а четыре — в лоб. Головную «пантеру» подбил сержант Демидов и упал тяжелораненый. Сержант Шлыков подбил второй танк и метким выстрелом поджег третий. Харди́ков встал за орудие Демидова, когда четвертый танк был от него в полсотне метров. Сна-

ряд Харди́кова поджег и эту «пантеру».

На минуту пришло облегчение. Много вражеских пехотинцев было убито, другие залегли. Но тут внезапно появились (незаметно подошедшие) с фланга три «пантеры». Одна раздавила орудие Михаила Струихина.

Харди́ков с бойцами расчета Денисова повернул свое орудие и поджег танк, со вторым расправился расчет Шлыкова, но и его пушка через несколько мгновений была разбита.

У единственного орудия остались четыре гвардейца. Харди́ков — за наводчика. Щит орудия разбил снаряд, осколками убило заряжающего, Харди́кова ранило в голову и руку. Но когда гусеницы последнего из семи фашистских танков наползали на орудие, Харди́ков успел выстрелить в него в упор.

Придя в себя в походном медсанбате, Харди́ков увидел перебинтованных Демидова, Шлыкова, Гусакова и других своих батарейцев, которых, как и его, спасли танкисты Свердловской бригады.

Боль перекосила лицо Владимира Демидова, он что-то говорил одними глазами Харди́кову, и тому показалось, что он слышит: «И смерть нас не берет, лейтенант...»

Харди́ков пытался улыбнуться, поблагодарить мужественного добровольца, электросварщика из Миасса, который менее чем за год так широко по-солдатски шагнул от замкового до командира орудия, от рядового до сержанта.

«Вот какие они — добровольцы!» — радовался Харди́ков, глядя на Володю Демидова.

Полковник Александр Борисович Лозовский был назначен начальником штаба Уральского добровольческого танкового корпуса в феврале 1944 года. Всесторонне образованный кадровый офицер Советской Армии, человек высокой культуры и личного обаяния, он внес в штабную работу предельную организованность и четкость. Под его руководством были разработаны планы важных операций корпуса, в том числе и Каменец-Подольской, о которой автор пишет в своих воспоминаниях.

После войны генерал-майор танковых войск А. Б. Лозовский работал много лет в Министерстве обороны Союза ССР. Сейчас — в отставке. Живет в Москве.

Второй мощный удар уральских добровольцев по врагу после удара под Орлом был на Каменец-Подольском направлении.

С рубежа Гримаилова командующий 4-й танковой армии генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко нацелил Уральский танковый корпус непосредственно на штурм Каменец-Подольского.

Город еще находился в глубоком тылу противника. Чтобы его достичь, нам предстояло пройти с боями в так называемой оперативной глубине многие десятки километров и освободить ряд крупных, основательно укрепленных врагом населенных пунктов.

Командир корпуса генерал Евтихий Емельянович Белов принял решение: наступление на Каменец-Подольский вести тремя бригадами — Челябинской и Свердловской танковыми и Унечской мотострелковой, усиленными другими частями корпуса.

Ранняя весна затрудняла движение машин, действия гвардейцев. Началось половодье. Балки и овраги заполнились водой. К тому же корпус, проводя с 5 до 20 марта напряженнейшие бои, понес значительные потери в людях и технике. Сопротивление противника нарастало. Его пехотные и танковые соединения все чаще, при поддержке авиации, переходили в контратаки. Нашим бригадам поэтому пришлось задерживаться при отражении контратак и ликвидации опорных узлов сопротивления. И все же наступление шло стремительно, в соответствии с планом операции.

Утром 25 марта бригады уже были на подступах к Каменец-Подольскому. Однако ворваться в город с ходу не удалось, противник оказал сильное сопротивление, в особенности на рубеже реки Смотрич.

В этот момент мы с командиром корпуса и оперативная группа штаба находились в Ориине.

Генерал Белов поручил мне срочно направиться в бригады, чтобы на месте уточнить задачи комбригам по организации планомерного штурма Каменец-Подольского.

Взяв с собою офицеров связи бригад, прибывших к нам с докладом об обстановке, я тут же отправился в путь. Машину, как всегда уверенно, вел мой бессменный водитель Алексей Теплинский.

Расстояние до передовых частей сокращалось. Все отчетливее слышалась танковая канонада. Временами доносилась пулеметная стрельба — передовые части втянулись в бой за Каменец-Подольский.

Около десяти часов утра в район хутора Козак по моему вызову прибыли командиры бригад или их заместители. Поднявшись на высоту, с которой просматривался Каменец-Подольский, мы наметили план атаки и уточнили задачи бригад на местности.

План состоял в следующем.

Унечская бригада с минометным полком овладевает Каменец-Подольском с запада. Форсирует реку Смотрич правее и левее Турецкого моста. Одновременно захватывает этот мост и удерживает его.

Свердловская бригада врывается в город через Турецкий мост, а также использует брод и совместно с Унечской бригадой овладевает Каменец-Подольском с запада и севера.

Челябинская бригада своим мотострелковым батальоном форсирует реку Смотрич, ищет брод для танков и наносит удар по городу с юго-запада, остальными силами прикрывает со стороны Должка части корпуса, штурмующие город.

Частью сил 16-й механизированной бригады 6-го мехкорпуса намечалось атаковать город с севера, а 49-й механизированной бригадой этого же корпуса — с юга.

Пермская танковая бригада имела в это время задачу оборонять Гусятин до подхода общевойсковых соединений и являлась резервом командующего 4-й танковой армии.

Чтобы командиры бригад имели немного светлого времени на организацию взаимодействия и подготовку атаки, она намечалась на 17 часов.

Намеченный план атаки был утвержден командиром корпуса.

Точно по плану, после десятиминутной артподготовки, начался штурм Каменец-Подольского.

Мотострелковая бригада успешно форсировала реку Смотрич у Турецкого моста и к 20 часам захватила плацдарм в Старом городе. Сразу же после захвата и разминирования моста по нему и обнаруженному броду устремились танки Свердловской и Челябинской бригад.

До утра 26 марта кипели уличные бои по очищению Нового города. И сейчас, почти через три десятка лет, перед моими глазами усталые,

Заместитель командира корпуса П. Д. Белов (ныне генерал-майор в отставке)

измотанные боями, но радостные, мужественные лица моих дорогих однополчан, уральских добровольцев, и ликующие толпы горожан, встречающих освободителей.

Вскоре в город прибыл командарм Лелюшенко. Стало известно, что большие силы Проскуровской группировки немцев движутся на Каменец-Подольский, видимо, не столько с целью оказать помощь своему разгромленному здесь гарнизону, сколько для прорыва через город на запад и на юг, за Днестр. Командарм потребовал от нас, чтобы оборона города была круговой и жесткой. Особое внимание им уделялось претраждению отхода против-

ника за Днестр. Все некорпусные части, вошедшие вместе с нами в Каменец-Подольский, он подчинил комкору Белову.

Командарм намерен был перевести в Каменец-Подольский штаб 4-й танковой армии, но к вечеру 26 марта обстановка резко изменилась, дороги на город с запада и севера оказались перехваченными танками противника. Командарм все же успел, правда, не без осложнений, проскочить в Оринин.

В течение недели в тылу у противника, в далеком отрыве от общевойсковых соединений фронта, уральские танкисты, во взаимодействии с частями 6-го мехкорпуса и 121-й стрелковой дивизии мужественно отражали многочисленные атаки крупных вражеских сил.

Лишившись путей подвоза, осажденный гарнизон испытывал недостаток в боеприпасах и горючем для танков. Мало было у нас и противотанковых средств.

По призыву начальника политотдела полковника Ильи Федоровича Захаренко и заместителя командира корпуса полковника Петра Дмитриевича Белова — опытного воина, прошедшего с уральскими добровольцами весь их боевой путь — трудящиеся Каменец-Подольского на заводах и в мастерских изготавливали средства противотанковой борьбы, а многие каменчане с оружием, захваченным у врага, становились в ряды защитников города.

Основную тяжесть обороны города несли, конечно, наши прекрасные солдаты и закаленные боями командиры. Много потрудились и офицеры штабов всех ступеней.

Связисты штаба корпуса и бригад под руководством начальника связи душевного человека и стойкого коммуниста полковника Василия Даниловича Фокина обеспечивали нам постоянную телефонную связь

ДОБРОВОЛЕЦ

КРАСНОАРМЕНСКАЯ ГАЗЕТА

№ 47 | Вторник, 28 марта 1944 г. — Прочти и передай товарищу

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

Маршалу Советского Союза
ЖУКОВУ

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта, развивая наступление, вчера, 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты, овладели областным центром Украины городом КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ — сильным опорным пунктом обороны немцев на ДНЕСТРЕ.

В боях за овладение городом КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ отличились войска генерал-лейтенанта ЛЕЛЮШЕНКО, танкисты генерал-майора тайковых войск БЕЛОВА, генерал-лейтенанта АКИМОВА, полковника СМЕРГОВА, полковника ЖУКОВА, полковника ДЕНИСОВА, полковника ФОМИЧЕНА, полковника МЕДВЕДЕВА, полковника ТУРИНА, полковника РЫБЯ, артиллеристы полковника РЫБАСОВА, летчики генерал-майора авиации ГОЛОВИНА, генерал-майора авиации КАМАНИНА, полковника КОТЕЛЬНИКОВА, полковника ПЕТРОВИЧЕНКО и егеря генерал-майора егерских войск БЛАГОСЛАВОВА, полковника ЕННЕСАНОВА.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение города КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ, представить к награждению орденом КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ и к награждению орденом.

ПРИКАЗ

ПО КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОМУ ГАРНИЗОНУ

26 марта 1944 г.

№ 1,

г. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ.

Сегодня доблестные войска Красной Армии освободили город Каменец-Подольск. От имени Командования поздравляю трудящихся города Каменец-Подольска с освобождением от фашистского ига.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всем гражданам города Каменец-Подольска оказывать полное содействие воинским частям Красной Армии в окончательной очистке города от оставшихся еще солдат и офицеров противника.

2. Всем домохозяйствам, управдомам, участковым в своих районах проверить чердаки, подвалы, квартиры и всех задержанных солдат и офицеров противника арестовать и направлять к Военному коменданту города.

3. Все предприятия, заводы, фабрики, склады являются государственной собственностью и подлежат полной охране.

4. Директорам и управляющим фабрик, заводов, предприятий, складов организовать охрану вышеуказанных предприятий. Всю имеющуюся продукцию считать трофейной и без моего ведома не выдавать ни как гражданским, так и воинским частям.

5. В течении 12 часов, к исходу дня 28.3.44 г., сдать все оружие, имеющееся в пользовании граждан, Военному Коменданту города.

6. Хождение по городу разрешено с 7 до 20 часов.

За нарушение вышеуказанных пунктов моего приказа виновные будут преданы суду Военного трибунала по законам военного времени.

Начальник Гарнизона города Каменец-Подольска

Гвардии Генерал-Майор Т-В БЕЛОВ

Комендант города

Гвардии Полковник БЕЛОВ

с бригадами и частями корпуса, а с командармом Лелюшенко — связь по радио.

Четко работали штабы бригад, операторы штаба корпуса, бригадные и корпусные разведчики. Штаб корпуса всегда имел полные данные о противнике, обеспечивал управление командиру корпуса.

В самоотверженной борьбе уральские добровольцы во взаимодействии с другими частями отстояли город.

3 апреля с востока в Каменец-Подольский вошли общевойсковые соединения фронта и наш корпус выступил из города для выполнения боевой задачи на новом направлении.

ПРОЩАЛЬНЫЙ САЛЮТ КОМБРИГУ СМИРНОВУ

Николай
Абрамов

Подполковник в отставке Николай Иванович Абрамов — бывший прокатчик Надеждинского (Серовского) металлургического завода. Затем он курсант школы имени ВЦИК, а после службы в армии — на руководящей партийной и советской работе.

В Уральском танковом корпусе был помощником начальника штаба мотострелковой бригады. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, дважды орденом Красной Звезды и медалями. После Великой Отечественной войны работал начальником отдела Свердловского облвоенкомата. С 1959 года — пенсионер.

29 марта в Каменец-Подольском было особенно напряженно.

Но служба есть служба, и командир нашей Унечской мотострелковой бригады полковник Смирнов потребовал к себе на командный пункт документы, для того чтобы, не задерживая, подписать приказы о награждении особо отличившихся.

Командный пункт — в здании школы, на первом этаже. Полковник выслушал мой доклад.

— А вы, капитан, сегодня ели? — спросил он меня, подписав последний наградной лист. — Нет?.. Оставайтесь.

Это было не безмятежное застолье. Комбриг то и дело отрывался от еды: ему докладывали, что противник в таком-то районе бросился в очередную контратаку, что на исходе боеприпасы. Но комбриг так спокойно отдавал команды, что каждый проникался уверенностью: мы выйдем из трудного положения.

— Не задерживайте представлений о наградах, — проводил он меня строгим наказом. — Это же благодарность солдату за честную службу, это награда Родины... Да, не забудьте поторопить майора Худякова — пусть немедленно представит наградную на батареяцев Хардикова.

Не успел я выйти из здания школы, как услышал гул самолетов и взрывы авиабомб. И вот в коридоре догнал меня сержант. Задыхаясь, прошептал:

— Товарищ гвардии капитан! Погиб комбриг...

Я бросился назад. Михаил Семенович Смирнов лежал на полу против окна в крови.

Осколки вражеской авиабомбы оборвали жизнь прекрасного человека, замечательного коммуниста, командира и товарища. И с какой яростью отомстили добровольцы врагу за своего любимого комбрига!

Двенадцать атак врага отбили у вокзала мотострелки батальона гвардии майора М. А. Савчука. Офицеры Московец, Магафуров и Николаев вновь и вновь поднимали свои роты в контратаки. Особенно отличились в этих схватках лейтенанты Чичкин, Ковязин, Извеков, Ивченко, сержанты Рябов, Тарунин, Пушкарев, пулеметчики подразделений Бесчастнова, Расшиктаева и Усвяцева. Храбро и умело действовали бойцы подразделений противотанковых ружей офицеров Орлова, Пухыря и Ременюка, подбившие два самоходных орудия и два танка противника.

Тяжело пришлось минометчикам батальона офицера Т. С. Акишева. Десять атак противника отбили они. Стреляли минами до последнего, а когда гитлеровцы врываются на их огневые позиции, били из автоматов и карабинов. Сержанты П. И. Заякин, А. П. Иванов, В. А. Костырев, Г. К. Чипуштанов, офицеры И. С. Гусев, В. А. Семькин, И. В. Быбко стойко обороняли свои рубежи, отбиваясь гранатами, вступая в рукопашные схватки с гитлеровцами. Активное участие в отражении атак принимали замполит батальона В. Д. Тараканов и парторг батальона И. Л. Шутов.

Поразительную стойкость показали два наших связиста-добровольца — Петр Стахов из Первоуральска и Теленков из Серова. Под сильным огнем противника они исправляли повреждения телефонных проводов. Возвращаясь с линии, столкнулись с группой немецко-фашистских автоматчиков, которые окружили их и пытались взять в плен. Гвардейцы заскочили в дом и дрались до последнего вздоха. Они пали смертью храбрых, но возле них насчитали двадцать три убитых фашиста.

После войны жители города поставили на могиле Михаила Семеновича Смирнова памятник в одном из лучших скверов Каменец-Подольского. А тогда почетный прощальный салют командиру нашей бригады слился с грохотом нарастающего боя.

ПОМНИ КЛЯТВУ, ДАННУЮ ЗЕМЛЯКАМ!

БОГАТЫРСКИМИ ПОДВИГАМИ УМНОЖИМ СЛАВУ РОДНОГО КРАЯ!

Дадим еще больше вооружения

Дорогие друзья-гвардейцы!

Вашим мужеством и доблестью восхищаются и гордятся трудящиеся родного края. Вы здесь, на фронте, с оружием в руках гоните немцев все дальше с советской земли, а мы фронтовым трудом в тылу день и ночь куем для вас оружие, куем победу над врагом.

Широкой волной по всему родному краю развернулось соревнование за переходящие Красные знамена имени вашего гвардейского соединения. Борясь за честь обладать этими знаменами, рабочие и работницы, инженеры и техники с каждым днем дают фронту все больше военной продукции.

Металл, который необходим Родине, наш цех вырабатывает в достаточном количестве не только для своего завода, но и для родственных предприятий.

Несмотря на тяжелые условия, наши рабочие и работницы трудятся не покладая рук, и цех из месяца в месяц перевыполняет программу.

Литейщик Порошин был поставлен на отстающий участок. В корот-

кое время его участок стал одним из лучших.

Формовщик Кулаков и плавильщик Газизов, как и другие стахановцы, не уходят из цеха до тех пор, пока не выполнят задания.

На ваши доблестные ратные подвиги трудящиеся родного края отвечают трудовыми подвигами у станков, плавильных печей и мартенов. За самоотверженную героическую работу в тылу многие наши товарищи имеют правительственные награды.

ПЕРЕКЛИЧКА

РЕМОНТНИКОВ

Бойцы подразделения офицера Денисова, занятые на ремонте боевых машин, послали письмо землякам трактористам, прося их по фронтовому закончить подготовку к осеннему сезону и обеспечить четкую работу тракторов на поле.

Письмо стало достоянием всех трактористов области и дейные гвардейцы адут ответы от коллектива МТС.

— Мы гордимся вами, дорогие земляки-гвардейцы, и обещаем вам, что с честью выполним свой долг.

В рихельском училище Гомельской области для солдат армейских.

День и ночь куются резервы

Недавно в доблестной 10-й армии фронтового боя

ПЕРЕХОДЯЩИЕ КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА ИМЕНИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА

Дорогие друзья-гвардейцы!

Вашим мужеством и доблестью восхищаются и гордятся трудящиеся родного края. Вы там, на фронте, с оружием в руках гоните немцев все дальше с советской земли, а мы фронтовым трудом в тылу день и ночь куем для вас оружие, куем победу над врагом.

Широкой волной по всему родному краю развернулось соревнование за переходящие Красные знамена имени вашего гвардейского соединения. Борясь за честь обладать этими знаменами, рабочие и работницы, инженеры и техники с каждым днем дают фронту все больше военной продукции.

Металл, который необходим Родине, наш цех вырабатывает в достаточном количестве не только для своего завода, но и для родственных предприятий.

Несмотря на тяжелые условия, наши рабочие и работницы трудятся не покладая рук, и цех из месяца в месяц перевыполняет программу.

Литейщик Порошин был поставлен на отстающий участок. В корот-

кое время его участок стал одним из лучших.

Формовщик Кулаков и плавильщик Газизов, как и другие стахановцы, не уходят из цеха до тех пор, пока не выполнят задания.

На ваши доблестные ратные подвиги трудящиеся родного края отвечают трудовыми подвигами у станков, плавильных печей и мартенов. За самоотверженную героическую работу в тылу многие наши товарищи имеют правительственные награды.

То, что сделано нами для фронта, мы не считаем пределом.

Мы дадим вам еще больше вооружения, чтобы вы сумели еще крепче бить проклятого врага.

Ни жить, ни дышать не давайте фашистам на нашей земле!

Новыми богатырскими подвигами на фронте и в тылу умножим славу родного края, приблизим час победы!

Парторг цеха Н-ского завода
А. БЕРСЕНЕВ («Доброволец», 21 апреля 1944 г.)

Мы никогда не сомневались в том, что наши земляки-гвардейцы с честью выполняют наш наказ и свою добровольческую клятву. Я так же крепко помню свое обещание, данное вам во время своего пребывания у вас в гостях. Тогда я обещала, что в 1944 году мы будем работать лучше, чем работали в 1943 году, и добьемся такого урожая, за который не пришлось бы краснеть перед фронтовиками.

Нынче мы закончили сев на 15 дней раньше прошлогоднего.

Решением обкома ВКП(б) и облисполкома присуждена и выдана первая премия нашему зерносовхозу, выполнившему план весенних тракторных работ на 123 процента. Третья премия, присуждена нашей же МТС. Почетные грамоты и первые премии присуждены тракторным бригадам тов. Пащенко В. Г., выполнившей план весенних работ на 140 процентов и сэкономившей 1050 кг горючего, и бригаде тов. Меленчук И. В. из зерно-

совхоза, выполнившей план тракторных работ на 152 процента с экономией горючего 2607 кг.

Вторая премия присуждена тракторной бригаде тов. Копейкина Н. И., выполнившей план весенних работ на 192 процента.

Пять первых премий присуждены трактористам нашей МТС товарищам Дунаеву Н., Костюшкину М., Новикову П., Максименко И., Филоненко.

Ваши замечательные победы вдохновляют нас на новые трудовые подвиги. Можем вас заверить, что свои обязательства выполним до конца. Еще яростнее бейте, товарищи, фашистского зверя. Добивайте его. Мы же все свои силы отдадим на то, чтобы дать вам больше хлеба, продуктов и сырья для военной промышленности.

Екатерина ПУЗИНА («Доброволец», 3 июля 1944 г.)

★★★

УРАЛЬСКО- ЛЬВОВСКИЙ

Летом 1944 года Уральский гвардейский добровольческий танковый корпус принял участие в наступательной операции 1-го Украинского фронта на Львовском направлении.

Корпус должен был войти в прорыв и, наступая в направлении Перемышляны — Бобрка, обходя Львов с юга и запада, не допустить отхода противника от Львова на запад и юго-запад.

17 июля передовой отряд корпуса — Свердловская танковая бригада, — войдя в прорыв, овладела городом Золочев.

Тяжелые схватки развернулись за местечко Ольшаница. Два раза за двое суток Ольшаница переходила из рук в руки. При поддержке подошедших артиллеристов корпуса противник был отброшен.

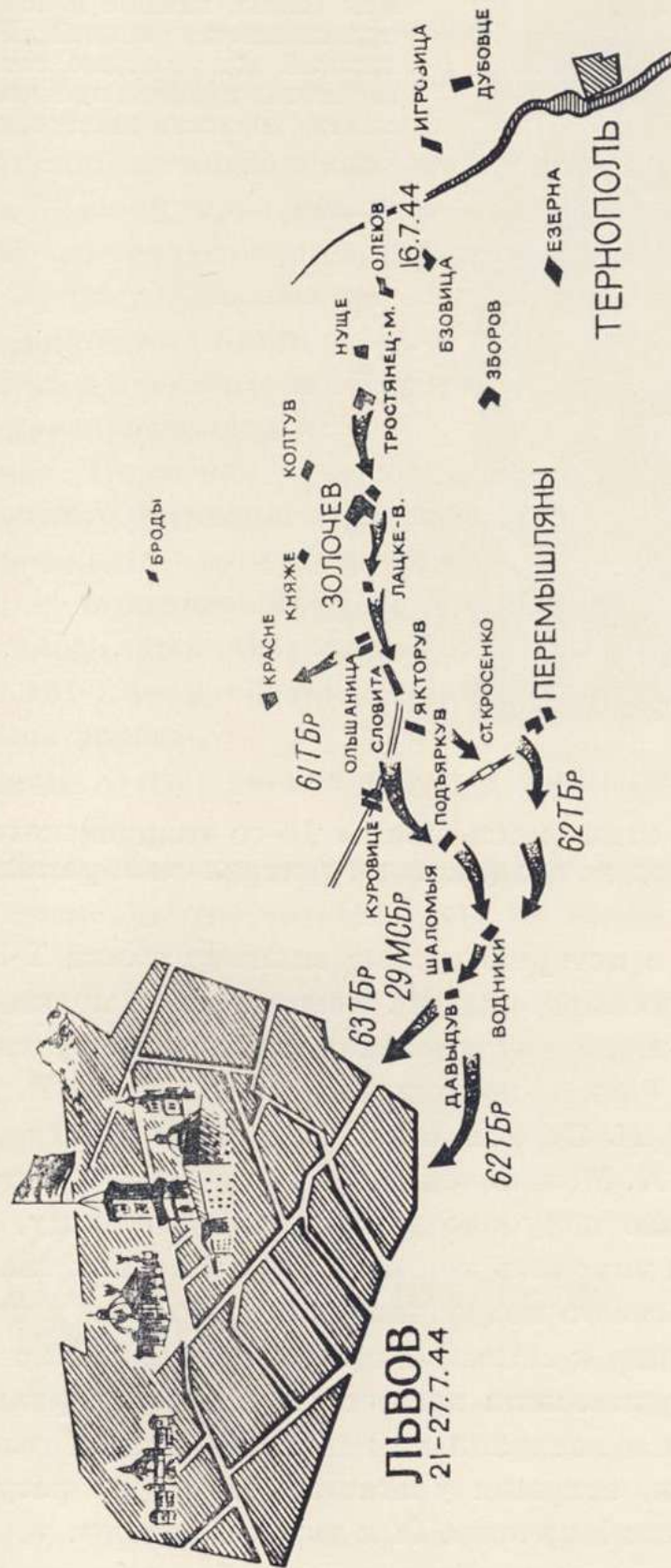
В дальнейшем Свердловская бригада была направлена на уничтожение Бродской группировки немцев, и путь на Львов продолжали пробивать Челябинская танковая — в качестве передового отряда — и Унечская мотострелковая бригады. Пермская танковая бригада совместно с 17-й мехбригадой 6-го мехкорпуса овладела городом Перемышляны, а затем участвовала в освобождении Львова.

К исходу 21 июля Челябинская танковая, Пермская танковая и Унечская мотострелковая бригады с тяжелым танковым полком корпуса ворвались на южную и юго-восточную окраину Львова и завязали уличные бои.

Исключительную смелость и умение проявили в городе танкисты и мотострелки, артиллеристы, саперы и разведчики — все уральцы, которым пришлось в течение недели вести суровые бои в отрыве от остальных сил корпуса и стрелковых соединений.

В 4-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» отмечена ведущая роль Уральского добровольческого танкового корпуса в освобождении Львова. Вот что мы читаем на странице 216:

«Наши бойцы и офицеры проявляли в этих боях массовый героизм

Бои за Львов

Памятник добровольцу Александру Марченко во Львове на Холме Славы, где похоронены герои Великой Отечественной войны, павшие в боях за свободу и независимость нашей Родины. Здесь каждый год молодые воины Львовского гарнизона принимают военную присягу — клятву верности советскому народу

и отвагу. Особенно отличились воины 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Е. Е. Белова.

Навсегда вошел в историю подвиг экипажа танка Т-34 «Гвардия» 63-й гвардейской танковой бригады. Командование поставило экипажу задачу прорваться к центру города и водрузить красный флаг на Львовской ратуше. Танком командовал лейтенант А. Н. Додонов, вел машину механик Ф. П. Сурков, огнем из пушки дорогу расчищал башенный стрелок Н. А. Мельниченко. Радисту А. П. Марченко, хорошо знавшему город, было поручено указывать путь танку, а затем подняться на ратушу и укрепить красный флаг. 22 июля танк «Гвардия», действуя в составе своего подразделения, прорвался к центру города. Сурков подвел машину к самому подъезду ратуши. Марченко с группой автоматчиков, уничтожив вражескую охрану, ворвался в здание, поднялся на башню и водрузил на ней алый флаг. Гитлеровцы, увидев советское знамя, открыли ураганный огонь по ратуше и танку. При выходе из здания Марченко был тяжело ранен и через несколько часов умер. Шесть дней танк «Гвардия» вел бои в городе. За это время экипаж уничтожил свыше ста фашистских солдат и офицеров и сжег восемь танков врага. Наконец противнику удалось подбить советский

танк. Лейтенант Додонов был убит, башенный стрелок Мельниченко и водитель Сурков тяжело ранены. По инициативе трудящихся Львова на улице Ленина на высоком постаменте установлен танк. Он напоминает о героизме советских воинов в борьбе с фашистскими захватчиками».

Общими усилиями подошедших войск 4-й танковой и 60-й армий в ночь с 26 на 27 июля город был полностью освобожден.

27 июля Москва салютовала войскам за освобождение Львова. Наш корпус стал Уральско-Львовским. Наименование Львовских получили также Свердловская бригада, 72-й тяжелый танковый полк, 359-й зенитный и 1689-й истребительно-противотанковый полки.

Части корпуса награждены:

Челябинская, Пермская бригады и 356-й самоходный артполк — орденами Красного Знамени; Унечская бригада, 299-й минометный и 1689-й истребительно-противотанковый полки и 152-й отдельный батальон связи — орденами Богдана Хмельницкого; 248-й гвардейский отдельный минометный дивизион, 7-й гвардейский отдельный мотоциклетный и 131-й гвардейский отдельный саперный батальон — орденами Красной Звезды.

Свыше шести тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями.

В дальнейшем корпус наступал на юго-запад. Освободил город Самбор. Не давая противнику отходить на запад, загонял его в Карпаты.

В августе и сентябре корпус участвовал в отражении контратак противника за Вислой на Сандомирском плацдарме.

*Звезда
героев*

ЗРЕЛОСТЬ

Пять Героев Советского Союза принесли корпусу бои за освобождение Львова.

Высокое звание получили комбриг Челябинской танковой Михаил Георгиевич Фомичев, танкисты этой бригады: механик-водитель Федор Павлович Сурков, командир взвода Дмитрий Мефодьевич Пота-

Экипаж танка «Гвардия». Слева направо: командир танка А. Н. Додонов, стрелок-радист А. П. Марченко, заряжающий Н. А. Мельниченко, комбат Чирков и механик-водитель Ф. П. Сурков

Слева направо: гвардии майор Анищук, гвардии лейтенант Н. Г. Чиж и Герой Советского Союза гвардии лейтенант М. Д. Потапов

П. П. Кулешов

А. Ишмухаметов

пов, командир танка Павел Павлович Кулешов и командир мотострелкового батальона Унечской бригады Ахмадулла Хозеевич Ишмухаметов.

Здесь, на Львовщине, в июле 1941 года отступал с кровопролитными боями танковый полк, в штабе которого служил Михаил Фомичев. И снова июль, и снова те же места, но советские танкисты неудержимой лавиной текут на запад, и Уральский корпус, имея в передовом отряде Челябинскую добровольческую танковую бригаду гвардии полковника Фомичева, громит и уничтожает врага, очищая от фашистских захватчиков советское пограничье.

Челябинцы во главе с неутомимым комбригом Фомичевым в первый день наступления одолели 25 километров болот и лесов. Во второй день — 45 километров. И все это с боями! Километрах в тридцати от Львова пришлось преодолевать болота. Двое суток были без горячей пищи, но с поставленной задачей справились.

Передовой отряд, как ему и полагается, ворвался во Львов первым. Рядом были стрелки батальона гвардии майора Ишмухаметова, корпусные саперы и разведчики, могучие ИС тяжелого танкового полка, артиллеристы-истребители танков. Мотострелки, поддерживаемые огнем танков, выбивали из чердаков и подвалов зданий засевших там немецких автоматчиков и снайперов и расчищали вместе с саперами и разведчиками путь для танков.

Батальон Ишмухаметова, прорвавшись вместе с челябинскими танкистами к центру города, уничтожил из противотанковых ружей и гранатами три «тигра», шесть «пантер», четыре пушки, а автоматным и пулеметным огнем — более трехсот солдат и офицеров противника.

Раненный в голову, Ахмадулла Ишмухаметов продолжал командовать батальоном до полного освобождения Львова.

Ф. П. Сурков

Зрелость участников войны с ее первых дней — Михаила Фомичева, Ахмадуллы Ишмухаметова, Дмитрия Потапова — сочеталась с бесстрашием юных гвардейцев, таких как младший лейтенант Кулешов, старший сержант Сурков и другие.

На подступах ко Львову в разведку был выделен танковый взвод старшего лейтенанта Потапова. Принимая на себя первые вражеские удары, взвод потерял одну машину и продолжал выполнять боевую задачу двумя танками — Потапова и Кулешова. Во время короткой остановки в роще Потапов увидел в бинокль движущуюся по шоссе автоколонну под охраной танка. Переждать в роще, дать знать о противнике в баталь-

он или самому с ним расправиться, чтобы батальон ни на минуту не задержался?

Потапов завязал артиллерийскую перестрелку с вражеским танком, отвлек его внимание от Кулешова, а тот, зайдя во фланг, поджег танк и, ворвавшись в колонну, раздавил не менее двадцати автомашин.

На улицах города затруднился маневр для разведчиков-танкистов. Отовсюду били танки, орудия. На одном перекрестке из засады ударила «пантера». Потапову и Кулешову удалось на большой скорости проскочить удачно замаскированный танк, но не оставлять же опасную «пантеру» живой! Гитлеровцы были застигнуты врасплох: не успели они развернуть орудие, как снаряды двух возвратившихся к ней «тридцатьчетверок» пробили ее башню и борт. «Пантера» загорелась.

Была еще успешная дуэль с несколькими пушками противника, а потом Потапов и Кулешов потеряли друг друга, нарушилась связь и со своим батальоном. К несчастью, горючее и боеприпасы были на исходе. Правда, к Потапову сумела проникнуть группа наших автоматчиков. Двое суток шел бой с «пантерами» и немецким батальоном. В конце концов, гитлеровцам удалось поджечь «тридцатьчетверку» Потапова, второй раз ранить его, но смельчаки удержали до подхода батальона захваченные кварталы города.

Павлу Кулешову было, пожалуй, еще труднее. После того, как он вывел из строя «тигр» и несколько орудий, его танк загорелся от попадания вражеского снаряда. Павел остался один возле сгоревшей «тридцатьчетверки» — израненный, обожженный, больше суток, истекая кровью, отбивался он от врага и выжил, дождался своих.

О героическом подвиге добровольца механика-водителя танка «Гвардия» Федора Суркова сказано в предыдущей статье. Добавим только, что и, потеряв свой танк, тяжелораненный, Сурков продолжал сражаться.

Дмитрий Мефодьевич Потапов ныне работает в Москве. Павел Павлович Кулешов продолжает служить в Советской Армии.

Дважды Герой Советского Союза генерал-майор Михаил Георгиевич Фомичев продолжает службу в Вооруженных Силах. Вторично ему было присвоено звание Героя в нашем же корпусе за успешное руководство бригадой при штурме Берлина и освобождении Праги.

ГОЛОВНЫМИ ШЛИ УРАЛЬЦЫ

Евтихий
Белов

Накануне первой годовщины Красной Армии в ее ряды пришел добровольцем семнадцатилетний Евтихий Белов. Сражался с бандами Махно, служил в легендарной Чапаевской дивизии, а в тридцать втором году овладел специальностью танкиста.

Великая Отечественная война застала Евтихия Емельяновича Белова в должности командира танкового полка. В битве за Москву он командовал танковой бригадой, в Курской был заместителем командующего 4-й танковой армией.

Комкором уральских добровольцев генерал Белов стал в марте 1944 года. С ними он провел бои за окончательное освобождение от гитлеровских захватчиков советской земли, сражения на землях Польши, Германии и Чехословакии.

Высоко были оценены заслуги Белова: он был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден двадцатью тремя орденами и медалями. В 1966 году Евтихий Емельянович Белов после продолжительной болезни скончался.

Командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Дмитрий Данилович Лелюшенко ставил мне задачу. Карандаш командарма уверенно продвигался по карте Львовщины.

— Командование фронта разработало интересный план освобождения Львова, — сказал он. — Смотри, Белов: армия генерала Рыбалко обходит город с севера, а с юга Львов обойдет наша армия. Сомкнемся далеко на западе, захватим Львов в клещи. Город окажется в тылу советских войск. Вот тогда с юга и ворвутся во Львов наши танки. Главными пойдут уральские танкисты. Понимаешь, Белов?.. Да не тебе мне говорить, как гитлеровцы боятся твоих гвардейцев, твоей «дивизии черных ножей»...

Даже суровый Лелюшенко, не любящий шуток, и тот засмеялся. Ему нравилось это название «дивизия черных ножей», которым фашисты окрестили Уральский танковый корпус. А кто мог предполагать накануне боев на Орловщине, что подарок златоустовских рабочих — маленькие кинжалы в черных ножнах — будет наводить ужас на гитлеровцев и там, в центральной России, и здесь, в Западной Украине.

Командарм доверил нашему корпусу идти в авангарде наступления на Львов. И когда 27 июля 1944 года Москва салютовала освободителям этого прекрасного города Советской Украины и нашему корпусу присвоили звание «Львовский», это была высочайшая оценка ратного труда солдат, сержантов и офицеров Уральского добровольческого танкового корпуса.

Один пример. Он характерен для тех насыщенных драматизмом дней.

Когда мы пробивались к Львову, гитлеровцы, находившиеся в городе Перемышляны, не выдержав удара полка самоходной артиллерии, стали отступать. Наша воздушная разведка сообщила, что противник поспешно грузится на железнодорожные платформы. Помочь самоходчикам перерезать противнику дорогу и уничтожить его эшелон поручили герою Пермской танковой бригады Титу Кононцу. Когда мы приехали на станцию, стволы орудий у «тридцатьчетверок» его взвода были прямо-таки раскалены: по два, по три снаряда в минуту выпускали гвардейцы по врагу, мастерски выполняя боевую задачу.

Потом (это было уже во Львове), когда усталые танкисты спали на тротуаре возле своих машин, потребовалось поддержать атаку наших автоматчиков. Тит Кононец поднял свой экипаж и вскоре сжег вражеский танк, мешавший продвижению автоматчиков. Затем ринулся вперед, чтобы отрезать путь отступавшим немцам. Но раздался взрыв: танк Кононца наскочил на мину, загорелся. Механик-водитель Федя Курбатов, командир орудия Саша Прудкин, заряжающий Вася Черепанов погибли. А тяжелораненого, обожженного Тита Кононца подобрала девушка с улицы Адама Мицкевича. Она ухаживала за танкистом, пока город не очистили от врага и Тита Кононца не отправили в госпиталь.

Тогда командование представило Тита Кононца к званию Героя Советского Союза. Но обстоятельства сложились так, что документы не поступили по назначению.

В достижении успехов в боях огромную роль сыграли политработники, партийные и комсомольские организации корпуса.

На опаснейших участках солдаты, сержанты и офицеры видели рядом с собой начальника политотдела корпуса гвардии полковника Илью Федоровича Захаренко, начальников политотделов бригад гвардии подполковников Илью Исаевича Скопа, Евгения Михайловича Елуферьева, Михаила Александровича Богомолова, замполитов, секретарей партийных и комсомольских организаций полков, батальонов и рот.

Наши комиссары, как их любовно называли гвардейцы, делили с бойцами все невзгоды, вели их за собой проникновенным большевистским словом и личным примером бесстрашия.

Не могу не рассказать об Илье Захаренко — изумительном человеке, погибшем накануне победы, в апреле 1945 года.

Впервые мы с ним встретились под Каменец-Подольском. Когда он появился на моем КП с чемоданчиком, то, грешным делом, чем-то не понравился мне. Никак не мог предположить, что этот невысокий, плотный, на первый взгляд, свехспокойный мирный человек станет моим лучшим боевым соратником, другом и любимцем всего корпуса.

День-два прошли, и мы увидели, каков он есть, этот Захаренко.

Одно наше танковое подразделение, прижатое противником к низине, завязло в болоте и несло значительные потери от частого минометного и артиллерийского огня.

Взяв транспортер, Захаренко помчался к танкистам и через полчаса вместе с ними уже заходил во фланг гитлеровцам, заставив их отказаться от атаки и отступить.

Когда Захаренко вернулся на КП, я спросил его:

— Как вам удалось, полковник, вывести танки из болота?

— У нас, политработников, — ответил Захаренко, — имеется волшебное слово для танкистов, которого не знают командиры, — и он засмеялся задорно и весело.

Как-то ночью я услышал от Ильи Федоровича рассказ о его жизни.

Сын крестьянина-бедняка из Смоленской области. Работал в хозяйстве отца, потом учился в институте сельскохозяйственного машиностроения. Член партии с 1929 года. В тридцатых годах работал на Московском автозаводе, где его избрали секретарем парткома. В 1939 году призвали в армию. В боях с первых дней войны. Был начальником политотдела мотострелковой дивизии, танковой бригады, членом Военного совета 5-й гвардейской танковой армии. «Хорошего комиссара послала мне судьба», — подумал я, слушая Захаренко. И еще больше убедился в этом, когда мы заняли Каменец-Подольский.

В памятные дни, когда отступавшая Проскуровско-Винницкая группировка немцев пыталась уничтожить наших танкистов, захвативших Каменец-Подольский, Илья Федорович стал душой обороны города. Он вооружал жителей, возглавил работы по восстановлению заводов, электростанции. Познакомив коллектив редакции корпусной

газеты «Доброволец» с телеграммой командарма Лелюшенко: «Стоять насмерть!», спросил:

— Сумеете выпускать две газеты — нашу и городскую? Каждый день...

Он имел право приказывать, но он видел, как люди выбиваются из сил, чтобы сделать одну газету, а тут — две. Но его просьба повлияла, пожалуй, больше, чем иной приказ — редакция ежедневно выпускала и корпусную газету «Доброволец» и городскую — «Красный кордон» в течение всей недели обороны города.

За свою многолетнюю службу в армии я не знал другого политработника, который столь высоко бы ставил значение солдатской газеты, не знал другого человека, который поступил бы так, как он, зимой 1945 года, когда корпусная редакция попала в беду.

Части корпуса, обходя вражеские соединения, освободили польский город Коньске — довольно большой для того, чтобы маленькая редакция с двумя машинами и одним десятком людей потерялась в доме на западной окраине. В ту ночь радио Москвы передавало два приказа Верховного Главнокомандующего о победах советских войск. Наши военные журналисты и наборщики работали напряженно, чтобы за ночь успеть выпустить газеты с важными новостями. О том, что части корпуса устремились дальше на запад, а в Коньске вошли недобитые нами немецкие войска, — об этом газетчики узнали уже тогда, когда на улице, где расположилась редакция, слышалась ругань пьяных гитлеровцев. К счастью, они не заглянули ночью во двор, где стояли редакционные машины.

Захаренко в Коньске не было. Он двигался другим маршрутом, и уже далеко западнее Коньска первый из политотдела и штаба спохватился, что редакции нет в наших колоннах.

— Где она была вчера? — спрашивал он командиров и политработников и, услышав «Коньске... Западная окраина...», помчался на своем «виллисе» спасать корпусных журналистов и бойцов типографии.

А в это время работники редакции и типографии погрузили наборные кассы на машины, но заводить их не решались. И вдруг услышали беспорядочную стрельбу на улице и, раскрыв чуть калитку, увидели «виллис» Захаренко. В лесу, что начинается сразу за окраиной города, Илья Федорович расставил пушки артиллерийского взвода, отставшего от нашей части. Они и прикрыли прорыв Захаренко с двумя машинами редакции из западни.

Он был умницей, отчаянно смелым человеком да еще мечтателем. Задолго до нашего вступления в Германию, он мне говорил:

— Мы войдем в Берлин. Мы закончим войну обязательно весной. Зацветут сады, землю покроет зеленый ковер, а на улицах будут играть дети.

СОПРОВОЖДАЯ МОТОСТРЕЛКОВ

Иван
Смирнягин

Иван Дмитриевич Смирнягин — доброволец из Дегтярского рудника служил в Унечской мотострелковой бригаде наводчиком, затем — командиром противотанкового орудия. За храбрость и умелое выполнение боевых заданий награжден четырьмя орденами.

После войны — самоотверженный труд на руднике, а сейчас Иван Дмитриевич — на Первоуральском новотрубном заводе. Здесь он удостоился ордена «Знак Почета» и медали «За трудовое отличие».

Дружба, тесное взаимодействие различных родов войск, составлявшие силу гвардейцев-уральцев, наглядно проявились в боях за Львов. В добром боевом содружестве действовали подразделения Унечской мотострелковой бригады.

Наша противотанковая батарея, всю неделю битвы за Львов, огнем и колесами обеспечивала продвижение мотострелков, уничтожая технику и живую силу врага.

Ничто не в силах было остановить наступательный порыв гвардейцев. Хотя приходилось с боем брать каждый дом, наша батарея вместе с мотострелками прорвалась в центр города.

Впереди была площадь, которую прикрывали три немецких танка и бронетранспортер. Автоматчики засели в домах и в здании театра. Комбат потребовал очистить путь мотострелкам.

Как это сделать скорее, лучше, с минимальными жертвами для нас и максимальными для противника?

Обходного пути не было. Слева — дома, справа — каменная стена пожарного депо, впереди — немецкие танки, которые необходимо уничтожить. Хорошо, что нашим мотострелкам удалось к этому времени очистить пожарное депо от немцев, и мы решили проломать стену депо.

Так и поступили. Через пролом закатили пушки в депо, поставили против ворот, глядящих прямо на площадь. По команде раскрыли во-

рота и открыли огонь сразу из всех пушек. Бронетранспортер и два танка были подбиты немедленно, третий сумел уйти. После этого мы открыли огонь по огневым точкам противника и подавили их.

Путь был открыт. Мотострелки заняли театр и пошли дальше очищать Львов от врага.

Взаимовыручка в семье уральских добровольцев не раз спасала нас.

Свое орудие по льду Одера мы переправили на руках. Не успели на западном берегу хорошенько оборудовать огневую позицию, как на нас двинулись десять немецких танков, а за ними пехота.

Мои артиллеристы подожгли четыре танка, изготовились на пятый, но вражеский снаряд разбил наше орудие.

Выход один — стрелять из пулемета и автоматов по пехоте противника. Заставили ее залечь, отсекли от машин. А вот танки! Еще минута-две, и они будут корежить гусеницами нашу огневую.

Боевая дружба выручила и на этот раз. Два расчета противотанковых орудий нашей батареи, несмотря на сильнейший огонь врага кругом, пробились к нам и ударили по фашистским танкам. Еще два из них загорелись, а остальные повернули, не солоно хлебавши.

РАЗВЕДЧИКИ

Бывший артист Челябинского театра им. Цвиллинга, а сейчас гвардии старшина Александр Александрович Соколов со своими теперешними боевыми друзьями встретился уже после ранения. Из госпиталя его направили в тыл, но он просил, чтобы его зачислили в Уральский добровольческий танковый корпус. Просьба была удовлетворена.

За время учебы Александр Соколов сумел у своих земляков-челябинцев воспитать любовь к военной профессии разведчика. На фронте в жарких боях бывший кочегар Челябинской макаронной фабрики Анатолий Романов, каменщик Магнитогорска Дмитрий Троешкин, преподаватель Василий Кочемазов, контролер ОТК Иван Флерко, слесарь-монтажник строительства ТЭЦ Виктор Тимофеев и многие другие стали страстными разведчиками.

В первый же день сражения за Львов смертью храбрых погиб гвардии лейтенант Анатолий Дмитриук. Старшина Соколов заменил коман-

дира. На его долю выпала задача: просмотреть центральные улицы, прилегающие к площади Мицкевича и выходящие к оперному театру.

Соколова не испугало то, что немцы встретили появление бойцов ливнем пуль.

— Раз знаешь, где враг, то уничтожить его уже легче, — говорил он бойцам. — А вот ты найди пушку, которая отмалчивается, пока к ней не подойдет наш танк, ты раскрой, где притаился расчет с фаустпатронами.

Выполняя боевое задание, разведчики шли узкими переулками и дворами, пробирались через чердаки, вышки и подвалы. После многочисленных стычек с врагом они вышли к окаймленной зеленью площади, посередине которой возвышался памятник Адаму Мицкевичу.

Разрушенных зданий на улице, где находились разведчики, не было. Только широко были раскрыты окна квартир во вторых и третьих этажах. Немцев не было видно, но шла сильная стрельба. «Откуда же стреля-

Командир взвода разведки гвардии лейтенант А. Дмитриук дает задание разведчикам

ют?» — думал Соколов, притаившись в подъезде. Старшина поднялся на второй этаж и стал рассматривать противоположные дома.

Однако обнаружить огневые точки противника было невозможно. Тогда Соколов послал двух разведчиков в другой подъезд и приказал им демонстративно время от времени выглядывать в окна.

Несколько часов вел наблюдение Соколов, и у немцев не выдержали нервы. Они начали обстреливать ложный наблюдательный пункт наших разведчиков. Соколов догадался: немцы установили пулеметы на столах посередине комнат, а чтобы сбить разведчиков с толку, раскрыли окон больше, чем было огневых точек.

Вскоре, по данным разведчиков, наши танкисты меткими выстрелами уничтожили огневые точки врага на этой улице.

Боец Иван Флерко — один из самых способных учеников Соколова.

Во время боев в городе разведчик Иван Флерко просил дать ему задание «пострашнее». Соколов не спешил. Только в последний, самый напряженный, момент он решил дать ему такое задание. Он обстоятельно растолковал Флерко, как обойти гитлеровцев. Флерко ушел один. Сутки он побыл в расположении немцев и обнаружил две замаскированные противотанковые пушки. Они были так поставлены, что любой появившийся танк был бы ими поражен прямой наводкой.

Флерко выяснил, как можно обойти эти пушки, и, прежде чем немцы успели сообразить, их орудия взлетели на воздух.

(«Челябинский рабочий», 6 января 1945 г.)

Должно быть, потому, что Мария Якушева была чуть постарше других девушек-добровольцев, или же по той причине, что она окончила медицинские курсы, — ее при формировании назначили старшиной медсанвзвода. Якушева гордилась и тяготилась должностью. Являются девчонки одна другой меньше, истощенней, как вот эти с ее родного Уралмаша. Леночка Яковлева едва от пола поднялась. Тоня Андриевская и Аня Парфенова от худобы чуть ли не просвечивали. А вторая Тоня — Прожерина хотя и плотнее да повыше подружек, но рыжие косички, как назло, торчат словно у маленькой.

— Кого вы привели, старшина? — удивился командир медсанвзвода. У меня же не первый класс.

Тоня Андриевская подала было голос, но офицер прервал ее на полуслове, посоветовал девушкам возвратиться к отцам и матерям, пока вечер не застал их на окраине Свердловска.

Андриевская нахмурилась. Сказала тихим голосом:

— Моего отца убили в Сталинграде. Вы не возьмете — сбегу на фронт.

А Прожерина, та разревелась и сквозь слезы доказывала, что нельзя отказать ей и подругам — они комсомолки, уралмашевки и к тому же отлично окончили курсы санинструкторов.

И девушек зачислили в медсанвзвод.

...Нет-нет и услышишь среди ветеранов: «Помните санинструктора Августу Голикову?.. Пробиралась сквозь шквальный огонь на наблюдательный пункт, несколько раненых оттуда вынесла, а как поползла за последним, пуля подстерегла ее». И встречные вопросы-воспоминания: «А Тоня Андриевская?», «А Леночка Яковлева?..»

В первых же боях под Орлом Тоня полезла в горящую самоходку, вытащила из нее израненного, опаленного механика-водителя Юдина, сама начала гореть, но товарища спасла.

Я был в самоходном полку, когда Тоне Андриевской вручали правительственную награду, сказал, что собираюсь написать о ней в уралмашевскую газету, а она смущенно просила меня:

— Зачем обо мне писать?.. Напишите об Аннушке Парфеновой. Осколки ей попали в грудь и в руки, бойцы настаивают: «Аннушка, выходи из боя», а она: «Сейчас... Мне еще одного перевязать надо...»

А о Леночке Яковлевой мне поведала ее отважная подруга санинструктор Миля Воронова, погибшая в бою под Зорау.

— Около Скалата загорелся танк Челябинской бригады. Не ее часть, а Леночка побежала спасать экипаж. До танка не дотянула — осколок ударил в сердце.

Часто между ветеранами заходит разговор об Антонине Прожерин-ной.

Антонина Прожерина

Галина Селетова

Работа наборного цеха корпусной газеты «Доброволец» в полевых условиях. Наборщики гвардии рядовые Е. В. Бялкова, М. А. Замараева, К. В. Брызгалова и метранпаж гвардии сержант А. В. Торопов

Санитарный инструктор броневой роты разведбата Прожерина находилась на опаснейшем участке — в роще у Фридриховки. Антонина перевязала и вынесла из рощи двенадцать человек, когда осколки вражеского снаряда раздробили ей бедренную кость и руку у локтя. Кто-то из разведчиков хотел помочь Антонине, а она кричит ему:

— Тащи других! Меня потом...

Вскоре «тигры» остановились в нескольких метрах от Прожеринной — она скатилась в окоп, потеряла сознание. Ночью, придя в себя, Тоня услышала над собой, возле окопа, голоса немцев. «Значит, наших нет...», — подумала она, едва сдерживая стон. Боль в ноге и руке была невыносимой.

На рассвете разведчики атаковали немцев в роще, прорвались сквозь сильный огонь «тигров» и минометов. Первым Тоня увидела над собой взволнованное лицо гвардии старшего лейтенанта Виктора Кожина.

— Рыженькая, миленькая, ты жива!

Прожерина вынесла несколько операций. Еще не оправившись как следует от ранения, вынужденная пользоваться костылями, она приступила к учебе в Свердловской фельдшерской школе и вскоре снова заняла место в трудовом строю.

...Служила в минометном полку санинструктором гвардии старший сержант медицинской службы Катя Баранова. Нежная и храбрая, красивая и целомудренная, девушка снискала уважение и любовь всех в полку!

Никто не видел ее унывающей. В бою сгорели ее косы, а она с улыбкой: «Отращу себе новые». Брови и ресницы тогда обгорели — нашла карандаш для краски бровей и с той же улыбкой наводила брови. Однажды ее застали плачущей. Во время бомбежки сгорела машина, в которой находилась Катина шинель.

— Шинель! Моя шинель! — плакала девушка.

— Да что ты, Катюша? Шинель тебе достанем, — успокаивали ее.

— В кармане был карандаш. Совсем подходящий... Теперь останусь безбровая...

Бойцы рассказали командиру корпуса, как из-за одного штабника Катюшу обошли наградой. Генерал Белов возмутился.

— Обидчиков накажу. Скажите санинструктору Барановой, что в ближайшее время приколю ей орден.

Но комкор не успел вручить Катюше награду Родины. В один из дней, когда добровольцы пробивались ко Львову, два батальона немецкой пехоты атаковали огневые позиции второго дивизиона минометного полка. Отважно дрались гвардейцы, вместе с ними — Катюша. Раненная в плечо, она наклонилась к бойцу Пигузову, перевязала его и, не поддаваясь собственной боли, поползла к смертельно раненному солдату Щепину. В эту минуту к ней с автоматом навскидку подбежал гитлеровец.

— Катюша!.. Позади!.. — крикнул Пигузов, лишенный возможности стрелять. Катюша обернулась, схватила в ладони песок, кинула в лицо немцу. Но тот успел разрядить в девушку автомат.

О девушках, о женщинах Уральского добровольческого песни бы сложить светлые. И одну из них о свердловчанке коммунистке Анне Алексеевне Квансковой!

Уже в сражениях под Орлом Анна Кванскова показала себя бесстрашной и неутомимой.

Батареицы отбивали атаки немецких танков за селом Борилово. Кончились снаряды. Под вражеским огнем побежала Аня с бойцом Груздевым в овраг к машинам. Назад возвращались с двумя увесистыми снарядами. Близкий разрыв вражеского снаряда — Груздева ранило в голову, Аню откинуло в сторону. Превозмогая боль, поднялась, побежала к Груздеву, перевязала его, отнесла в окоп, и опять разрыв. Осколок рванул бедро Ани, а перевязать себя некогда — она спешила помочь тяжелораненому бойцу, которому осколок попал в живот.

За первые бои — орден Красной Звезды. Потом — уже в Свердловской танковой бригаде — заслужила ордена Славы 3-й и 2-й степеней. Была еще два раза ранена. Но не прошло и месяца после тяжелого ранения, как она снова в бою.

Бой под городом Зорау был последним для Квансковой. Вынесла раненых, возвращалась назад и видит — упал боец. Бросилась Аня к нему, стала перевязывать, и вдруг пламя в глаза, острый удар в плечо. Потемнело вокруг. Не видела Аня, как оказавшийся рядом фашист поднял над ее головой нож... От смерти ее спас меткий выстрел нашего офицера.

Хирург госпиталя поразился: осколки проникли в мозг, перебиты позвоночник и ключица. Аня все вынесла. Живет в Свердловске, и когда убеленные сединой ветераны корпуса встречают Анну Алексеевну, в их глазах великая ей благодарность.

У наших славных однополчанок судьбы во многом сходны.

В начале войны пошла добровольцем на фронт уралмашевка Полина Бурнашева. К дням формирования корпуса навоевалась, кажется, досыта, несколько раз была ранена. И все же не утомилась. Из госпиталя пришла на костылях к командиру корпуса генералу Родину. «У нас, милая девушка, не лазарет, мы в бой вот-вот пойдем», — сказал генерал. «У меня раны быстро заживают. Не успеете сформироваться, как я буду годная.»

И не пожалели командиры, что взяли Полину в корпус. Только в боях за освобождение Унечи она оказала первую помощь и вынесла из-под огня около ста раненых с оружием. В Новозыбкове ее тяжело ранило, думали — не сможет вернуться в строй. А Полина догнала корпус в Польше и участвовала в завершающих сражениях Великой Отечественной войны.

Мало кто (даже из ветеранов) знает о бессмертном подвиге комсомолки, 19-летней Галины Селетовой, добровольца из Шалинского района Свердловской области.

Самые отчаянные головушки из роты автоматчиков старшего лейтенанта Пурвинского и те называли курносенькую Галину «храбрым дьяволенком». Можно лишь поражаться тому, как маленькая Селетова, взвалив на плечи тяжелораненых бойцов, переносила их на северный берег реки Нугрь, подальше от огня. Чистой любовью, рожденной испытаниями боев, любили солдаты и командиры свою белокурую сестренку. И как они радовались, когда на Орловской земле Галю Селетову наградили медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды, когда она была принята в ряды партии.

В наступлении на Каменец-Подольский Селетова и другие санинструкторы рот были прикомандированы к медсанвзводу мотострелковой бригады. Взвод отстал от батальонов и рот. В местечке Чемировцы на него неожиданно наскочила прорывающаяся на запад немецкая колонна. Вражеские автоматчики окружили медиков. Схватка была неравной и жестокой. Силы сопротивляющихся медиков таяли, а Галина все отстреливалась, не подпуская гитлеровцев к раненым подругам. Когда же немцы подошли совсем близко, Галя Селетова предпочла смерть плену и издевательствам — последний патрон она выпустила в себя.

Они были в каждой роте, в каждом батальоне и полку, наши боевые сестренки!

Как не вспомнить санинструктора медицинского пункта тяжелого танкового полка Розу Ахтямову! Она мечтала быть учительницей, обучать детей в своей родной Башкирии. — война изменила ее планы, она стала спасительницей наших солдат и офицеров. Не думая о себе, она проникала в горящие танки, извлекала из смертельного огня раненых.

Ей подстать и доброволец из Челябинска, санинструктор батальона Тоня Зубкова (ныне бухгалтер Челябинского радиозавода Антонина Филипповна Кожевина). За бои под Орлом и Каменец-Подольском оказала помощь и эвакуировала с поля боя свыше 50 раненых. Ее храбрость была отмечена двумя орденами.

Вспоминая о подвигах наших сестреночек, хотелось бы еще назвать Анну Дульцеву, погибшую в Орловских боях, отважных санитарных инструкторов Женю Безгодову, Таню Тюлякову, Машу Галкину, Шуру Рычкову; санитарку и снайпера Марию Гайко; радисток-разведчиц Надю Кириллову и Раю Бабенко; неутомимых тружениц типографии Клаву Брызгалову, Милю Замараеву и Лену Бялкову, набравших газету «Доброволец» с первого до последнего номера.

ВЗАИМОДЕЙСТВУЯ, ПОБЕЖДАЛИ

Василий
Зыль

В 1923 году Василий Константинович Зыль добровольно ушел в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней. В мае 1944 года назначен командиром 299-го гвардейского минометного полка Уральского танкового корпуса, находился на этой должности до конца войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года Василию Константиновичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степени и семью медалями.

В 1955 году по болезни уволился в отставку. Живет в Москве.

Еще не утих бой во Львове, а 62-я Пермская танковая бригада уже устремилась на юго-запад, к Карпатам. С бригадой в составе передового отряда корпуса действовали наш минометный полк и дивизион «катюш».

Преодолевая сопротивление противника, отряд подошел к городу Самбору. Головная походная застава завязала бой. Дивизион Лапчука развернулся в боевой порядок и открыл огонь. Разведка боем показала, что оборона противника крепка.

— Придется пробиваться вот здесь! — показал комбриг полковник Денисов на местности.

Пятиминутный огневой налет минометного полка, залп дивизиона «катюш» по выявленной группе целей — и батальон автоматчиков бросился в атаку. Вместе с ротой танков сбили первую линию противотанковой обороны противника и овладели северо-восточной окраиной Самбора. Расширяя брешь, бригада и приданные ей части вступили в город. Лапчук и командиры батарей его дивизиона продвигались вместе с ротами автоматчиков. Минометчики подавляли огневые точки, уничтожали живую силу врага и прокладывали путь нашей пехоте и танкам.

Захвачены пленные. Установлено, что Самбор обороняют части 17-й пехотной дивизии противника. У них есть шестиствольные мино-

меты, противотанковая артиллерия, подразделения фаустников, самоходные орудия. По всему видно, что противник намерен упорно оборонять Самбор.

На наш командный пункт прибыл командир корпуса генерал Белов. Он сообщил, что главные силы корпуса, обойдя Самбор слева, идут на Дрогобыч. Приказывает выделить один дивизион полка в помощь 29-й мотострелковой бригаде.

Выделяю второй дивизион Коробова. С ним идет мой заместитель Сергей Иванович Бутырин.

Командир батареи Розенблум доложил, что танки батальона майора Нифонтова, преодолевая сопротивление противника, медленно продвигаются к центру города. Батарея меняет огневую позицию. Розенблум просит прислать мин. Приказываю немедленно доставить их на батарею.

День на исходе. Солнце на фоне огромной дымовой тучи как будто увеличилось и низко повисло над землей. Уставшие за день бойцы не дождутся темноты, а с ней — кратковременного отдыха. И действительно, ночью перестрелка немного стихла. Но бой не прекратился. Минометчики своим огнем прокладывали путь автоматчикам и танкам.

За ночь центр города был очищен от противника, а к исходу следующего дня Самбор был полностью освобожден.

В конце августа 1944 года минометный полк, переправившись через реку Сан, вел бой в районе города Санок. Еще не все части корпуса форсировали реку, а 4-я танковая армия получила приказ командующего 1-м Украинским фронтом: вывести части из боя, совершить трехсоткилометровый марш, переправиться через реку Вислу в районе Баранув и выйти на Сандомирский плацдарм.

Уральский корпус прибыл на Сандомирский плацдарм с задачей сменить находившиеся здесь части, которые отводились в тыл на отдых и переформирование после тяжелых боев.

Противник все время перебрасывал свежие дивизии с целью ликвидации плацдарма. Поэтому бои носили маневренный характер. Части корпуса выходили именно на тот участок, где противник намечал прорыв или вклинивался в нашу оборону. Наша задача состояла в том, чтобы, переходя в контратаки, расширять территорию плацдарма. Минометный полк своим огнем помогал выполнению этой боевой задачи.

В первых числах сентября поступил приказ: ночью передислоцироваться в новый район. На рекогносцировке, которая проводилась в двух километрах восточнее Богории, командир корпуса сообщил данные разведки: противник подтянул к этому населенному пункту свежие части пехоты, танки и артиллерию. Видимо, на этом участке гитлеровцы попытаются перейти в наступление. Генерал поставил задачу: 61-й Свердловской бригаде полковника Жукова с противотанковым артиллерийским полком полковника Шульженко и 299-м минометным полком быть готовыми к отражению атаки противника, а затем, перейдя в наступление, овладеть Богорией.

Перед рассветом заговорила артиллерия противника километрах в трех-четыре правее нашего участка. Вскоре послышался гул авиационных моторов. Следуют взрывы. Это группа бомбардировщиков противника сбросила смертоносный груз на передний край нашего участка обороны. Разрывы бомб явились сигналом. Заговорили сразу несколько батарей противника. Артналет длился не более пяти минут. Наша артиллерия не отвечала.

Появились танки, бронетранспортеры, на ходу ведут огонь. Разведчик Иванов, наблюдая в стереотрубу, докладывает:

— Пятнадцать танков, из них «тигров» пять. На танках десант.

За первым эшелоном следует второй. Много пехоты. Вся эта масса стремительно движется на наш участок, шириной по фронту около километра.

Вся местность в этой полосе поливается огнем из танковых и малокалиберных автоматических пушек, пулеметов и автоматов десантников.

Подпустив противника поближе к первой траншее, заговорила наша противотанковая артиллерия. Она вела огонь прямой наводкой.

По моей команде огонь открыл весь минометный полк. Из траншей на противника обрушился шквал пулеметного и автоматного огня.

Как ветром сдуло десант с танков и бронемашин. Некоторые танки подбиты. Четыре загорелись. Пылают несколько бронемашин. Часть танков и бронемашин из второго эшелона сворачивают влево. Они идут в обход, чтобы ударить по нашему правому флангу. А это как раз на руку нашим артиллеристам: истребителям танков всего лучше стрелять по бортам.

Минометные расчеты работают уверенно, расстреливая пехоту противника и поражая его технику. Метко ведут огонь батареи Чалого и Калашникова. Дивизион Лапчука справа. У него лучше укрыты огневые позиции и наблюдательные пункты батарей.

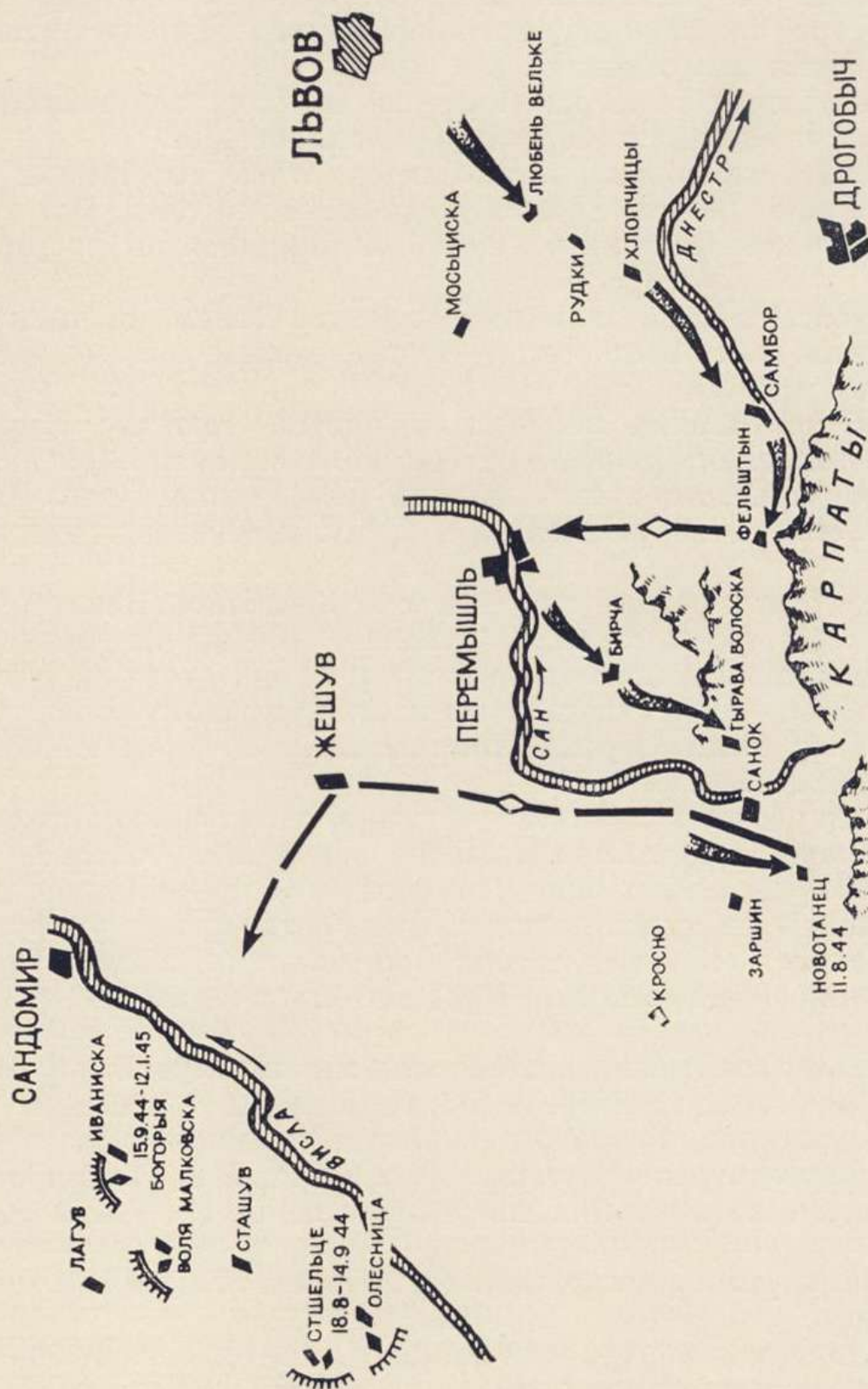
На мой вопрос: «Как ведет себя противник на вашем участке?» Лапчук ответил: «Идет умирать. Нахально прет по открытой местности».

Два «тигра» с десантниками атаковали минометную батарею Чалого. Шквальный огонь минометов обрушился на вражеские танки. Автоматчики противника горохом сыплются на землю, ползут вперед, к наблюдательному пункту батареи. Тогда Чалый вызывает огонь на себя, и вражеские автоматчики снова отброшены. Их танки тоже пятятся назад.

Четырнадцать раз бросался враг на батарею Чалого, но минометчики выстояли.

Вот тут и пошли в контратаку танкисты Свердловской бригады и, разгромив противника, с ходу овладели Богорией.

В середине сентября второй дивизион нашего полка оборонял подступы к населенному пункту Деятин. Наблюдательный пункт батареи Калашникова находился на одной из командных высот восточнее Деятина.

Бои в Прикарпатье и на Сандомирском плацдарме

К вечеру противник, решив овладеть этой высотой, произвел огневой налет, а затем силами до батальона пехоты атаковал ее.

Искусно управляя огнем своей батареи, Калашников расстреливал атакующие группы гитлеровцев. А когда одна из рот противника вышла на высоту, отважный офицер вызвал огонь всего дивизиона по занимаемой его наблюдательным пунктом высоте, рискуя при этом жизнью. Противник откатился на исходные позиции, оставив на поле боя около двухсот убитых. За решительные действия лейтенант Калашников был награжден орденом Красного Знамени.

Казалось, что жестоким схваткам на плацдарме не будет конца. Но вот в последних числах сентября атаки противника ослабли и к началу октября прекратились. Силы противника иссякли настолько, что ему пришлось отказаться от попыток ликвидировать плацдарм.

Уверившись, что освобождение пришло навсегда, поляки приступили к озимому севу. Некоторые солдаты и сержанты, в прошлом хлеборобы, в свободное от занятий время помогали жителям обрабатывать землю, сеять озимую пшеницу, собирать картофель.

Дружная, отлично слаженная семья солдат, сержантов и офицеров 299-го минометного полка с честью выполнила наказ уральцев. Полк был награжден пятью боевыми орденами.

НАША ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Трудящиеся родного края, которые благословили вас на ратные подвиги, повседневно проявляют заботу о нуждах семей добровольцев.

Только по указаниям обкома они получили единовременное пособие в сумме 1 миллиона 108 тысяч рублей, а семьи погибших воинов и инвалидов — 113 тысяч рублей.

Помощь оказывается самая разнообразная.

80 тысяч рублей израсходовано областным отделом народного образования на содержание детей в яслях и садах. Во время летней оздоровительной кампании 1944 года почти все дети наших гвардейцев побывали в лагерях, санаториях.

Одновременно проводится оздоровительная работа среди ваших семей и раненых гвардейцев после излечения их в госпиталях. Ряд товарищей направлены на курорты, в дома отдыха.

Отделы гособеспечения семей военнослужащих городов и районов, низовые парторганизации много сделали, чтобы в этом году не было семьи добровольца, которая не засеяла бы огород.

Бюро обкома ВКП(б) вынесло специальное решение по подготовке к зиме. Обращается особое внимание на заготовку и доставку топлива, кормов для скота, сохранение овощей на зиму, на обеспечение детей фронтовиков теплой одеждой, обувью.

Заканчивая свое письмо, через вашу газету «Доброволец» я хочу вам пожелать скорой победы.

А мы в глубоком тылу проявим еще больше заботы и внимания к вашим семьям.

Инструктор военного отдела обкома ВКП(б) А. БАРАНОВ («Доброволец», 21 октября 1944 г.)

В боях смертью героя пал гвардеец Агафонов. Его сын, узнав об этом, прислал письмо бойцам, сержантам и офицерам подразделения гвардии старшего лейтенанта Шварцмана. Он пишет:

— Дорогие бойцы! Отомстите немцу за смерть моего отца, за слезы и горе наше. Я еще молод и не в силах держать в руках оружие, но я буду помогать вам бить врага своим трудом. Я работаю на заводе. С каж-

дым днем делаю больше боеприпасов для фронта. Дорогие гвардейцы, скорее добейте проклятого фашистского зверя в его берлоге.

Это письмо прочитали все наши гвардейцы. И они ответили мальчику:

— Клянемся отомстить немцу за смерть твоего отца, за все злодеяния.

Гвардии рядовой КАЛИНИЧЕНКО
(«Доброволец», 7 ноября 1944 г.)

ИМЕНА ЛЮБИМЫХ

Больше двух недель прошло, как добровольцы получили последнюю партию новых танков, боеприпасы, горючее. Каждую ночь ждали: «На рассвете пойдем». И опять обманывались. Истомились от ожидания.

В большую землянку, где раздавался сильный шум, зашел замполит батальона майор Алексей Александрович Денисов. Он увидел сбившихся посередине споривших танкистов.

— Я говорю: надо писать! — кому-то горячо доказывал механик-водитель гвардии старший сержант Юдаков. — Я в прошлых боях написал на лобовой броне «Лида». Мне она помогла, а тебе что, мешала?..

Тут Денисов отошел от двери. Юдаков увидел его.

— Скажите им, товарищ гвардии майор. Можно назвать танк «Сашей Марченко» или «Истребителем?»

— Хорошо бы написать на машинах «Кавказ» или «Псху Али», — сказал командир танка гвардии младший лейтенант Туманян. К нему присоединились ветераны бригады, которые помнили командира взвода, храброго черкеса, весельчака Псху Али, погибшего в Орловских боях.

Гвардии младший лейтенант Лигочкий спросил:

— У меня есть любимая девушка. Верой зовут. Хотелось бы, чтобы она повсюду была со мной. Могу я написать ее имя на стволе орудия?

Денисов понимал — это не прихоть, а сокровенные мысли. Надо поддержать. Надо, чтобы все еще сильнее ощутили тепло уз, которые связывают танкистов с родными, находящимися далеко от них.

— Ладно придумали, товарищи. Хорошо идти в бой с именами любимых, с именами Саши Марченко, Псху Али. Где кто хочет, там пусть и пишет: на стволе, на башне, на борту или лобовой броне. И сами решайте, что написать.

В ту морозную ночь в землянках на Сандомирском плацдарме долго не спали. Разговоры продолжались и утром, и в часы осмотра машин. К середине дня решения были окончательно приняты, и танкисты осадил низенького, худощавого Тарасова, батальонного художника.

Стреляющий гвардии сержант Лежнев настаивал:

— Раз вы выбрали «Уралец», то разрисуй мой танк первым. И танк с Урала, и мы оттудова.

Тарасов нашел в своих запасах ломкие сверкающие плитки столяр-

ного клея, разогрел его, размешал в одной банке с красной, в другой — с голубой краской. Ловко пристраивался на танках и быстро надписывал на броне: «Уралец», «За Родину», «Саша Марченко», «Псху Али».

Когда очередь дошла до танка механика-водителя Ивана Веремеева и Тарасов вывел на башне слово «Непобедимый», Веремеев дотронулся рукой до ствола:

— Теперь здесь пиши: «Смерть фашистам за родных Галочки». Пиши строго — мне закорючек не надо.

Тарасов и не подумал отказаться, хотя работы у него было по горло. Все в батальоне знали, как трогательно заботится тридцатисемилетний Иван Никитович Веремеев о сиротке, которую он никогда не видел, но которая носила его фамилию и отчество. У Ивана Никитовича фашисты убили отца. И у Галочки убили отца и мать. Было девочке около года, когда жена Веремеева взяла ее к себе.

К вечеру на крышках люков, на пушечных стволах, на лобовой и бортовой броне запестрели имена любимых детей, жен, девушек и погибших фронтовых друзей.

На следующее утро, 12 января, артиллерийская канонада возвестила о начале наступления. Оно было безостановочным до самой реки Одер. И все кипящие боями полтысячи километров гвардейцы, шедшие с именами любимых на броне, показывали чудеса героизма и доблести.

* * *

Когда наши войска вступили на территорию Германии, танк «Истребитель» механика гвардии старшего сержанта Юдакова первым влетел в немецкую деревню, навязал маневренный бой многочисленному врагу. К моменту появления других машин роты «Истребитель» уничтожил два танка, две самоходки, пять бронетранспортеров.

— Орел механик! — не мог нахвалиться Юдаковым командир роты. — Танк ведет, будто легковую машину, не услышите, когда скорости переключает.

Не только отличным механиком, но и умелым парторгом роты проявил себя Юдаков в тех сражениях.

Был ожесточенный бой. Снаряд угодил в танк командира взвода Кононенко. Юдаков из своей машины заметил, что командирский танк остановился на открытом месте. «Что-то случилось», — подумал Юдаков и, несмотря на сильный вражеский огонь, кинулся на выручку. В машине лежал тяжело раненный Кононенко. Молодые танкисты побоялись принять самостоятельное решение. Крепким словом подбодрил их Юдаков, сел за рычаги и показал, что дружному экипажу никто не страшен.

Прославил имя добровольцев и гвардии сержант Лежнев из танка «Уралец». Когда выбыл из строя командир, его заменил стреляющий Лежнев.

У Одера Лежнева ранило. Ротный велел ему уехать в госпиталь — отказался.

— Рана пустячная. Не уйду. Не время.

И не ушел. И воевал еще восемь дней и ночей, пока смерть не вырвала его из боя.

Танки с именами любимых форсировали Одер и Нейсе, брали Берлин и освобождали от фашистов Прагу. Немало танкистов выбыли из строя, как Лежнев. Уже давно те танки переплавлены в мартенах и добротный металл служит миру. Но боевые «тридцатьчетверки» остаются перед взором со своими грозными и нежными надписями, с именами любимых. Остаются как предупреждение врагам, как символ верности уральцев своему народу, своей земле!

(Газета «На смену!», 8 сентября 1963 г.)

★★★

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

12 января 1945 года 1-й Украинский фронт пошел в новое наступление.

Фашистское командование создало за Вислой глубоко эшелонированную оборону, стянуло резервы из глубины Германии.

К середине дня 12 января вслед за стрелковыми дивизиями передовой отряд корпуса — Челябинская танковая бригада с двумя ротами 72-го тяжелого танкового полка, двумя батареями 1689-го легкого артиллерийского полка и саперной ротой 131-го отдельного саперного батальона, обгоняя боевые порядки пехоты, вошел в соприкосновение с противником, завязал танковый бой. При содействии Свердловской бригады, следовавшей за передовым отрядом, противник был сломлен и отброшен.

Продолжая наступать, Свердловская бригада своим передовым отрядом, 2-м танковым батальоном, достигла местечка Лисув.

Двенадцать танковых атак отбили в течение 13 января свердловские танкисты. В этом бою погиб командир бригады гвардии полковник Николай Григорьевич Жуков.

Командование Свердловской бригадой принял начальник штаба бригады гвардии подполковник Василий Иванович Зайцев.

Несмотря на многочисленные контратаки противника, подбрасывавшего резервы из оперативной глубины, части корпуса продолжали продвигаться вперед. Днем 14 января танковый взвод младшего лейтенанта П. Цыганова, действовавший в головном дозоре челябинцев, форсировал реку Чарна Нида и ворвался в город Хенцины.

Пермская танковая бригада форсировала реку Чарна Нида в районе Моравицы и содействовала освобождению крупного польского города Кельцы.

В приказе Верховного Главнокомандующего корпусу была объявлена благодарность. Пермская бригада получила наименование Келецкой.

Челябинская бригада к 18 января вышла в район города Петроков. В этот же день город был освобожден. Челябинской бригаде было присвоено наименование Петроковской.

Главные силы корпуса достигли рубежа Парадиз-Скотники и соединились с частями 1-го Белорусского фронта. Кольцо окружения Кельце-Радомской группировки противника замкнулось.

Свердловская бригада стремительным броском вышла к реке Варта в районе города Бурзенин и овладела им. Дерзкий захват минированного моста через реку Варту и овладение городом Бурзенином рассматривается ныне военными теоретиками как образец высокого тактического искусства и боевого мастерства советских танкистов при форсировании водных преград. В тот же день, 20 января, главные силы корпуса овладели городом Злочев.

Танковые бригады, сменяя друг друга, поочередно выдвигались в передовой отряд и обеспечивали высокий темп продвижения корпуса.

24 января передовой батальон Пермской бригады во главе с комбатом гвардии майором Шотиным вышел к реке Одер в районе города Штейнау (Сьцинава). В этот же день все части корпуса вышли к Одру.

За 13 дней корпус прошел свыше 500 километров, освободив на территории Польши около 300 городов и деревень, форсировал с боями реки Нида, Чарна Нида, Пилица, Варта.

Миша Победа. Так звали уральцы-добровольцы командира взвода Свердловской танковой бригады Михаила Валентиновича Побединского. В дни Сталинградской битвы он отстаивал свой родной город на Волге. Был тяжело ранен, лечился в госпитале. Затем закончил танковое училище и стал командиром танка, а вскоре — командиром взвода разведки. На фронте молодой офицер был принят в ряды партии. Награжден тремя орденами и многими медалями. После тяжелого ранения в голову Михаил Валентинович перенес три сложнейшие операции. Но ничто не могло сломить мужества коммуниста Побединского. Он и сегодня в трудовом строю.

Почти 27 лет минуло со дня великой Победы, а жестокий бой за польское местечко Лисув властно встает в моей памяти.

После того, как 12 января 1945 года Свердловская бригада была введена в прорыв, мой взвод разведки шел в головной походной заставе. Ночью мы обнаружили двигавшуюся с запада к месту прорыва наших войск колонну фашистских танков. Свернув с шоссе в хуторок и насчитав более семидесяти «тигров» и «пантер», мы зажгли в оптических прицелах лампочки освещения шкалы для ночной стрельбы, установили прицелы на прямой выстрел. Но открывать огня не пришлось. Предупрежденный по радио командир Свердловской танковой бригады, гвардии полковник Николай Григорьевич Жуков (он находился в боевых порядках передового батальона) приказал пропустить немецкие танки и сообщил об их движении командованию корпуса.

На рассвете взвод на повышенных скоростях влетел в Лисув.

Головной танк миновал лощину, оставил позади себя белокаменный костел на холме и дома в центре города, когда я и заместитель командира батальона, гвардии старший лейтенант Владимир Марков (мы с ним сидели на лобовой броне), увидели колонну немецких автомашин с пушками на прицепах. На обочине дороги сидели и грелись у костров немецкие солдаты. Шум машин не вывел немцев из дре-

мотного состояния. Они, наверно, подумали, что это отступают их танки.

Длинная очередь из автомата расшевелила немцев. Двое упали, остальные рассыпались по домам. По приказу Маркова я кинулся с группой автоматчиков выбивать вражеских солдат из укрытий. Тем временем головной танк, а также танки лейтенанта Федора Онищенко и младшего лейтенанта Маринина врезались в немецкую автоколонну на шоссе. Следом помчались машины взводов Владимира Торопчина и Александра Кузнецова. Автоколонна была полностью разгромлена. Уцелевшие немцы бежали.

Лисув оказался в наших руках.

Минут тридцать было тихо, а потом немцы открыли ураганный минометно-артиллерийский обстрел. Белым холодным пламенем, напоминающим электросварку, взметнулись взрывы. Начались пожары. Мы слышали пронзительный плач детей, испуганные крики женщин. Вдруг раздался предостерегающий возглас:

— Внимание, немецкие танки!

«Тигры» и «пантеры», прошедшие ночью мимо нас на восток, не выдержали встречного боя с ядром Уральского корпуса и спешно оттягивались к Лисуву. Сперва появились на гребне восточного холма «тигры» и, направив в нашу сторону длинные суставчатые стволы 88-миллиметровых пушек с «набалдашниками», как мы называли их дульные тормоза-пламягасители, неуклюже поползли на нас, переваливаясь с боку на бок, как огромнейшие черепахи. Некоторые стреляли с коротких остановок.

Семнадцать «тигров» атаковали наш левый фланг, где находились машины моего взвода и танки Кузнецова, Абузгалиева и Лабуза.

Марков побежал доложить обстановку полковнику Жукову.

— От Лисува — ни шага! — приказал комбриг. — Отвечаешь за левый фланг. Я остаюсь на правом.

Возвращаясь к нам, Марков думал, как расставить шесть танков, чтобы нанести наибольший урон немцам, сохранить своих людей и машины. На кладбище, за каменной стеной костела, он поставил мои танки и танк Абузгалиева, а танки Кузнецова и Лабуза — на возвышенность.

Вслед за «тиграми» двигались бронетранспортеры с автоматчиками. Они прыгали с машин, рассыпаясь в цепи.

Марков приказал до последней возможности не обнаруживать себя. Если прорвутся автоматчики, командиры, механики, стрелки-радисты снимут танковые пулеметы и вместе с десантниками автоматным, пулеметным огнем и гранатами будут отбивать атаки пехоты. Стреляющие и заряжающие останутся в машинах.

— Бить в уязвимые места — по бортам, по кормам!

Два «тигра», спустившись с высоты, направились к противоположному от них холму, на вершине которого за горящим домом притаился танк младшего лейтенанта Лабуза. Сто метров осталось до переднего «тигра», когда Марков вскочил на броню «тридцатьчетверки» и крикнул в раскрытый люк стреляющему Анатолию Борзенкову:

— Самый раз. Подставил борт. Огонь!

Радист-стрелок Саша Вострецов вовремя сменил раненого заряжающего. Снаряд уже был подан. Коротко лязгнул клин затвора пушки.

Борзенков прицелился, нажал на спуск и сам не поверил глазам своим: он попал в ствол орудия, в дульный тормоз «тигра».

Спустя минуту я услышал в наушниках шлемофона ликующий голос лейтенанта Абузгалиева:

— Я — «бронза», я — «бронза». Я «тигра» сжег!

Между тем восемь «тигров» охватывали подковой машины моего взвода. Стреляющий Тихон Агафонов, известный танковый снайпер, прильнув к окуляру прицела, кричал, будто враг мог его услышать: «Ух, гад! Пальнул из своей дурилы... Ага! Не видишь меня, подставляешь бок — сейчас врежу!»

Снаряд Тихона попал в цель. «Тигр» дернулся, бессильно уронил ствол книзу, уткнув свой «набалдашник» в запорошенную снежком землю. Из-под башни взвилось сине-белое пламя.

Но броневые звери с черно-белыми крестами на лбах и башнях не переставали ползти к нам. Как ни закален был в сражениях Тихон Агафонов, и тот нервничал в эти минуты. Я вижу потную шею, напряженную спину. Что же говорить о Володе Анфалове — безусом юнце, который в этот день впервые участвует в танковом бою и только что еле спасся из танка своего командира Трофимова, подожженного вражеским снарядом. После того, как Володя выскочил, как шалый, из огня с опаленным лицом и осмоленными волосами, с руками в волдырях, я попросил его заменить моего контуженного стреляющего, и он поступил согласно неписаному закону танкистов: мог пойти к санитарам, имел все основания, а пошел в мой экипаж и продолжал воевать...

Со звоном бьет наша пушка. Высовываюсь из люка башни. Стальная громада «тигра» вертится на одном месте — с правой его стороны, гремя, сползает на землю широкая гусеничная лента.

Оставив после первой атаки более десятка искалеченных и сожженных танков, гитлеровцы попятились, отплевываясь орудийным огнем. Немецкая пехота откатывалась на запад. На посеревшем снегу темнело множество убитых врагов.

Потери были и у нас. Болванка пробила башню танка младшего лейтенанта Маринина, убила его и тяжело ранила заряжающего. Прямым попаданием снаряда были убиты перебежавшие пустырь начальник связи батальона старший лейтенант Георгий Нерославский и исполняющий обязанности старшего адъютанта штаба батальона лейтенант Василий Чекиров.

Гибель двух моих близких друзей и тяжелое ранение боевого товарища Володи Торопчина потрясли меня...

Короткая, как вздох, передышка, и немцы возобновляют артиллерийский и минометный обстрел. На сей раз он гуще, пожары множатся по всему городку, и каленый воздух растапливает остатки снега.

Стою в своей башне, вижу восточную окраину, большой с выбитыми окнами дом, куда снесли наших раненых танкистов и автоматчиков. Над домом трепещет флаг с ярко-красным крестом посередине. И тут на моих глазах немецкая мина крупного калибра пробивает крышу, рвет все внутри. Белый флаг как будто взлетел, чтобы тут же рухнуть в огонь. И казался он мне в этот миг белым голубем, взметнувшимся в последний раз к небу, а красный крест на полотнище — кровавой раной на белом оперении.

— Внимание, танки! — опять кричат наблюдатели.

«Тигры» и «пантеры» движутся осторожно, медленно поводя длинными стволами по сторонам, делая частые остановки и изрыгая из жерл пламя. За ними ползут бронетранспортеры, ведя огонь из крупнокалиберных пулеметов и малокалиберных пушек. Над нами — зеленые и желтые струи трассирующих пуль. Разрывные пули ударяются о заборы и стены домов с трескучим хлопком, и тогда мерещится, что кто-то, зайдя с тыла, обстреливает тебя с коротких дистанций.

Расстояние от немцев до нас — метров шестьсот, и оно неумолимо быстро сокращается. Стреляющие будто оцепенели у прицелов. Заряжающие с распаленными лицами едва успевают открывать затворы пушек, посылать в казенную часть стволов длинные и тяжелые латунные цилиндры снарядов. Лязгают клинья затворов. Стонут орудия. И опять — звон пустой гильзы в брезентовом гильзоуловителе. Едкий дым от собственных выстрелов, от пожаров, охвативших весь Лисув, заполняет танк, лезет нам в рот, в ноздри, вызывая кашель и удушье. Башенные вентиляторы надрывно жужжат, они не в состоянии очистить машины от газов и дыма. Закрыть бы люки... Нельзя! Если прервать наблюдение хотя бы на минуту, немецкие танки зайдут нам в тыл, и тогда...

Часто приходится менять позиции, отходить от горящих построек. Выхожу, показываю механику Жоре Уханову, куда лучше податься со двора, и вижу мчащуюся на меня «пантеру». Впрыгиваю в люк. Агафонов сидит на своем стульчике за прицелом, свесив руки и голову, — он угорел, его душит рвота.

Сталкиваю его со стульчика на днище башни, сажусь к прицелу, но едва устанавливаю перекрестие из двух смещающихся линий, как «пантера» пронесется мимо. Поворачиваю башню влево. В прицеле вижу ныряющий, круто обрубленный зад «пантеры». Она мчится по могильным холмикам кладбища, сокрушая кресты, надгробия, ограды могил. Еще немного, и она скроется из поля зрения. В перекрестие попадает ее подпрыгивающий черно-белый крест. Нажимаю педаль ножного спуска, и «пантера», клюнув стволом в могильный холмик, окутывается дымом.

Тут же, как бы на смену «пантере», появляется «тигр». Он идет напролом, оторвавшись от следующих за ним машин.

Последним подкалиберным снарядом Саша Кузнецов метко поразил нахала.

Атаки... атаки... Мы потеряли им счет!

Во время одной из них фашистская болванка угодила в «тридцать-четверку» комбрига, прямо в боекомплект. До нас донесся как будто сдвоенный взрыв. На глазах у гвардейцев погиб наш любимый командир полковник Жуков, строгий и душевный, как родной отец. Этого, казалось, никто не выдержит.

На правом фланге произошло замешательство среди танкистов другого батальона нашей бригады, у некоторых сдали нервы, и немцы получили возможность еще с одной стороны, на этот раз с тыла, наступать на группу Владимира Маркова. Все машины, которые у него остались, он собрал к кладбищу и сказал нам просто и честно:

— Возможно, живыми мы отсюда не выйдем — прощаемся.

Он расцеловался со мной, с Кузнецовым, Абузгалиевым, с каждым из танкистов. Мы решили погибнуть, но не отдавать Лисув гитлеровцам.

И не отдали! Отбили двенадцать страшных танковых атак, поджигая «тигры» и «пантеры» до тех пор, пока не стало темнеть.

Вечерние сумерки напоздали на полуразрушенный городок, окутывая его, словно траурным крепом. В хмуром небе затеплились первые робкие звездочки. Неужто ночь? Неужто выстояли с предрассветного часа в этом аду?..

Пошатываясь, сходились в круг. На рубчатый автомобильный скат присел Володя Марков. Бледный, с запекшейся на лице кровью, в порванном, прожженном в нескольких местах комбинезоне, он выглядел измотанным до предела, а глаза меж тем светились лаской к нам, гордостью за своих танкистов. А мы?.. Чешуйчатым налетом спеклись наши губы. Некоторые припадали к земле, сгребали грязь со снега, судорожно глотали его.

Огонь пожарищ сник. Слабый сырой ветерок пытался его оживить, и время от времени в горах золы обнажались мерцающие глаза — угли.

Сидели тесной кучкой и молчали, оглушенные, отравленные пороховыми газами, измотанные. Одни жадно затягивались табачным дымом, другие, свесив головы, дремали.

Из ограды костела вышел сереброголовый ксендз Ян Банах. Он, оказалось, наблюдал из костела, как мы бились с рассвета дотемна с танками немцев. Он вошел в наш молчаливый круг, бережно обнял перевязанную окровавленную голову Толи Борзенкова и прошептал, как молитву:

— Вшистко видзев... вшистко...

Много видел на своем веку старый ксендз, но и предполагать не мог, что есть на свете такие люди, как советские танкисты.

А когда совсем стемнело, мы слышали гул дизелей, звонкий говор гусениц, увидели бесконечную вереницу фар, приближающихся к нам с востока. Это подошла танковая громада Уральского корпуса.

Ликующие, воспрянувшие духом, встречали мы друзей.

*Звезда
героев*

ОСВОБОЖДАЯ ПОЛЬШУ

Главной задачей 1-го Украинского фронта в январском наступлении 1945 года было уничтожение Кельце-Радомской группировки фашистских войск. В выполнение этой задачи блестящий вклад внесли гвардейцы Пермской танковой бригады под командованием гвардии полковника Денисова. В боях у переправы через Чарна Нида и при взятии города Моравица пермские танкисты сражались бесстрашно и сломили упорное сопротивление гитлеровцев.

Богатырскую храбрость проявили здесь первые Герои Советского Союза в Пермской бригаде механик-водитель «тридцатьчетверки» гвардии старшина Николай Алексеевич Бредихин, бывший шахтер, доброволец, командир отделения бронетранспортеров взвода разведки гвардии старшина Иван Яковлевич Никонов, командир танкового взвода гвардии младший лейтенант Николай Александрович Козлов.

16 января отделение Ивана Никонова прорвалось к переправе через Чарна Нида и вело разведку боем до следующего дня. Противнику удалось окружить смельчаков. Никонов, забравшись с бойцами отделения в немецкий «тигр», отбивал яростные атаки до подхода бригады. Разведчики уничтожили в неравной схватке больше ста гитлеровцев.

Как только появились головные танки, «тридцатьчетверка», ведомая Николаем Бредихиным, первой влетела на переправу. По ней вели огонь «тигры», «пантеры», «фердинанды», но их снаряды не коснулись «тридцатьчетверки», которая маневрировала с невероятной быстротой. Она была неуязвима. У Чарна Нида ее экипаж вывел из строя 5 «тигров» и «пантер», одну самоходку «фердинанд», 2 бронетранспортера и 21 автомашину.

А взвод Николая Козлова! Против трех «тридцатьчетверок» пошли в контратаку около пятидесяти немецких танков и много пехоты. Казалось, не остановить такую силу! А наши уральские танки, наши добровольцы вышли победителями. Контратака была отражена. Взвод Козлова уничтожил семь танков, две самоходки, четыре бронетранспортера и до трехсот гитлеровцев.

На другом участке реку Чарна Нида форсировала Челябинская танковая бригада. Она разгромила многочисленный гарнизон противника в городе Хенцины. Первым ворвался в город 14 января взвод комсомольца гвардии младшего лейтенанта Петра Ивановича Цыганова, удостоенного звания Героя Советского Союза. Головной танк Цыганова протаранил три баррикады на улицах города, бесстрашно

Н. А. Бредихин

И. Я. Никонов

Н. А. Козлов

П. И. Цыганов

пошел навстречу двум «королевским тиграм» и одного поджег. Но снаряд второго попал в танк Цыганова. Потушить начавшийся пожар не удалось, и экипаж, покинув машину, вступил в бой с вражеской пехотой по другую сторону баррикады. Отрезанные от своих танков, бойцы во главе с раненым Цыгановым выдержали невероятно тяжелую схватку, пока на выручку не поспел протаранивший дом танк гвардии младшего лейтенанта Бирюкова.

КОММУНИСТЫ ВПЕРЕДИ

Сергей
Денисов

Приняв Пермскую добровольческую танковую бригаду в Орловской операции, член КПСС с 1929 года, гвардии полковник Сергей Алексеевич Денисов командовал ею до начала наступления на Берлин.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Приказ требовал: перерезать железную и шоссейную дороги Брянск — Орел. Кому доверить нанести главный удар?

Меня только что назначили командиром, но я в начале боев был начальником штаба бригады и, конечно, хорошо знал, что больше половины ее состава — коммунисты и комсомольцы, что наиболее высокая партийная и комсомольская прослойка в танковом батальоне капитана Андреева.

— У Андреева почти все коммунисты и комсомольцы. Они пойдут впереди, хорошо справятся, — уверял меня начальник политотдела бригады, и его предложение было принято.

В авангарде батальона шла рота коммуниста лейтенанта Бойко. Она первой преодолела топь, а когда остальные подразделения, пройдя по ее следам, стали утюжить окопы противника, подавлять их артиллерийские и минометные батареи, рота Бойко завершила разгром опорного пункта.

С. М. Куранов

В. К. Колупаев

Бой разгорался. Противник попытался укрыться в лощине. И тут на него налетел с фланга батальон капитана Чижова. Приказ был выполнен, железная и шоссейная дороги Брянск — Орел перерезаны.

Под Каменец-Подольском, в районе местечка Езержаны, танкисты столкнулись с крупными силами противника. Имея численное превосходство, гитлеровцы перешли в контратаку и оттеснили наши части к лесу. Мы заняли круговую оборону. Вечером собрали общебригадный митинг. Решили драться до последнего патрона.

Преклонив колени перед гвардейским знаменем и знаменем трудящихся Пермской области, танкисты повторили слова добровольческой клятвы.

Атаки гитлеровцев начались утром. Мы отразили одну, другую, третью, нанеся врагу большие потери. Но вот кончились у нас снаряды, и немцы бросились к лесу. Еще несколько минут, и они зацепятся за опушку, опрокинут нашу оборону. И тут бойцы увидели поднявшегося во весь рост с автоматом в руке помощника начальника политотдела бригады по комсомолу, любимца бойцов Льва Шатрова.

— Коммунисты, комсомольцы, за мной! — зазвенел его голос, и он побежал не оглядываясь, уверенный, что за ним поднимутся автоматчики. И они поднялись, кинулись на врага, опять заставили его отступить.

Двадцать атак предприняли гитлеровцы, стремясь пройти позиции бригады, закрывавшие спасительный для них коридор. И опять в опаснейший момент боя бесстрашие и находчивость проявил доброволец,

бывший секретарь Пермского обкома комсомола гвардии старший лейтенант Шатров. Он и гвардии капитан Агабеков захватили вражескую пушку и открыли из нее губительный огонь по атакующим. Танкисты воспользовались замешательством противника, смяли его на флангах и прорвали кольцо. А последний бой Льва Васильевича Шатрова был на реке Чарна Нида.

Гитлеровцы отчаянно контратаковали, чтобы спасти от разгрома свою Кельце-Радомскую группировку. На глазах у Шатрова вражеским снарядам были убиты и ранены все бойцы одного артиллерийского расчета. Шатров встал у пушки. Когда у него кончились снаряды, он принялся корректировать стрельбу наших танкистов. И тут его поразил враг.

Мужественно и гордо умирали коммунисты, когда наступал их смертный час.

Будучи смертельно ранен в боях за Львов, не в силах произнести ни слова, заместитель командира нашей бригады старый коммунист и бывалый воин гвардии подполковник С. М. Куранов написал на клочке бумаги: «Перед лицом долга... Перед живой жизнью я презирал и презираю смерть... Прощай, Родина».

Там же, во Львовской операции, пал смертью храбрых командир батальона В. К. Колупаев. Ветераны корпуса никогда не забудут этих славных товарищей, истинных героев советского народа.

Партийно-политическая работа в бригаде, как и во всех частях корпуса, не прерывалась ни на час. Всегда выпускались «боевые листки» и «молнии». Члены редколлегии передавали их от танка к танку, от окопа к окопу, и заметки о совершенных только что подвигах воодушевляли бойцов. Агитаторы информировали гвардейцев о событиях на фронте и в тылу, особенно на родном Урале. Отличившимся бойцам и офицерам мы вручали поздравительные письма. Такие же письма отправляли нашим раненым бойцам в госпитали. Когда же наступало затишье, партийно-политическая работа принимала более глубокие и разносторонние формы.

Вспоминается собрание партийного актива бригады после освобождения Львова. В своем докладе об авангардной роли коммунистов я поставил в пример кандидатов в члены партии гвардии лейтенанта Кононца, гвардии старшего сержанта Курбатова, коммунистов батальона автоматчиков под командованием члена партии гвардии капитана Лысака, отличившихся в уличных боях за Львов. Потом выступили комбат, гвардии майор Шотин, гвардии старшина Ляшенко — прекрасный водитель, на счету которого были 3200 проведенных в танке часов, комсорг подразделения гвардии лейтенант Кальянов и мой верный товарищ по фронту начальник политотдела бригады гвардии подполковник Елуферьев. Он рассказывал о гвардейцах, вступивших в партию в ожесточенных сражениях и с честью несущих высокое имя ленинцев.

Наступили последние месяцы войны, и снова примером для всего личного состава бригады служили правофланговые — коммунисты и комсомолы.

Нашей танковой бригаде было приказано захватить мост через Одер на шоссе Винциг—Штейнау. Мы не знали: заминирован ли мост, а овладеть им нужно было немедленно.

— На тот берег!

Гвардейцы оказались отрезанными от бригады. За первые четыре часа на них налетели и сбросили бомбы свыше двухсот самолетов. Ключок земли был перепахан вражескими снарядами и минами, а горсточка гвардейцев, в своем большинстве коммунистов и комсомольцев, дралась так, будто их было не пять экипажей, а пятьдесят.

Группа пермских танкистов своими действиями на плацдарме помогла другим частям уральцев незаметно сосредоточиться у Одера южнее взорванного моста и форсировать реку.

ТРИ СТРАНИЦЫ ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК

Иван
Чепурышкин

Москвич Иван Петрович Чепурышкин, конструктор завода, эвакуированного в начале войны на Урал, был одним из первых добровольцев Свердловской танковой бригады.

Его подвиги в боях отмечены двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 3-й степени, тремя медалями.

После войны продолжает трудиться на родном заводе конструктором. За творческие успехи в конструировании сложных аппаратов Иван Петрович Чепурышкин награжден орденом Ленина.

На третий день наступления, уже западнее Лисува, начальник разведки нашей бригады майор Рязанцев приказал мне ехать на транспортере с отделением Герасима Фомина в головном дозоре из двух танков.

После городка Хенцины нас предупредили, что впереди наших частей уже нет. К головному дозору присоединился третий танк. Поэтому мы на своей незаметной лягушке — низеньком гусеничном бронетранспортере — не боялись встречи с противником, однако, смотрели в оба.

Перед самым Пекошувом, когда мы выбирались из овражка, в который завела полевая дорога, у нашего бронетранспортера заклинило гусеницу. Очень кстати из соседнего леса появились с топорами поляки: они нам помогли быстро устранить неисправность.

Началась четвертая ночь с тех пор, как мы покинули Сандомирский плацдарм. Никто из нас еще не сомкнул глаз, да и кухни мы не видели уже третьи сутки. Думали, что теперь наконец удастся отдохнуть, поесть, но догнавший нас майор Рязанцев велел найти в Пекошуве второй танковый батальон и после ночного марша вместе с ним занять большое село Промник.

Я должен был вернуться в свое отделение, но Фомин попросил офицера, чтобы я остался с ним. Рязанцев согласился. Мне было лестно, что мне доверяют вести колонну по заданному маршруту.

Выехав на окраину, мы разместились в доме учителя-поляка. От него узнали, что поле перед Промником ровное, оврагов нет. Об этом мы с Фоминым доложили комбату майору Никонову, когда он вызвал нас к себе и предложил нам самим выбрать маршрут.

— По полю безопасней для нас и внезапней для немцев, — сказали мы. — Да и выскочим точно к центру Промника.

Гвардии старший лейтенант Марков, которому было поручено с ротой танков осуществить захват этого большого села, поддержал нас. Комбат предупредил только:

— Смотрите, проводники, как бы не заблудились ночью.

С Марковым мы договорились, что танки будут следовать за нашим бронетранспортером, а я, когда надо будет, стану сигналить водителям раскрытым в их сторону фонариком.

С Фоминым опять изучили карту, наметили азимуты для моего трофейного компаса — ведь в темноте никаких ориентиров мы уже не увидим.

Поехали.

В нашем транспорте — Фомин, я, Андросюк, Скляр, Гасилов и водитель Гудков. За нами — семь танков со взводом автоматчиков на броне.

Гляжу на компас, и... растерялся — стрелка хаотически носится в разные стороны. Неужели компас испортился? Но тут же понял: ведь это стальные стенки транспорта экранируют магнитное поле земли! Пришлось время от времени выбегать вперед и уточнять направление.

К Промнику мы подъехали с удивительной точностью — прямо к часовне, обозначенной крестиком на карте, и остановились метрах в двухстах от домов. Был четвертый час ночи, а в некоторых домах пробивался через затемненные окна свет, конечно, это бодрствовали не местные жители.

Подошел Марков. Решили осмотреть ближайший дом, в котором света не было. Но не успел я пройти двор, как услышал за плетнем шаги — кто-то выходил из деревни к часовне. Я присел за бочкой. Раздались сперва тревожный немецкий возглас, потом щелчки затворов и два выстрела по углу сарая, за которым стояли Гудков, Скляр и Гасилов. Выстрелы их не задели, и мы быстро проскочили к нашим танкам, которые уже набирали обороты. Загудели в деревне и немецкие автомашины, должно быть, переполошились гитлеровцы, спешили улизнуть, пока целы.

На окраине, куда мы вышли с Марковым, занялся пожар. Жители выбегали с пожитками из своих домов на огороды. В темноте невозможно было разобраться, где поляки, а где немцы, и стрелять поэтому без предупреждения нельзя было. У одного дома в ответ на наш оклик через наши головы пролетела граната. Осколками легко ранило Маркова, Андросюка и командира автоматчиков.

Связные автоматчики, возвратившись от рассредоточенных по приказу Маркова танков, сообщили, что те перекрыли шоссе и на восточной и на западной окраинах.

Стрельба стихла. Марков послал Фомина, Склярова и одного автоматчика в сторону спиртзавода в северо-восточную часть деревни, чтобы проверить, нет ли там немцев. Вскоре там раздалась пулеметная очередь, и дуга траассирующих пуль выгнулась над деревней. За ней последовала вторая с рикошетом от мерзлой земли. Прибежали Скляров и раненый автоматчик. Фомина не было.

— Вдоль забора побежал Фомин, влево, — волнуясь, задыхаясь от бега, доложил Скляров.

Я попросил танкистов послать снаряд в направлении лающего пулемета. Танк выстрелил два раза в темноту.

Перед рассветом мы со Скляровым пошли искать Фомина. Увидели его лежащим метрах в пяти от разбитого снарядами кирпичного столба забора и, почти рядом — трех убитых немцев с фаустпатронами — им так и не удалось их выпустить по нашим танкам.

Немецкие танки и пехота на автомашинах пытались весь наступивший день пробиться в деревню с запада и востока. Безуспешно.

Мы удержали Промник. Отомстили врагу за смерть Герасима Фомина.

ОНИ ШТУРМОВАЛИ МОСТ НА ВАРТЕ

Василий
Зайцев

Василий Иванович Зайцев прибыл в Уральский добровольческий корпус в первые дни его формирования. С весны 1944 года был начальником штаба Свердловской танковой бригады, а после гибели гвардии полковника Жукова в январе 1945 года В. И. Зайцев стал командиром бригады. Под умелым руководством В. И. Зайцева свердловские танкисты добились новых успехов на земле Польши, в боях за взятие Потсдама, Берлина, и освобождение Праги. Василию Ивановичу после форсирования Одера было присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в Харькове.

Стремительный захват минированного, охраняемого немцами моста через Варту — это яркая страница в летописи Свердловской танковой бригады и всего нашего корпуса.

В ночь на 20 января 1945 года, находясь в местечке Ширцув, наша

бригада получила задачу: к исходу 20 января захватить мост через Варту и город Бурзенин. В баках танков почти не было горючего. Мы решили последним запасом заправить танки 1-го батальона, усилить его батальоном автоматчиков майора Бендрикова. Эти два батальона и стали нашим передовым отрядом, а главные силы бригады выступили через полтора-два часа после того, как все машины были заправлены подвезенным наконец горючим.

Во главе передового отряда двигался взвод младшего лейтенанта Н. Л. Юдина с приданными автоматчиками и саперами.

Перед рассветом Юдин отклонился на 2—3 километра от заданного маршрута — вместо северо-запада он пошел на запад и противника перед собой не обнаружил. Получив такое донесение о противнике, капитан Скринько продолжал спокойно вести батальон, находясь в голове колонны. Пройдя на рассвете деревню Видава, батальон был обстрелян артиллерийским огнем из района Бурзенина. Это озадачило комбата, и он вновь запросил Юдина об обстановке и о том, где находится разведка. Тут Юдин уточнил свое положение, понял, что отклонился от маршрута, и повернул взвод строго на север — танки пошли по правому берегу Варты на Бурзенин.

Узнав об этом, Скринько приказал закрыть люки танков и двигаться на повышенной скорости в направлении на Бурзенин. Видимо, противник все свое внимание сосредоточил на ядре батальона, которое оказалось в двух километрах восточнее Бурзенина, и не заметил подхода взвода разведки с юга. Естественно, что внезапное появление танков Юдина перед мостом вызвало растерянность, панику среди тех, кто охранял мост. Минута, может быть, несколько мгновений растерянности врага, но для решительного, смелого командира этих мгновений хватило, чтобы устремиться по мосту на западный берег, открыть огонь по группе немцев, которая спешила к мосту. Саперы во главе с рядовым Лабужским соскочили с первого танка, бросились на фермы моста, подготовленного, как оказалось, к взрыву огневым и электрическим способом и, перерезав провода и шнуры, идущие к зарядам, предотвратили взрыв.

С западного берега Варты Юдин радировал комбату, что захватил исправный мост и обороняет его. Скринько немедленно послал об этом донесение по радио и, пренебрегая артиллерийским огнем противника, устремился на помощь Юдину. Одну роту (в батальоне в тот период были две танковые роты) он оставил оборонять мост с востока, а с другой вихрем пролетел на западный берег, начал крошить там пушки и расчеты противотанкового дивизиона противника и личный состав 8-го охранного батальона.

В том бою в Бурзенине совершил свой бессмертный подвиг парт-орг роты командир танка Николай Свирчевский. Его машина была подожжена гитлеровцами. Свирчевский и его экипаж понимали, что противник, если его не уничтожить, погубит и второй прорвавшийся через мост танк, что вражеские пехотинцы в таком случае выйдут опять на мост и взорвут его до появления ядра батальона. Видимо, это заставило Свирчевского передать по радио: «Прощайте, товарищи,

В. Г. Скринько

иду на таран...» Танк уничтожил вражеский расчет, но погиб и героический экипаж Николая Свирчевского.

Подоспевшие второй и третий танковые батальоны нашей Свердловской бригады развили успех батальона Скринько, и к 16.00 город был полностью очищен от противника. Наши танкисты захватили много боевой техники и оружия. Сотни солдат и офицеров противника были уничтожены. Потери бригады составили 3 танка и 25 человек убитыми и ранеными.

К концу дня по захваченному нашей бригадой мосту прошли на запад главные силы Уральского корпуса и другие соединения 4-й гвардейской танковой армии.

За проявленное мужество и героизм при захвате моста через Варту было присвоено звание Героя Советского Союза гвардии капитану Скринько Василию Григорьевичу, гвардии младшему лейтенанту Юдину Николаю Лукьяновичу и саперу гвардии рядовому Лабужскому Степану Петровичу. Другие гвардейцы, отличившиеся в боях за переправу и освобождение города Бурзенин, были награждены орденами и медалями.

В Бурзенине находится братская могила воинов нашей 61-й гвардейской танковой бригады. Могила эта является святым местом для бойцов и командиров Уральского корпуса, для трудящихся Польши.

«Действия развертывались с исключительной быстротой... В течение 10—15 минут вся охрана моста была перебита... 60-тонный мост разминирован и захвачен в исправном состоянии...

Через полтора часа после захвата моста уже все силы 10-го танкового корпуса были на западном берегу Варты и продолжали наступление, имея в качестве передового отряда 63-ю гвардейскую танковую бригаду М. Г. Фомичева. Бригада В. И. Зайцева к тому времени уже завершила разгром противника в г. Бурзенин. В первые два часа она уничтожила до полка вражеской пехоты, захватила 28 орудий, до 100 пулеметов, а к вечеру было захвачено 1,5 тысячи пленных 8-й пехотной дивизии противника и до 100 орудий и минометов».

(Д. Д. Лелюшенко. «Москва — Сталинград — Берлин — Прага»)

ВНЕЗАПНОСТЬ, ОТВАГА И МАСТЕРСТВО

Павел
Морозов

Молодого бойца Павла Михайловича Морозова после окончания радиокурсов направили в формирующуюся Свердловскую добровольческую танковую бригаду. Был Павел Михайлович и начальником радиостанции батальона, и радистом на машине комбата, а войну закончил радистом на танке комбрига.

Награжден орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени, пятью медалями.

Ныне работает учителем школы в Оренбурге.

В момент боя за Варту я находился в экипаже комбата гвардии капитана Василия Григорьевича Скринько, и вся связь с ротами, взводами и штабом бригады осуществлялась только через меня. Поэтому мне в подробностях запомнились события тех суток.

Мост через Варту был подготовлен к взрыву. На каждом его опорном столбе подвешены огромные ящики со взрывчаткой. Приказ захватить мост получил командир второй роты гвардии капитан Дьяченко, он и выделил от себя взвод разведки. Двигались с небольшим разрывом: впереди взвод разведки, за ним — остальные машины второй роты, а дальше — танк комбата и основные силы первой роты.

На марше (дело было ночью) взвод разведки и остальные танки второй роты сбились с маршрута и вышли на 2—3 километра южнее моста через Варту. В то же время машина комбата Скринько и 10 танков первой роты оказались на дороге, ведущей непосредственно к мосту.

На опушке леса, уже близко к мосту, произошла заминка — танкисты не ожидали, что так быстро достигнут моста. Комбат велел мне по радио передать приказ: «Двигаться всем танкам на захват моста!» Первым отозвался на эту команду гвардии младший лейтенант Юдин. Он сказал, что взвод идет на штурм.

Три танка на большой скорости ринулись первыми на мост, четвертой пошла наша машина без комбата Скринько — он спрыгнул со

своей машины, подошел к танкам первой роты и стал направлять их ближе к мосту.

Внезапно для немцев, перескочив минированный мост, взвод Юдина быстро расправился с пушками противника на западном берегу, подавил их огнем своих танков и стал продвигаться в обход немцев на западную окраину Бурзенина. В городе было много фаустников. Они стреляли из окон, из-за углов зданий. Вскоре Юдин передал мне по радио, что у него перебита гусеница — танк двигаться не может. Экипаж Нестерова, увидев отступающий обоз противника, стал уничтожать его пулеметным огнем и давить гусеницами. Механик-водитель не заметил, что наезжает на повозку с минами, — у танка вырвало днище, и весь экипаж погиб. Такая же участь, на этот раз от фаустпатрона, постигла экипаж Николая Свирчевского. Я видел его горящий танк, который ударил в стену дома, где сидели фаустники.

Наша машина не пошла по маршруту Юдина. Проскочив мост, мы направились прямо в город. Там нас тоже подстерег фаустник, пробил нам борт и ранил заряжающего, добровольца с Уралмаша Ивана Томилова. К счастью, машина не загорелась, и мы продолжали стрелять по врагу из пушки и пулеметов.

Немцы пытались прорваться к мосту, но им это не удалось. Вначале появились наши автоматчики на бронетранспортере, забрали у нас раненого заместителя комбата, а потом подошли танки 63-й бригады и остальные машины нашего батальона.

Мы с Юдиным к вечеру отремонтировали свои машины и продолжали наступать вместе со своим батальоном.

ДОБРОВОЛЕЦ

Круши, ломай сопротивление врага, как богатыри-танкисты офицера Скринько!

ГЕРОИ ОДНОГО БОЯ

Танкисты были поставлены в труднейшие условия боя. Впереди них — мост, за которым — враг. Они должны были прорваться к мосту, уничтожить его, а затем — продвигаться в город. Но задача была очень трудной. Враг был очень силен. Он имел много пушек, минометов, танков. Но наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови.

Нашим танкам было тяжело. Они были повреждены. Но наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови. Они уничтожили много вражеских танков и пушек. Они продвинулись вперед. Они заняли мост. Они заняли город.

Танкисты были поставлены в труднейшие условия боя. Впереди них — мост, за которым — враг. Они должны были прорваться к мосту, уничтожить его, а затем — продвигаться в город. Но задача была очень трудной. Враг был очень силен. Он имел много пушек, минометов, танков. Но наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови.

Нашим танкам было тяжело. Они были повреждены. Но наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови. Они уничтожили много вражеских танков и пушек. Они продвинулись вперед. Они заняли мост. Они заняли город.

НА ПЕРЕДОВОЙ

И так, так жарко воевать.
Смерть смерти не боится,
Где враг, там и смерть,
От пламени пожара.

И жажда, и жажда вперед —
И в огонь, и в огонь!
В огонь, в огонь, в огонь,
В огонь, в огонь, в огонь!

И смерти не боится,
И смерти не боится,
И смерти не боится,
И смерти не боится!

Немцы не прошли

Такие же были наши танки. Они были повреждены. Но наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови. Они уничтожили много вражеских танков и пушек. Они продвинулись вперед. Они заняли мост. Они заняли город.

Немцы не прошли.

И так, так жарко воевать.
Смерть смерти не боится,
Где враг, там и смерть,
От пламени пожара.

Скринько, офицер танкистов.

Контратака успешно отбита

Контратака отбита. Наши танкисты не сдались. Они сражались до последней капли крови. Они уничтожили много вражеских танков и пушек. Они продвинулись вперед. Они заняли мост. Они заняли город.

В 17 лет токарь Серовского завода Василий Булычев пришел добровольцем в корпус. Был пулеметчиком, потом воевал до самой Праги в разведке 61-й Свердловской танковой бригады. Награжден орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, многими боевыми медалями и Юбилейной ленинской медалью.

Ныне — заместитель директора Серовского металлургического завода.

Наш экипаж бронетранспортера — командир машины старший сержант Андрей Батяйкин, водитель сержант Степан Мельников, пулеметчики рядовые Сергеев и я, автоматчик рядовой Федор Васильков, сержант Малыгин — получил задание разведать тридцатикилометровый маршрут от города Трахенберга на запад и переправу через реку Одер.

Задание выполнили успешно. Когда приближались к Одру, столкнулись на опушке леса с группой около двадцати немцев. Они были в белых масках, двигались на велосипедах с моторчиками. Завязали бой. Пулеметным огнем прижали их к земле, а тем временем Батяйкин, Малыгин, Васильков и я лесом обошли вражескую группу. Часть ее была уничтожена, кое-кому удалось удрать, двоих захватили в плен.

Доставили пленных в штаб бригады, и там выяснилось — один из них командир разведроты. Конечно, его немедленно отправили в штаб армии.

Потом мы узнали: наш «язык» дал ценные сведения.

А недели через три под городом Зорау с нами произошла любопытная история.

Группе разведчиков в составе переводчика при штабе бригады старшего лейтенанта Абрамова, водителя Анатолия Гудкова, автоматчика Федора Василькова и меня дали приказ любой ценой прорваться через немецкую оборону и доставить важный пакет комкору гене-

ралу Белову, ушедшему с оперативной группой штаба корпуса к городу Тейплитц.

Мы переоделись в немецкую форму, сели в трофейный бронетранспортер на гусеничном ходу и под покровом ночи прорвались за город (наши танкисты и автоматчики были предупреждены о месте и времени прорыва разведки). Отъехав от Зорау несколько километров, мы поравнялись с вражеской колонной пехоты и начали ее обгонять. Напряжение наше было, конечно, на пределе, особенно в тот момент, когда в голове колонны нас остановили. Спасибо старшему лейтенанту Абрамову — не растерялся, спокойным громким голосом что-то ответил немецкому офицеру, и мы поехали дальше, увеличив скорость.

К утру, когда приближались к городу Тейплитц, мы едва не погибли от огня нашей же корпусной артиллерии. Артиллеристы, увидев немецкий бронетранспортер и на нем людей во вражеской форме, взяли нас на прицел. Заметив это, мы все вскочили, стали кричать, что мы свои, но тщетно — ствол пушки глядел прямо на нас. Оставалось одно, и мы это сделали в несколько мгновений — сбросили с себя немецкие плащи, головные уборы, замахали руками под нашу «Камаринскую», которую Федя Васильков в этот опасный момент надумал сыграть артиллеристам — авось, поймут наконец, что перед ними действительно свои.

И музыка помогла. Те же артиллеристы, взявшие нас за минуту до этого на мушку, показали нам дорогу к генералу Белову.

*Звезда
героев*

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ОДЕР

24 января. Позади остались пятьсот с лишним километров, пройденных от Сандомирского плацдарма за двенадцать суток. Впереди глубокая река шириной до 250 метров с тонким льдом. На том берегу — город Штейнау. Он навис серой громадой зданий над рекой, протянул руки мостов на восточный берег, бьет из пушек и минометов. Над мостами и нашим берегом — тучи самолетов. Попробуй подойди.

25 января. С боевым охранением противника у железнодорожного моста схватился танковый батальон 62-й Пермской бригады. Немцы дрогнули, стали отходить, взорвали за собой мост. Другой мост успели проскочить несколько танков Пермской бригады, группа саперов и автоматчиков. На западном берегу они оказались в ловушке — немцы успели пробиться к мосту и взорвать один пролет.

Попытка с ходу взять Штейнау провалилась. Командование прибегло к обходному маневру.

И на западном берегу Одера, куда прорвалась горсточка пермских танкистов, и выше по течению реки, где наши воины прошли по тонкому льду, уральские добровольцы проявили недюжинную смелость и самоотверженность. При преодолении этой водной преграды были применены разнообразные тактические приемы, офицеры проявили командирскую зрелость, сержанты и солдаты — находчивость и инициативу. Не случайно, что только за бои на Одере и на плацдарме западнее реки семья Героев Советского Союза в Уральском добровольческом танковом корпусе увеличилась более чем вдвое. Шестнадцать новых Героев Советского Союза! Поучительны их фронтовые дела и подвиги.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

Близкие товарищи звали его Чапаев. Отличный оперативник, он много сил отдал разработке тактики танкового боя, в частности ночного, умело руководил танкистами в зимнем наступлении 1945 года — сначала как начальник штаба, а затем как командир Свердловской танковой бригады.

Находясь все время в боевых порядках, В. И. Зайцев мастерски организовал переправу танков на западный берег Одера, руководил разгромом вражеского гарнизона в городе Штейнау, обеспечил удержание плацдарма.

Естественно, что во время действий по глубоким немецким тылам наши командиры спали крайне мало. Узнав однажды, что Василий Иванович не прилег в течение трех суток, генерал Белов отдал курьезный приказ:

«Приказываю командиру бригады подполковнику Зайцеву спать ежедневно и не менее трех часов в сутки».

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЫЛЬ

С ним легко было идти в бой.

Высококультурный, корректный, он негромким голосом отдавал приказы, и подчиненные ему люди исполняли их с рвением и любовью к нему.

Минометный полк Зыля появлялся на самых угрожающих участках, поспевал за танками, как стремительно ни прорывались они через болота, леса, широкие реки, поддерживал танкистов и мотострелков меткими залпами минометов.

Так было и на подступах к Одеру и на самой реке.

Только в один из январских дней полк отразил шесть контратак превосходящих сил противника.

Приблизившись к реке и совершив быстрый маневр, полк с минимальными потерями форсировал ее и поддержал действия пехоты при расширении плацдарма в районе Дибана.

П. И. Лабуз

М. Я. Денисов

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЛАБУЗ

Первым со своим танковым взводом ворвался на улицы Штейнау, вышел на северо-восточную окраину города и принял неравный бой с танками и пехотой противника.

Оказавшись отрезанным от идущего вслед батальона, комсомолец гвардии младший лейтенант Лабуз организовал круговую оборону. Каждый экипаж отвечал за свое направление, но в трудную минуту помогал соседу. Маневрируя между домами, взвод поставил перед врагом непреодолимую стену пушечного и пулеметного огня. Подоспевшие на выручку героическому взводу Лабуза танкисты и мотоциклки увидели на поле боя восемь подбитых вражеских танков, двенадцать бронетранспортеров и до ста трупов фашистских солдат и офицеров. Всего же храбрецы второго батальона гвардии капитана Николая Моськина (под его командованием воевал и взвод Лабуза) за одну ночь уничтожили двадцать танков противника, потеряв всего два своих танка.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ДОЗОРЦЕВ

Комбат Дозорцев нашел удобное и выгодное место для переправы третьего батальона Унечской мотострелковой бригады и на рассвете 26 января мастерски организовал форсирование Одера и захват нескольких дотов и деревни Дибан. Противник большими силами неод-

П. А. Родыгин

В. С. Смирнов

нократно переходил в контратаки, но Дибан остался за гвардейцами Дозорцева, который лично руководил отражением контратак немцев.

Коммунист Ф. И. Дозорцев воспитал в своем батальоне несколько воинов, которым было присвоено звание Героя Советского Союза.

МАКСИМ ЯКОВЛЕВИЧ ДЕНИСОВ

Впереди батальона Дозорцева через разбитый лед реки шла рота гвардии старшего лейтенанта М. Я. Денисова. Штурмывая вражеские укрепления на западном берегу, рота уничтожила более ста гитлеровцев, пятьдесят восемь человек взяла в плен, захватила две исправные пушки, шесть пулеметов, 43 винтовки и две автомашины. Рота отражала пять контратак противника.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ РОДЫГИН

Пулеметный взвод под командованием гвардии лейтенанта П. А. Родыгина дерзким броском форсировал Одер, прикрывал огнем «максимов» наступающие подразделения батальона Дозорцева, смело отражал контратаки противника. При штурме его оборонительной полосы, идя первым в атаку, взвод Родыгина подавил три огневые точки, уничтожил две автомашины с боеприпасами и до шестидесяти гитлеровцев, захватил сотни автоматов и винтовок врага.

В. Г. Исаков

А. В. Ерофеев

ВИТАЛИЙ СТЕПАНОВИЧ СМІРНОВ

Его пулеметный взвод был среди гвардейцев, штурмовавших мост через Одер после того, как противник взорвал один из его пролетов у западного берега.

Разведчикам-саперам удалось прикрыть брешь перекидными лестницами. По ним вели огонь орудия и танки противника и ранили двух пулеметчиков Смирнова. С другими гвардейцами — Гумеровым и Кушником — младший лейтенант Смирнов кинулся к лестнице, проложенной над пропастью. Застучали по ней колеса «максима». Вовремя подоспели пулеметчики на вражеский берег. Засевшие в кустах у реки гитлеровцы бросились на наших автоматчиков. Раненый Смирнов, Гумеров и Кушник отбили несколько контратак противника, подавили огонь около десяти пулеметных точек.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ИСАКОВ

Отлично замаскированный дот поливал огнем реку и берег, никого не подпуская к железобетонным стенам. Нужно было иметь отважное сердце, чтобы подползти к этой громадине, вскочить и забросать гранатами его амбразуры. Таким сердцем обладал командир стрелкового отделения Унечской бригады гвардии сержант Василий Григорьевич Исаков.

Г. З. Клишин

В. И. Кружалов

ного состава 2-й мотострелковый батальон под командованием коммуниста гвардии капитана Бориса Ивановича Жицкого стоял насмерть и не уступил врагу занятых позиций. Здесь опять проявил геройскую удачу Василий Исаков. Десятки гитлеровцев были скошены его автоматом.

За Одером второй мотострелковый батальон гвардии капитана Бориса Ивановича Жицкого, в котором воевал Исаков, захватил населенный пункт Поршвиц. Свыше полка гитлеровцев да 40 их танков и бронетранспортеров окружили и контратаковали здесь обессиленный, потерявший половину своего состава батальон уральских добровольцев. Рядом с тяжелораненым комбатом стояли насмерть коммунист Василий Григорьевич Исаков и другие наши гвардейцы. Десятки гитлеровцев были скошены автоматом Исакова. Враг бежал. Поршвиц остался нашим.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕРОФЕЕВ

В самых трудных обстоятельствах войны коммунист, командир пулеметного взвода мотострелкового батальона Пермской танковой бригады Ерофеев являл собой пример бесстрашия и воинского мастерства.

Когда немцы контратаковали наших гвардейцев в Воля-Моравицка, гвардии лейтенант Ерофеев поставил пулеметы на опасной для себя

И. Е. Романченко

Н. С. Рыбаков

и своих бойцов близости к врагу и отразил две бешеные контратаки гитлеровцев, истребив более ста солдат и офицеров.

По льду Одера пулеметчики Ерофеева опять шли впереди. Они ослепили точным огнем амбразуры дота, прикрыли переход через реку роты наших автоматчиков.

ГЕОРГИЙ ЗАХАРОВИЧ КЛИШИН

Командир орудия Т-34 из той же Пермской танковой бригады. Смелый, инициативный воин.

Продвижение к реке Чарна Нида было для танков крайне тяжелым. Противник вел сильный артиллерийский и пулеметный огонь из города Моравица. Клишин вызвался подавить огневые точки. Прикрываясь складками местности, его танк внезапно появился на вражеских позициях и, подавив их точным пушечным огнем, на максимальной скорости ворвался в Моравица, захватив переправу через Чарна Нида. Увидев в своем тылу советский танк, противник в панике начал отступать.

«Тридцатьчетверка» гвардии старшины Клишина первой достигла переправы через Одер. Метким огнем старшина уничтожил вражескую охрану моста, не дал противнику взорвать его. Наши танки получили возможность прорваться на западный берег.

Только за один бой Клишин с друзьями по экипажу вывел из строя шесть вражеских танков, среди них два «тигра» и «пантеру».

М. А. Мазурин

К. Ф. Шувалов

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНДАУРОВ

Несколько танков Пермской бригады оказались в западне на западном берегу Одера, как только фашистам удалось за их спиной взорвать крайний пролет моста. В несколько раз больше сил было у противника. И все же уральцы и тут вышли победителями.

Среди других высочайшую доблесть проявил девятнадцатилетний механик-водитель Иван Александрович Кондауров. Его «тридцать-четверка» чутко слушалась мастера вождения, наносила большой урон врагу. Экипаж уничтожил пять немецких танков, одну самоходку, четыре бронетранспортера с расчетами, минометную батарею и до 250 солдат и офицеров противника.

В боях за населенный пункт Забвожье танк, ведомый Кондауровым, первым ворвался на улицы, сжег «королевского тигра» и «пантеру».

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КРУЖАЛОВ

Классный механик-водитель, коммунист гвардии старший сержант Кружалов сидел за рычагами головной машины, когда Челябинская танковая бригада перешла Вислу, потом германскую границу. Вихрем промчался его «Беспощадный» (так экипаж называл свою «тридцать-четверку») через Одер. Несмотря на активный артиллерийский огонь

и действия авиации противника, Кружалов так маневрировал «тридцатьчетверкой», что она не получила ни единой царапины.

Сражаясь на плацдарме, Василий Иванович был тяжело ранен, но не оставил машину, отбил с экипажем еще несколько контратак. При отражении их танк Кружалова уничтожил четыре противотанковых орудия и пять минометов. На подступах к городу Зорау, оставшись один из всего экипажа, Кружалов вышел победителем из схватки с немецкими танками.

ИВАН ЕФИМОВИЧ РОМАНЧЕНКО

16 января 1945 года при прорыве оборонительной линии врага в районе Войцехув был смертельно ранен командир танка Сидоров. Командир орудия «тридцатьчетверки» доброволец из Магнитогорска гвардии старший сержант Романченко сменил без приказа офицера в бою.

После прыжка через Одер экипаж Романченко шел в головном дозоре. Ворвавшись на большой скорости в центр занятого фашистами городка, танк загорелся от попадания фаустпатрона в трансмиссию. Героический экипаж, окруженный автоматчиками и фаустниками, выскочил из машины, чтобы спасти ее. Очереди автоматов сразили членов экипажа. Романченко остался один среди фашистов. Потушив брезентом пламя, израненный, с обожженными руками, он вскочил на башню, и — за орудие! Он вел бой, пока не подошли танки его батальона.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ РЫБАКОВ

Наводчик самоходного орудия 1222 самоходно-артиллерийского Новгородского полка (полк вошел в состав корпуса незадолго до зимнего наступления 1945 года) старшина Николай Степанович Рыбаков показал себя в семье уральских добровольцев опытным и бесстрашным воином.

При форсировании Одера и западнее его от меткого огня Рыбакова было уничтожено много техники и личного состава вражеских полков.

За месяц до Дня Победы Николай Степанович Рыбаков пал в бою смертью героя.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ СЕЛИЩЕВ

Командиру батареи 1222-го самоходно-артиллерийского полка, старшему лейтенанту В. П. Селищеву звание Героя Советского Союза присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года за доблесть и мужество, проявленные в боях с фашистскими захватчиками.

Общественная редколлегия не могла найти его фотографии и узнать о нем что-либо подробнее.

Гвардии полковник Иван Иванович Прошин был назначен командиром Пермской танковой бригады перед операцией в Верхней Силезии. Бригада пермских добровольцев под его руководством успешно провела бои при форсировании Нейсе и Шпрее, в Берлине и в маршманевре на Прагу.

Звание Героя Советского Союза И. И. Прошину было присвоено в боях с белофиннами в 1940 году

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗУРИН

Коммунист Мазурин воевал с начала Великой Отечественной войны. В Уральский корпус попал в составе 72-го гвардейского тяжелого танкового полка в Карпатах, под городом Коломыя.

На личном счету командира орудия могучего танка ИС-122 гвардии старшины Мазурина — 21 истребленный тяжелый танк противника. Находясь уже в составе корпуса, он уничтожил 13 «тигров» и «пантер»!

В начале февраля 1945 года танк Мазурина, поставленный в засаду южнее селения Альткирх, провел победный бой с вражескими подразделениями, вооруженными противотанковыми орудиями и фаустпатронами.

Михаил Александрович, и будучи раненым, не покинул машины. Все атаки противника были отбиты мощной пушкой его тяжелого танка.

* * *

На Одере и западнее его проявили замечательные боевые качества Ф. Я. Спехов, И. И. Прошин, К. Ф. Шувалов, удостоенные высокого звания Героя Советского Союза в других частях до своего назначения в Уральский танковый корпус.

Гвардии подполковник Федор Яковлевич Спехов был удостоен звания Героя Советского Союза за подвиги, совершенные во время советско-финской войны. Прибыв в корпус летом 1943 года, был назначен заместителем командира Свердловской танковой бригады. Во

многих боях показал себя волевым и бесстрашным воином. Погиб 1 апреля 1945 года.

Гвардии капитан Константин Фомич Шувалов — замполит командира 1-го мотострелкового батальона 29-й гвардейской мотострелковой Унечской бригады — получил звание Героя за форсирование Днепра, где он принимал непосредственное участие в успешном отражении 22 контратак превосходящих сил противника.

ПО ЛЬДУ РЕКИ

Иван
Пробитый

К моменту сражения за Каменец-Подольский юноша из села Лисоводы Ваня Пробитый успел проявить себя отважным партизаном прославленного на правом берегу Украины отряда имени Мельника. Группа партизан этого отряда, и среди них Иван Пробитый, в марте 1944 года вошла в состав мотострелковой бригады. Он был старшиной пулеметной роты в батальоне Героя Советского Союза Дозорцева, одним из первых форсировал Одер. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Славы 3-й и 2-й степеней, медалью «За отвагу».

Ныне Иван Васильевич Пробитый — заместитель председателя одного из лучших колхозов советской Украины. В послевоенное время награжден двумя орденами «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд».

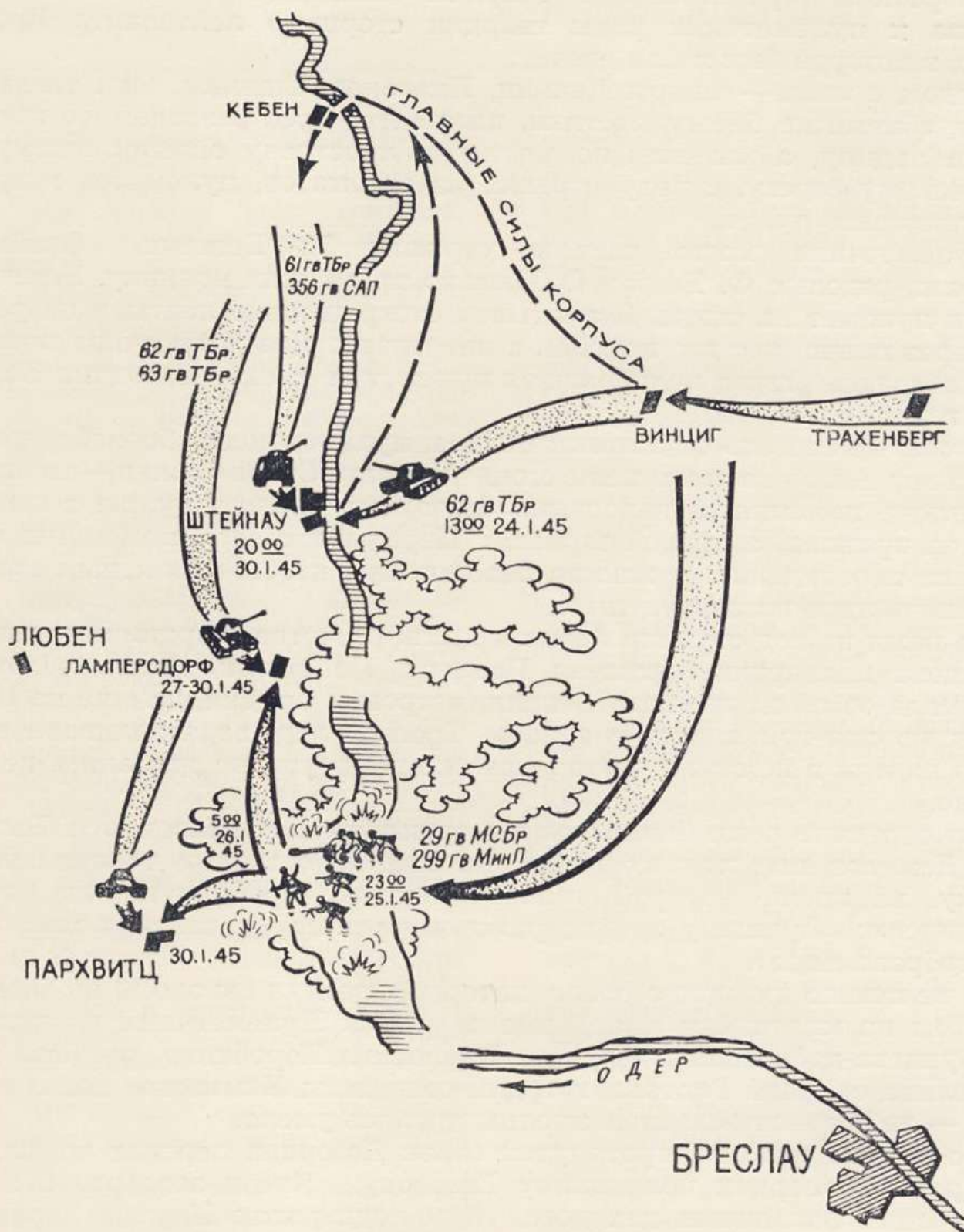

В ночь с 25 на 26 января мотострелковый батальон гвардии капитана Дозорцева получил приказ: прибрежными лесами скрытно продвинуться вверх по течению Одера.

Место для переправы нашли разведчики. Река здесь сужается, берега пологие, леса с обеих сторон.

Разведчики бригады во главе со старшим сержантом Гриценко прошли по льду, уточнили, что вражеские доты расположены по всему берегу в 140—160 метрах друг от друга, и взяли в плен немца.

Чтобы обмануть противника, капитан Дозорцев велел группе бойцов пройти на два километра еще выше по течению реки, завести на берегу трактор и открыть огонь. Хитрость удалась. Немцы раскрыли еще часть своих огневых средств. Этого мы и ждали. Артил-

Одерская операция

леристы и минометчики открыли стрельбу. Штурмовые группы бросились к реке.

Первыми на льду были автоматчики гвардии младшего лейтенанта Коротича, бронебойщики гвардии младшего лейтенанта Ромашова и пулеметчики роты гвардии старшего лейтенанта Кравченко, в которой был и мой расчет.

Рядом с нами — саперы Нечкин, Платонов, Тихонов. Они таскали доски, сбитые на берегу мостики, клали их через разводья, со льдины на льдину, а мы шли по мостикам навстречу оцетинившемуся вражескому берегу, с ходу стреляя из автоматов, пулеметов и противотанковых ружей.

Пулеметчики моего расчета сержант И. Богачук, ефрейтор С. Ковш, рядовые Ф. Бонк и О. Мысько применили новинку. Богачук тащил пулемет на спине. Я сматывал отстрелянные ленты и на ремне, через плечо, нес две коробки с патронами. Два подносчика патронов двигались рядом, поддерживая пулемет за катки. Наводчик Ковш вел огонь.

Чтобы не отстать от автоматчиков и пулеметчиков, бронебойщики старшины Акимова тоже вели огонь на ходу. Ствол ружья — на правом плече помощника наводчика. Наводчик держал ружье в левой руке за приклад, а правой заряжал. Перед выстрелом помощник наводчика перекидывал ружье на левое плечо, чтобы пороховым газом не обжечь лицо позади идущего.

За нами на лед ступили артиллеристы расчетов гвардии старшины Демидова и гвардии сержанта Павлова. По восемь-десять человек тянули за собой на лямках 76-миллиметровые орудия, да еще на станинах по два-три ящика снарядов. Трещал лед, вода заливала его. Люди падали в полыньи, вытаскивали друг друга, но двигались неотступно.

На середине реки были ранены артиллеристы Шаронов и Быканов. Демидов посылал их назад, но они не оставили товарищей и пушку, на щитке которой уральцы впаяли серебряную пластинку с надписью: «Лучшему артиллерийскому расчету уральских гвардейцев-добровольцев».

Я не помню ни одного бойца, который дрогнул бы здесь, на Одере, и потом на маленьком плацдарме за рекой. Пулеметчики из взвода коммуниста-добровольца Алексея Ивановича Коробкина, расчеты добровольца с Урала Глотова, гвардии старшины Хамитова, моего расчета — да все наши славные хлопцы дрались умело.

По первой ниточке протянутой связи Дозорцев передал командиру бригады гвардии полковнику Ефимову: «Кусок заодерской земли — мой. Захвачены два дота. Жду поддержки. Иду на деревню Дибан...».

ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Среди раненых на Одере оказался самый юный воин Уральского танкового, парнишка из Нижнего Тагила, сын корпуса Толя Гончарук. Ему в ту последнюю зиму войны шел тринадцатый год.

Можно, конечно, придаться к слову: какой это солдат в возрасте ученика начальной школы? И все же фронтовики не грешили против истины, называя Толю добровольцем. Они знали, что он подался в корпус, чтобы отомстить врагам за любимого старшего брата — бойца Красной Армии. Правда, поначалу в его поступке было меньше осознанного долга («иду за брата»), больше — реакция на обиженное детство без родной матери. Истосковавшийся по ласке, мальчик тянулся к доброте, и ему, видимо, казалось, что особенно чутких людей он сумеет найти на фронте. С этим он добрался до Брянских лесов в момент погрузки в эшелоны частей Уральского корпуса, направляющихся на 1-й Украинский фронт. С этим чувством притаился он под брезентом танка (чтобы не нашли раньше передовой), миновал Днепр и оказался в новом исходном районе для наступления корпуса.

Его заметили бойцы мотострелковой бригады — боевые парни с орденами и медалями за освобождение Орловщины и Брянщины, Унечи и Новозыбкова, с отливающими свежей эмалью значками «Гвардия». Сперва они хотели вернуть Толю в тыл страны. Он озлился, сказал, что сбежит от любого конвоя. И ясно было: Толя сбежит.

Мальчику сшили солдатскую форму, подправили на солдатских харчах и зачислили в зенитно-пулеметную роту. Дескать, в этом подразделении будет меньше опасностей, здесь возможно будет удержать его чуток подальше от губительного огня. Но бой есть бой. И спрятать кого бы то ни было в передовых частях не

просто. Так и получилось, что при штурме областного центра Украины Каменец-Подольского 26 марта 1944 года малыш Толя оказался в доме один на один с двумя здоровенными немецкими солдатами и открыл огонь по ним из автомата. Командование, оценив храбрость двенадцатилетнего гвардейца, наградило его медалью «За боевые заслуги».

После случая в Каменец-Подольском начальник политотдела корпуса полковник Илья Федорович Захаренко забеспокоился:

— Еще погибнет парнишка... Возьму.

И взял к себе Толю вроде как ординарцем.

— Илья Федорович, — говорил Толя, — относится ко мне, как добрый отец. Но... на передовую не пускает, с собой в части, когда наступаем, не берет. Я, конечно, ухитрюсь уходить...

Должно быть, понял Захаренко, что не удержать ему Толю в политотделе и сдался настоятельным просьбам корпусных разведчиков, давших слово оберегать парнишку, придумать для него службу полегче.

Толя ликовал, гордился необыкновенно — как же, попасть в батальон отчаянных храбрецов! Но легко ему там не было, да и быть не могло.

Сохранились фотографии военной поры. На одной — рота разведки совершает по весенней распутице многокилометровый марш. На первом плане Толя с винтовкой за плечами (после неосторожного выстрела у него отобрали автомат, и он где-то подобрал старую винтовку).

Больше 50 километров без единой жалобы прошагал Толя вместе с закаленными бойцами. А какой он был ростом! Поглядишь, и временами казалось, что перед тобой ребенок восьми-девяти лет, на которого надели военную пилотку, гимнастерку и шинель за неимением другой одежды.

Сыном корпуса Толю называли

Сын корпуса Толя Гончарук.
1944 г.

А. В. Гончарук. 1971 г.

без натяжки. После разведбата он воевал (при взятии Берлина и освобождении Праги) в составе Свердловской танковой бригады. Когда командира разведчиков подполковника Беклемишева перевели начальником штаба к свердловским танкистам, тот взял Толю с собой: не хотел и не мог, должно быть, расстаться с отважным, самым юным солдатом корпуса.

Если поразмыслить, то дело и не в отваге Толи и не в том, ходили в атаки, в разведки или не ходили он и его сверстники — сыны полков, батальонов (они были почти во всех частях). Пожалуй, не храбрость мальчишек так сдружила их с солдатами и командирами. Тут было более глубокое и емкое чувство. Эти ребяташки приносили фронтовикам необходимое в тех условиях тепло человеческое, нежность и, наверное, спокойствие душевное, какую-то нетронутую чистоту, которая бывает у детей. Присутствие подростков облагораживало бойцов. И дрались взрослые за свет и детскую радость еще горячий.

Последние 15 лет Анатолий Владимирович Гончарук работает слесарем-сборщиком в медницком цехе Уралвагонзавода, работает самоотверженно, умело, с огоньком гвардейским.

* * *

Анатолий Владимирович Гончарук постоянен в своих привязанностях — фронтовых и трудовых. Он переписывается, встречается с ветеранами корпуса, принимает часто гостей, юных следопытов, идущих по следам формирования и боев корпуса. Более полутора десятка лет работает он слесарем-сборщиком в одном и том же медницком цехе Уралвагонзавода, коллектив которого принял Анатолия Владимировича в члены партии и назвал лучшим слесарем-сборщиком гиганта социалистической индустрии.

В высоком звании передового рабочего Анатолий Владимирович Гончарук внесен в книгу трудовой славы победителей соревнования Свердловской области.

(«Тагильский рабочий», 24 марта 1970 г.)

ДВА БОЕВЫХ ЭПИЗОДА

**Алексей
Шапкин**

Гвардии инженер-подполковник Алексей Аристархович Шапкин окончил военную академию в 1939 году.

В корпусе с первых дней — в должности начальника топографической службы. Помимо непосредственного топографического обеспечения, выполнял в период боев ответственные оперативные задания комкора.

Награжден четырьмя орденами и многими медалями.

В настоящее время в запасе. Ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Успешным действиям корпуса во многом способствовала слаженная работа его штаба и штабов частей. Их оперативно-тактическое мастерство росло от операции к операции.

У меня навсегда сохранились самые теплые воспоминания о дружном коллективе офицеров управления и штаба корпуса. Их растили и воспитали наш боевой командир генерал-лейтенант Евтихий Емельянович Белов, старый большевик начальник политотдела корпуса полковник Илья Федорович Захаренко, заместитель командира корпуса Петр Дмитриевич Белов и начальник штаба полковник Александр Борисович Лозовский — опытный штабной офицер. Большое влияние на штабную работу оказывала партийная организация, возглавляемая начальником связи корпуса полковником Василием Даниловичем Фокиным.

Офицеры штаба, осуществляя контроль за выполнением приказов комкора, часто находились в боевых порядках, помогали командирам в выполнении поставленных задач. Бывали случаи, когда противнику удавалось прорываться к штабу, и тогда его личный состав с оружием в руках отбивал атаки врага, защищая боевое знамя корпуса. Так было под Романовкой и в Каменец-Подольском, в Парадызе (Польша) и в Штансдорфе, под Берлином.

Немало офицеров и солдат штаба погибли, выполнив до конца свой долг. Среди них — заместитель командира корпуса полковник Нил Данилович Чупров, начальник политотдела полковник Илья Федорович Захаренко, начальник оперативного отдела подполковник Л. А. Барынин, корпусной инженер-полковник А. С. Гершгорин, майоры М. Терентьев, Ладензон, Андриенко, офицеры связи старшие лейтенанты Слепухов, Бондарь, Базелев, Агафонов, лейтенант Белоус.

Прошло много времени, не все осталось в памяти, но некоторые эпизоды запомнились крепко.

В районе Борилово уровень воды реки Нугрь не позволял нашим танкам перейти реку вброд, а навести мост или понтонную переправу под непрерывным огнем противника было невозможно. Корпусной инженер Александр Соломонович Гершгорин с саперами в ночь с 29 на 30 июля 1943 года на глазах у опешившего врага взорвал плотину, открыл дорогу танкам. Умные, расчетливые наставления корпусного инженера помогали не только саперам, но и разведчикам, танкистам, артиллеристам, которые его позднее стали называть «наш Карбышев».

12 января 1945 года во второй половине дня части корпуса вошли в прорыв. Штаб во главе большой колонны корпусных частей и тылов выступил уже в темноте. Избегая больших дорог, мы двигались прямо по полям. С утра была слякоть, а к ночи подморозило. Снега почти нет. Мой «оппель блиц», нагруженный до верха картами, которые мы получили за несколько часов до наступления, шел в колонне пятым.

Машину я вел сам. Рядом со мной в кабине сидел шофер Михаил Халилов и гвардии капитан Владимир Ковылов, старший адъютант батальона из Свердловской бригады, который, возвращаясь из госпиталя, воспользовался моей машиной, чтобы догнать свою часть. В кузове, между пачек карт, устроился картограф Айзат Закиров.

Настороженная темнота. Мысли сосредоточены на одном — точно следовать за впереди идущими машинами. Изредка, когда впереди чудилось какое-либо препятствие, на секунду зажигали свет. В такой момент Ковылов крикнул: «Минное поле!» Я включил полный свет и увидел немецкую указку: «мины».

Что делать? Впереди прошли четыре машины, они метрах в 150, могут сейчас взлететь на воздух. Позади колонна, растянувшаяся на много километров. Как избежать катастрофы?

Догнать, предупредить головные машины... Не выключая света, дал полный газ и увидел перед собой глубокую борозду. Мелькнула мысль. «Тряхнусь на борозде и сработают мины...» Едва подумал, как два взрыва чуть позади нас, справа и слева, потрясли машину. Посыпались осколки стекла, мотор заглох. Выскочили из кабины.

— Закиров? Жив? — крикнул я. Из-под груды карт в машине послышалось: — «Жив».

Неяркий свет идущих за нами машин осветил развороченный зад моего «оппеля». Колес как не бывало, под бортами — две воронки. Нас спасла быстрота, с которой я сделал рывок. Товарищи спешили на помощь. Осветили местность. На невспаханном поле увидели вмерзшие в землю мины. Некоторые лежали поверху. Надо было эвакуировать ушедшие вперед машины. Рискуя жизнью, полковник Фокин, майоры Терентьев, Морозов и мы с Ковыловым, шаг за шагом освещая и осматривая землю, вывели машины с поля, где местами попадались противопехотные мины. Люди и машины были спасены.

Когда колонна, шедшая сзади, благополучно повернула в другом направлении, мой злосчастный «оппель» доконала третья мина, которая сработала позднее. Пачки карт раскидало во все стороны. Осмат-

ривая поле, Ковылов, Халилов и Закиров собрали до единого листа карты, рискуя жизнью, спасли необходимое для корпуса «оружие». Нельзя было не гордиться мужеством ребят. Я очень сожалею, что потерял их след после войны.

В боях за Хенцины, Моравицу и Кельце наши части разгромили 17-ю и 19-ю немецко-фашистские танковые дивизии. Отступая, остатки этих дивизий часто двигались параллельно нашим маршрутам, а иногда и выходили на них.

Рано утром 18 января штаб достиг деревни Парадыз в 20 километрах юго-восточнее Пиотркува. Не успела длинная колонна машин втянуться в деревню, как по параллельной дороге, метрах в двухстах севернее, показалась в сопровождении бронетранспортера колонна гитлеровских машин — она сворачивала к Парадызу. Передний вражеский бронетранспортер ворвался на улицу. Офицеры оперативного отдела забросали его гранатами. Весь личный состав штаба атаковал колонну и пленил немало гитлеровцев. Нам удалось захватить автобус и в нем важные документы штаба 17-й танковой дивизии противника.

ЗНАМЯ ПОЛКА

**Анатолий
Дюженков**

Одним из первых с завода имени В. И. Ленина в Перми ушел добровольцем в Уральский танковый корпус член КПСС с 1930 года инженер Анатолий Дмитриевич Дюженков.

В 299-м минометном полку сержант Дюженков был командиром расчета и одновременно парторгом батареи, а с января 1945 года — парторгом дивизиона; в Берлинскую операцию и до окончания войны исполнял обязанности заместителя командира дивизиона по политической части. Награжден орденом Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды и семью медалями.

После войны Анатолий Дмитриевич работал в промышленности на административных должностях, в том числе — 15 лет директором завода, в настоящее время — в аппарате Министерства приборостроения.

Минометный полк совершал марш за Одером. Весь день 10 февраля 1945 года вражеская авиация наносила бомбовые удары по нашей колонне. Ожесточенный налет гитлеровцы произвели к вечеру под городом Порхау.

М. Москалев

М. Г. Давыдов

Солдаты прыгали с машин, укрывались кто где мог. Москалев и Давыдов притаились вблизи колонны, в которой вспыхнул грузовик, стоявший рядом со штабной машиной. Ветер нес к ней длинные ленты пламени.

— Сгорит знамя! — крикнул Давыдов Москалеву и выскочил из укрытия. — Скорее!

Налетевший «мессершмитт» застрочил из пулемета по штабной машине, к которой подбегали бойцы. Кузов окутал дым, когда Давыдов вцепился в борт. Что-то прожгло плечо, горящие обломки грузовика падали на спину, обжигали руки, и все же Давыдов сумел забраться за борт, найти ключ к ящику, в котором хранилось знамя. Пулеметная очередь прошила обшивку, покорежила крышку, ключ не мог совладать с замком. Давыдов схватил металлический стержень, продел его в ушко ключа — замок наконец подался. Взяв знамя, Давыдов спрыгнул на землю. Москалев помог раненому товарищу. Спрятав знамя на груди, сам раненный, он увлек за собой Давыдова подалее от дороги к лесу.

Все это произошло за какую-то минуту до того, как другой самолет спикировал на штабную машину, и она взлетела в воздух.

Раненых Давыдова и Москалева увезли в санчасть. Знамя у них принял сержант Цыба.

Всю ночь и следующий день колонна полка двигалась в составе передового отряда корпуса. Во встречном бою отряд разгромил части

полицейской бригады «Вирт» и 25-й танковой дивизии и ворвался в Зорау. На улицах — засады фольксштурмовцев. Фашисты стреляли из окон домов, с чердаков, отовсюду летели фаустпатроны.

В центре города командир полка Зыль развернул к бою все батареи.

Залпами минометов накрыли аэродром. Взвод танков захватил летное поле и 30 готовых к вылету самолетов. Радист Тарабаров посылал непрерывно в эфир позывные, пока связь с оставшейся в лесу частью полка не была установлена. Полковник Зыль вызвал начальника штаба. Радист передал ответ: «Майор Павлов следовал за вами. В его машине — знамя полка».

А майора Павлова все не было. Положение было тревожным. По лесу рассеяны немецкие части. Дорога опасна. На внешнем кольце города противник контролирует местность.

— Держать связь непрерывно! — приказал Зыль.

Вскоре поступило донесение: «Знамя не нашли, поиск продолжаем, прорваться к вам пока невозможно...»

* * *

В это время в кювете на лесной дороге очнулся сержант. Он ощущал себя, огляделся и вспомнил, что случилось.

У опрокинутой машины лежал с опаленным лицом шофер сержант Коновалов. Чуть подальше от него — огромное тело командира взвода управления старшего лейтенанта Зыля — младшего брата командира полка. В стороне — майор Павлов, начальник штаба полка.

Убедившись, что товарищи мертвы, сержант проверил автомат, собрал разбросанные обоймы и двинулся один пробиваться к полку.

В Зорау получили сообщение: «Поиски безуспешны. Знамени нет».

Молчал командир полка. Сумрачным ходил по комнате комдив Лапчук. В батареях солдаты спрашивали парторга:

— Что слышно с той стороны леса?

— Ничего нового.

— Неужели погибло знамя? — растерялся комсорг Ячейкин. — Расформируют полк, пропадет наша добровольческая слава...

А в лесу меж тем шел сержант, прислушиваясь к каждому звуку.

Надвигался вечер. За опушкой леса по дороге грохотали немецкие танки. Свернул в сторону, обошел холм, увидел город — это был Зорау.

Багровые тучи поблекли. Серая пелена скрыла силуэт города, дальний перелесок, холмы. Улучив момент, когда на дороге стих шум, сержант пересек ее. Настороженно, прижимая к груди автомат, шел он, готовый в любую минуту защитить знамя. На пустыре у города услышал немецкую речь. Остановился. С окраины донеслись выстрелы. Из ближних окопов ответили фашисты: «Значит, в городе наши». Обошел позицию противника и вскоре приблизился к домам.

Спасенное знамя минометного полка

— Стой! Кто идет? — услышал оклик.

— Свой! — ответил сержант.

В полночь сержант явился к командиру. Стоял измотанный, обесиленный.

— Начальник штаба и ваш брат убиты...

Лицо полковника с глубокими бороздами на лбу на несколько мгновений окаменело. С трудом разорвал он губы:

— Знамя?..

Сержант Цыба снял гимнастерку. Туловище его было стянуто красным полотнищем.

Не прошло и получаса, как в батареях узнали:

— Знамя — в полку!

* * *

Гвардейцы-добровольцы, спасшие боевое знамя минометчиков, были высоко отмечены Родиной. Михаила Григорьевича Давыдова наградили орденом Отечественной войны 1-й степени, гвардии сержанта Цыбу — орденом Красного Знамени. Цыба стал бессменным знаменосцем полка.

Под знаменем с орденами Богдана Хмельницкого, Кутузова и Красной Звезды минометчики прошли и родные земли и земли Польши, Германии и Чехословакии. Наше пробитое осколками знамя — свидетельство героизма добровольцев-пермяков — хранится священной реликвией в Музее Советской Армии.

Молодые уральцы! Будете в Москве, зайдите в музей, поклонитесь знамени и в памяти своей сохраните: «Тот жив, бессмертен тот, Отечество кто спас».

ТАК БЫЛ ЗАХВАЧЕН ГОРОД ТЕЙПЛИЦ

Григорий
Пигалев

Не новичком, бывалым воином во главе маршевой роты, в которой почти все танкисты воевали с 1941 года, прибыл лейтенант Григорий Пигалев в отдельный мотоциклетный батальон корпуса. В январе 1944 года он был назначен командиром штабной разведывательной танковой роты.

То была рота бесстрашных, отличившаяся в боях на Украине, в Польше, Германии, Чехословакии. Григорий Пигалев награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды (дважды) и двенадцатью медалями.

Живет и работает в городе Балашове, Саратовской области.

14 февраля 1945 года танковая рота в составе двух взводов и четырех бронетранспортеров совершала марш в направлении города Тейплиц, прикрывая с фронта оперативную группу штаба корпуса. В 7.00 дозорные танки под командованием старшего лейтенанта Коноплина подошли к окраине города и установили, что на станции происходит выгрузка эшелона с пехотой, там же стоят пять составов, в том числе два, готовые к отправке в глубь Германии. Эти данные были немедленно доложены командиру корпуса генералу Белову, который находился с оперативной группой штаба. Белов приказал разведчикам: атакой с ходу овладеть городом и закрепиться на западной окраине.

Бой протекал быстротечно. 4 танка и 3 бронетранспортера на высоких скоростях, ведя огонь из всех видов оружия, устремились вдоль главной улицы к центру города. Не давая фашистам организовать оборону, танки и бронетранспортеры пробились к вокзалу. Наводчик орудия старшина П. А. Будник метким выстрелом из танковой пушки разбил паровоз на выходных стрелках и закрыл путь отхода вражеских эшелонов.

Первым на вокзал ворвался танк старшего лейтенанта Федора Петровича Коноплина. Уничтожив охрану, Коноплин вошел в здание вокзала. В это время зазвонил телефон. Из Берлина спрашивались, прибыл ли эшелон с пехотой. Федор, зная немецкий язык, ответил с юмором, что эшелон прибыл благополучно, разгружен и уничтожен русскими танками. 3 танка и 2 бронетранспортера с одним противо-

танковым орудием, взводом автоматчиков успешно повели атаку по двум параллельным улицам и к 9 часам вышли на западную окраину.

В результате боя город был полностью очищен от противника. Освобождено около 500 военнопленных, среди них советские люди, французы, поляки. Уничтожено около 200 солдат и офицеров, 4 танка, 28 автомобилей. Захвачено 87 пленных, 6 эшелонов, 2 паровоза и много военного имущества. Разведчики понесли незначительные потери.

Разведчики и оперативная группа штаба во главе с командиром корпуса удерживали занятый город в течение 36 часов до подхода передового батальона 62-й Пермской танковой бригады.

В завершающих сражениях Уральского корпуса танкистам нашей роты приходилось решать задачи не только разведывательного характера. Так было и 20 марта 1945 года.

Роту подняли по тревоге и приказали атаковать противника в деревне Хубертусру — на стыке нашего корпуса и 21-й армии. Прорвавшись в эту деревню, подразделения танковой дивизии СС «Герман Геринг» поставили под угрозу штаб нашего корпуса, оперативную группу штаба 1-го Украинского фронта и тылы — их могли отсечь от вырвавшихся вперед частей нашего фронта. От результата боя зависело многое, и командующий 1-м Украинским фронтом генерал Иван Степанович Конев лично наблюдал за нашей атакой.

В 11 часов утра, после залпа дивизиона «катюш» и налета 18 бомбардировщиков, наша рота в полном составе танков, но без средств усиления, стремительно атаковала Хубертусру. В момент бомбового удара машины преодолели открытую местность и завязали бой за элеватор. Взвод под командованием старшего лейтенанта М. Тихонова обошел деревню и огнем из укрытий поддерживал атакующих. Не дав неприятелю опомниться после артиллерийского и авиационного удара, наши танкисты смяли его и соединились с танковым батальоном 6-го мехкорпуса. Путь для движения штабов и тылов был открыт.

Позднее командующий фронтом генерал Конев прибыл к нам, чтобы лично вручить награды за этот бой танкистам-разведчикам. Он благодарил их за смелую атаку.

А после того, как мы 18 апреля переправились через Шпрее, разведывательная группа из шести танков и двух бронетранспортеров уже действовала в направлении на Берлин.

Уничтожая мелкие подразделения врага, обходя его узлы сопротивления, наша группа к утру 21 апреля достигла Шпутендорфа — до Берлина оставалось 16 километров. В тот же день головной дозор под командованием Коноплина разведкал район Гютерготца, где обнаружил большое скопление противника, оборудующего оборонительные сооружения.

В ночь на 22 апреля в район разведывательной группы подошла 62-я танковая бригада, и вместе с ее передовым батальоном мы на следующий день вышли на канал Тельтов. Этот последний рубеж гитлеровцы обороняли с отчаянием смертников.

Здесь при разведке переправы был убит снайпер танкового огня

старшина Петр Андреевич Будник. На счету отважного воина-коммуниста было шесть уничтоженных немецких танков, из них два «тигра» и две «пантеры».

Накануне боев за Берлин Буднику вручили орден Красного Знамени. И вот любимца роты не стало. Мы похоронили его на берегу канала Тельтов, а позже его прах был перевезен в центр Берлина в Трептов-парк, где возвышается величественный монумент советскому солдату-освободителю.

Немало друзей боевых потеряли мы на длинном пути в фашистское логово, и среди них — экипаж комсомольского вожака роты младшего лейтенанта Федора Крестьянского. Его танк настолько близко подошел к колонне отступавших немцев, что они решили захватить в плен наших разведчиков. Танк Крестьянского был подбит. Экипаж, пытаясь исправить поврежденный двигатель, продолжал вести огонь. Израсходовав весь боевой комплект и не сумев запустить двигатель, экипаж под прикрытием дымовых шашек стал выходить из танка. Плотное вражеское кольцо не удалось прорвать. И когда подошли наши танки и заставили фашистов бежать с этого места, мы увидели, как дорого героический экипаж Крестьянского заставил врага заплатить за свою жизнь: 4 сожженных бронетранспортера, 2 разбитых орудия и 18 убитых гитлеровцев остались на поле боя.

И когда мы вошли в Берлин, а на рассвете 9 мая в Прагу, погибшие разведчики Уральского добровольческого корпуса были рядом с нами. Бессмертные, они приблизили День Победы.

★★★

В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ

Верхнесилезская операция стоила Уральскому танковому корпусу больших усилий и потерь в людях и технике.

4-я танковая армия генерала Лелюшенко, в составе которой воевали уральские добровольцы, приняла на себя главный удар вражеских войск, пытавшихся прорваться к окруженной Оппельской группировке.

Стремясь удержать западную часть Верхнесилезского бассейна — единственную оставшуюся в руках у фашистской Германии после потери Рура угольную и металлургическую базу, — гитлеровское командование подтянуло сюда несколько соединений, снятых с других участков фронта, в том числе 16-ю и 17-ю танковые дивизии, танковую дивизию «Охрана фюрера».

Против Уральского корпуса действовала дивизия «Охрана фюрера», на которую в Берлине возлагали особые надежды. Но уральские танкисты еще раз показали свое умение уничтожать лучшие соединения противника.

Свердловская бригада — в нее были сведены все оставшиеся в наличии танки других бригад корпуса — первая вышла в тылы Ратиборской группировки немецко-фашистских войск, взяла города Нойштадт и Реснитц. В тех упорных боях погибли заместитель командира корпуса гвардии полковник Нил Данилович Чупров, прославленный комбат пермских танкистов гвардии капитан Елкин и другие герои-танкисты. Здесь особенно отличились танкисты батальона Владимира Маркова, первыми ворвавшиеся в Реснитц.

В ожесточенных боях соединения 4-й гвардейской танковой и 60-й армий уничтожили к исходу 3 апреля 1945 года крупную Ратиборскую группировку противника, нависавшую над левым флангом 1-го Украинского фронта.

С потерей последней действующей кузницы вооружения — Верхней Силезии, как писал гитлеровский генерал Типпельскирх, у фашистской Германии была отнята последняя возможность продолжать борьбу в течение сколько-нибудь продолжительного времени.

Семнадцати лет Иван Александрович Кондауров пошел из ремесленного училища в полковую танковую школу. С лета 1944 года он механик-водитель танка Т-34 в Уральском добровольческом корпусе. Награжден орденами Славы и Отечественной войны. За мастерство и мужество в сражении на Одере удостоен звания Героя Советского Союза.

В марте 1945 года был тяжело ранен. После госпиталя демобилизовался, окончил техникум, партийную школу, педагогический институт. Доктор исторических наук. Преподает в Пермском государственном университете.

Познакомился я с Виктором Зиминым на одном из уральских заводов, где мы получали танки. Виктор был высок, крепко сложен. Его открытое лицо с чуть заметными следами оспы и чистый взгляд серых глаз говорили о бесхитростном характере. Родился Зимин в 1925 году в Самарканде. Военную службу начал в пехотном училище, а впоследствии прошел хорошую подготовку в Уральском военном округе.

Львовско-Сандомирская операция — наше первое боевое крещение. И хотя мы с Зиминым находились в разных экипажах и действовали на различных направлениях, мне доводилось слышать не раз о его смелости и мастерской стрельбе из танковой пушки. Вскоре его приняли кандидатом в члены партии. Он заслужил орден.

В Висло-Одерской операции наша часть начала боевые действия на участке Пешхница — Гуменище — Подлесье. После стремительного марша мы на ходу развернулись и приняли боевой порядок. Навстречу нам двигались два «королевских тигра». До них было километра полтора... Чтобы помериться силой с гитлеровскими танками, нужно сокращать дистанцию. Одна «тридцатьчетверка» пошла на риск. Командиром орудия на ней был Виктор Зимин, а механиком-водителем — молодой коммунист Михаил Серебряков.

Смельчаков поддерживали огнем два других экипажа. Вокруг вражеских танков поднимались фонтаны земли, мешая вести прицельный огонь. «Тридцатьчетверка» уверенно шла на сближение. Вот они, заветные 800 метров. Сделав замысловатый маневр, танк на несколько

секунд замер на месте. И сразу — выстрел, выстрел, выстрел... Один из «тигров» сник: его башню заклинило. «Тридцатьчетверка» рванулась вперед. Еще два выстрела. Вражеская машина запылала. Другой «королевский тигр» пытался уйти, но не успел развернуться: в его борт ударили снаряды...

Танк Серебрякова — Зимина наскочил на мину. Взрывной волной оторвало один из ленинцев, покорежило два опорных катка и несколько звеньев гусеницы. Пришлось обратиться к помощи полевой ремонтной базы. В это время и появился у нас в экипаже Виктор. Он выверил прицел, опробовал поворотные механизмы, вместе с заряжающим основательно поорудовал «банником», пополнил боекомплект. Зимин оказался на редкость «жадным» до боеприпасов. С этого времени нам пришлось возить по полтора, а то и по два боекомплекта.

В боях за Кельце наш взвод получил задачу — отрезать гитлеровцам пути отступления из города. На развилке дорог мы разделились — два танка во главе со взводным двинулись прямо, а мы свернули направо и натолкнулись на вражескую колонну. Впереди — бронетранспортеры, а за ними — автомашины с боеприпасами и продовольствием. Раздумывать некогда. Пошли на таран.

Через две-три минуты бронетранспортеры валялись в кювете и горели. Но нелепая случайность поставила нас в тяжелое положение: между левыми катками нашей машины попал огромный камень. Гусеница натянулась, как струна. Танк бросило в сторону. Потом он закрутился на месте: гусеница спала. Из-за автомашин показался вражеский танк, а из кювета — немец с фаустпатроном. Я выхватил пистолет, выстрелил в гитлеровца. В шлемофоне вдруг раздался восторженный голос:

— Готов! Горит!

Это уже относилось к вражескому танку.

За этот бой экипаж нашего танка был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени.

Когда развернулись бои в Верхней Силезии, в один из мартовских дней наш взвод вел разведку боем.

Задача была выполнена. Но за идущей впереди машиной потянулся багряно-красный шлейф дыма. В ту же минуту снаряд ударил в левый борт нашего танка, прошел броню и разворотил один из баков, к счастью, пустой. Вторым снарядом разбило коробку скоростей. Танк загорелся. Фашисты, считая, что с нами покончено, обрушили огонь

на третью машину. Виктор, не теряя времени, открыл огонь и первым же выстрелом уничтожил прислугу противотанковой пушки немцев, а двумя другими укротил «тигра».

Гитлеровцы после этого перенесли огонь на наш поврежденный, неподвижный танк. Когда вышла из строя пушка, мы стали выбираться наружу.

В танк один за другим угодили два снаряда. От взрывной волны и удара в спину и голову я потерял сознание. «А где же ребята?» — было первой мыслью, когда я очнулся. Взгляд остановился на башне разбитой машины. Виктор отчаянными усилиями пытался выбраться из люка. Я поспешил на помощь. Одна нога у Виктора была срезана, а другая, поврежденная осколками, застряла... С трудом высвободив и уложив раненого на землю, я стал накладывать жгут. Виктор, прерывисто дыша, посмотрел на меня и прошептал:

— Как «тигр»?

— Горит, горит...

— Порядок...

И мой товарищ умолк. Умолк навсегда.

ВАШИ ИМЕНА

**Теодор
Вульфович**

Начальник связи и командир взвода управления разведывательного батальона гвардии старший лейтенант Теодор Юрьевич Вульфович прошел вместе со своими товарищами-добровольцами весь боевой путь Уральского танкового корпуса, участвовал во многих разведывательных операциях, ходил в тыл к противнику. Награжден тремя боевыми орденами и четырьмя медалями. После войны закончил институт кинематографии, стал кинорежиссером и сценаристом, создал художественные фильмы: «Последний дюйм», «Мост перейти нельзя», «Улица Ньютона, дом 1», «Крепкий орешек», «Посланники вечности», а также ряд научно-популярных фильмов. Лауреат трех Всесоюзных и трех Всемирных кинофестивалей. За последние годы опубликовал несколько рассказов и очерков о гвардейцах-разведчиках.

В мае 1965 года в редакцию «Недели» пришло письмо, а в письме такие строки: «Все, что написал мой командир взвода, автор рассказа «2 часа 15 минут до полуночи», — истинная правда...» Письмо подписал Иванов Владимир Ильич, бывший помощник командира взвода.

Так мы нашли друг друга в двадцатую годовщину Победы.

Расскажу об одном боевом эпизоде, не слишком-то выпячивая роль очень достойного человека, каким, несомненно, является Владимир Иванов.

Хочется воздать должное всему отдельному гвардейскому мотоциклетному батальону корпусных разведчиков.

...Март 1945 года. Противник метался и рвался из Оппельнского окружения. Распутица держала колонны только на шоссе-ных дорогах и не давала развернуться. Вот тут-то разведбат гвардии майора Беклемишева получил срочное задание — захватить узел дорог в районе города Круг и держать его до подхода подкреплений. Надо было заставить противника свернуть с дорог на пахоту, предложить ему мягкую черноземную постель, принудить к сдаче на милость победителя или сразиться, а там уж видно будет, кто ляжет в эту неуютную чернь навсегда.

Командиром группы назначили гвардии старшего лейтенанта Василия Савченко, танки повел Григорий Пигалев, автоматчиками взялся командовать парторг батальона гвардии капитан Валентин Хангени. Старшему сержанту Владимиру Иванову повезло: он получил хорошую радиостанцию, которую мы установили на бронемашине. Три танка, четыре бронетранспортера, два противотанковых орудия и радионная бронемашинa составили разведотряд.

Разведотряд, приближаясь к узлу дорог, стал спускаться в ложбину, когда на разведку напали по ошибке свои родные «пешки» (бомбардировщики П-2). Пришлось пустить им навстречу сигнальные ракеты. Самолеты отвалили, приветственно покачав крыльями, вроде бы извиняясь, но отряд обнаружил себя и попал под яростный огонь противника.

Владимир Иванов тут же сообщил об этом в штаб.

Завязался встречный бой... Танки прокладывали дорогу, бронетранспортеры прикрывали огнем фланги, и автоматчики зацепились за первые дома. Противник отходил к кирпичному заводу, где по скоплению повозок и машин можно было предположить склад боеприпасов. Каждые 10—15 минут Иванов передавал радиogramмы о всех изменениях обстановки.

Бой прямо с марша всегда чреват неожиданностями. Внезапно появились два вражеских танка. Началась дуэль. Бронетранспортеры с орудиями на прицепе свернули в улицу, и артиллеристы стали разворачивать орудия к бою. Но не успели... Из-за сарая вырвалась группа вражеских автоматчиков... Два наших орудия остались на территории, только захваченной нами и тут же отбитой противником. Но об этом Иванов не спешил сообщать в штаб.

Капитан Хангени, чтобы исправить положение, собрал артиллеристов, несколько автоматчиков и повел их в контратаку. Рядом с ним бежал Владимир Иванов, оставивший станцию на попечение своего помощника радиста Виктора Ромейко. Не прошло и нескольких минут,

как орудия были отбиты. К счастью, они оказались исправными и их тут же в ходе контратаки развернули к бою. А два орудия с боеприпасами — это не пустяк. Исход первой схватки был решен в нашу пользу. Иванов вернулся к радиостанции. Командир разведгруппы доложил о выполнении первой части задания и просил подкрепления.

Рассвет принес минометный и артиллерийский обстрел, а вслед за ним началась атака противника. Иванов, включив радиостанцию, передавал в штаб подробные данные о всех перипетиях боя. Неся потери, противник яростно атаковал. По всему было видно, что он не собирается отдавать нам узел дорог.

— Потерпите немного,— кричал в микрофон Иванов,— они прут прямо на меня... Хотите послушать? Я сейчас!

Вместо привычной паузы в наушниках были слышны пулеметные очереди, словно Иванов прикрепил микрофон к кожуху своего пулемета. А затем — тяжелое дыхание и ровный голос Владимира:

— С нашего фланга все в полном... Не бегут, не ползут, ...а то ведь метров на сорок добрались... Атака противника отбита. У нас тоже есть потери.

На командный пункт уже с ночи стали сбегаться девчата, «наши — советские». Они тут же сообщали командирам подробные сведения о противнике, девчата знали здесь каждый дом, каждую ложбинку — их сюда пригнали, они здесь работали. Теперь все они стали резервом разведгруппы — перевязывали и переносили раненых, готовили пищу.

Вторая атака началась к середине дня. Противник нес большие потери, но все еще надеялся на успех,— в его действиях чувствовались напор и какая-то слаженность. Про такой бой говорят — «не на жизнь, а на смерть». На нашей стороне уже были и раненые и убитые.

Девчата молча, пригибаясь к мокрой земле, собирали убитых, укладывали их и прикрывали кого шинелью, кого плащ-палаткой. Иванов передавал цифры, десятками отсчитывая потери противника, а потом имена погибших товарищей.

По всему было видно, что воля противника надломлена и еще на одну такую атаку он уже не способен. Не дождавшись темноты, потеряв надежду на захват узла дорог, колонны врага, автомашины с людьми, бронетранспортеры, артиллерия пошли между двумя деревнями, прямо по открытому полю. Настал час разгрома. Наша артил-

лерия и пулеметы обрушили огонь на врага. В эфире слышался голос Иванова: «Подбиты 22 машины... Погодите — 23!.. Не пиши, не пиши — двадцать шесть!! Их головной танк подбит!.. Транспортёр горит! Ни одна машина не может пройти наш коридор!»

В штабе на радиостанции работал старший сержант Виталий Алексеевич Усик, и ему приятно было передать к исходу боя, после третьей атаки, радиogramму о представлении к наградам Василия Савченко, Григория Пигалева, Валентина Хангени, Владимира Иванова.

Под командованием гвардии майора, человека высокого благородства и достоинства, Нила Петровича Беклемишева, сражалось с врагом ещё немало славных разведчиков.

Память автора удержала не всех до единого, но многие имена невозможно забыть.

Озорной, а порой буйный Александр Медведев и его трагически погибший друг Александр Бабаев.

Раиса Бабенко (впоследствии и поныне Раиса Васильевна Курнешова) — одна из самых храбрых радисток-разведчиц первой передала радиogramму: «Вот она, Шпрее». Это была не радиogramма, а радостный боевой клич. Ее подруга Тося Светлакова получила последний осколок последнего снаряда, в тот момент, когда уже казалось, что все испытания позади.

Дважды спасший меня от верной смерти мастер вождения мотоцикла Сергей Гришин и его приятели мотоциклисты Борис Костин, П. П. Нассонов, Георгий Башкович.

Радисты-разведчики Штанько, И. З. Ковельман, самая молоденькая из всех нас Надя Кириллова и студентка Московского университета Таня Лизунова.

Отец трех воюющих сыновей, ушедший воевать вслед за ними, наш заботливый дядька уральский золотоискатель Петрулин; скептик и рассудительный В. Лапин, М. П. Горбалюк, Доминов, замечательные водители В. О. Талов и Гончар, самый скромный и самый верный в деле А. В. Ижболдин.

Потерявший ногу, но не потерявший веру в возможность достойного и справедливого шага по жизни Геннадий Ксенофонов (из Колпино) и чуть не сгинувшая рядом с ним, трижды раненная в течение двух минут, нашедшая невесту откуда силы, чтобы сражаться с врагом с вечера до рассвета, потом спасенная товарищами и трижды воскресшая в течение нескольких послевоенных лет санинструктор Тоня Прожерина (теперь Антонина Устюгова из уральского поселка Северский). ...И Василий Курнешов — адъютант штаба, верный страж порядка, организации взаимодействия в батальоне. Шалый и необузданный разведчик лейтенант Павел Гамбурцев и вечный рыцарь переднего края Абрамов.

Упорно идущий к цели и тихо посмеивающийся над окружающими и над собой комроты Василий Исаев, Борис Токачилов, Гоша Старостин и тихо клокочущий замкомбата Василий Концевой, и Пащенко, и В. А. Савченко.

Радисты-разведчики Раиса Бабенко (Курнешова) и Александр Медведев

Надя Кириллова

Для меня нет ничего выше доблести толстовского капитана Тушина, и судьба удостоила меня узнать и навсегда полюбить очень похожего на него человека. Это был уже немолодой лейтенант-минометчик, протопавший всю войну с ее первого дня — Долматов (как же это я забыл его имя и отчество?!). Последний раз я видел его, раненного, сильно пригнувшегося к земле, кругом было много раненных тяжелее, чем он, много убитых и мало тех, кто может им помочь. Он улыбнулся живым, отмахнулся от помощи и ушел через разбитое поле к виднеющемуся на горизонте просвеченному вечерним солнцем лесочку — с тех пор я больше его никогда не видел.

Таких людей, как Долматов — незаметных в обыденной жизни, ярких, вдохновенных, самоотреченных в бою, не чувствующих своей безмерной ценности и нужности окружающим, — таких людей не забывают...

Как мне помянуть добрым словом всех вас, мои дорогие, боевые друзья, как не пропустить кого-нибудь, как написать так, чтобы яркость и пылкость одних не затмила бы тихой и беззаветной скромности служения долгу других?.. Наберитесь терпения и всмотритесь в буквы каждой фамилии, каждого имени, может быть, в таких книгах, как эта, должны появиться десятки страниц с Вашими Именами, и ни одного пустого места — все листы испещрены фамилиями, как стены рейхстага в сорок пятом, как стены в Пантеоне Славы на Волге...

Поэтому я буду еще и еще перечислять имена, может быть, это кому-нибудь нужно...

Иван Белоус, ты погиб в тот миг, когда, спасая своего командира, прыгнул что было силы через кювет, последний удар застиг тебя в прыжке.

Алексей Романченко, ты нестигаемый, кричащий и хохочущий, чем тяжелее был бой, тем веселее становился ты. Сгорел нескораемый уже на подступах к Германии.

Зайдаль Лейбович, ты одним из первых строил Минский автомобильный завод, ты мечтал о лучших автомобилях в мире, ты потерял всех своих родных в оккупированном Минске... Потом мы потеряли тебя. На первых километрах немецкой земли. Маленький осколок проник прямо в сердце. Оно у тебя было слишком большое, в него нетрудно было попасть. Ты сам говорил: «Большое сердце — всегда большая мишень».

Василий Лысиков, ты был и остался беззаветным искателем правды и справедливости, ты не любил балагурить и не любил бранные слова, но любил всех нас, безудержных балагуров и сквернословов... Страшные люди — враги. Они тебя расстреляли. Замешкались бы еще несколько минут, и мы поспели бы к тебе на помощь... В крайнем случае мы бы отправили их в лагерь для военнопленных, а тебя бы отправили в госпиталь...

Иосиф Идельчик — наш медицинский бог! Чего это ты, такой рассудительный и спокойный, вырвался черт знает куда с передовыми танками? И ведь ты знал лучше нас, что самое неприятное ранение, это ранение в брюшную полость. Ведь не будь того смертельного ранения, ты бы пил и веселился с нами, обязательно влюбился бы и... жил.

Виктор Кожин, ты здорово сражался в ту ночь 9 апреля 1944 года с напоравшейся на наш штаб разведкой противника. И ты тихо опустился тогда на землю и не смог идти с нами дальше...

А водитель Дорогов?... — 10 апреля...

А водитель Ширинский из Полтавы?..

А парторг роты, мотоциклист, бывший директор совхоза под Невьянском Михаил Иванович Халдин? Жизнь этого бесстрашного человека оборвал осколок.

Хотелось бы назвать всех до единого товарищей по оружию. Ведь когда в строю на вечерней поверке не хватает хоть одного человека, его ищут, о нем беспокоятся, его ждут.

Мне трудно отделить живых шагающих по жизни от тех, что оставались и замерли навсегда на нашем длинном пути от Урала до Берлина и Праги.

А еще один сержант Иванов из мотоциклетной роты, разведчик, с которым мы так славно забрались в штаб вражеского батальона на окраине Фридриховки 16 марта 1944 года.

А еще один Иванов — тихий командир танка из роты Пигалева, который почти случайно доставил нас на броне своего танка прямо в тыл немецкой противотанковой батарее 21 марта 1944 года в Остапе; он тихо подбил «тигра» на станции Гримайлов 22 марта 1944 года (тихо, потому что кругом гроыхало танковое сражение)...

И еще несколько Ивановых только в одном нашем батальоне, и среди них тот, о котором написан этот очерк — Владимир Иванов, бывший гвардии старший сержант, проживающий ныне в городе Жуковском под Москвой. Тот самый Иванов, который был всегда рядом с теми, что шли впереди самых передовых отрядов.

Прошло с тех пор более 26 лет, четверть века — это срок! Старшие лейтенанты стали полковниками, солдаты и сержанты — инженерами, техниками, учителями, художниками; парторги — организаторами и руководителями; выросли их дети и появились внуки... а боевые мальчишки — младшие сержанты, младшие лейтенанты, погибшие в минувших боях, в этом гигантском сражении, навсегда остались боевыми мальчишками.

Они никогда не изменят своего звания, их нельзя повесить, нельзя понизить — они вечно будут пребывать в высшей должности и высшем звании защитников Родины.

ТРИ ФОТОГРАФИИ

Надежда
Малыгина

Наверное, нет такого уголка на земном шаре, где не знали бы этот краткий адрес: Волгоград, Дом Павлова.

Дом Павлова восстановлен и заселен. И если вы позвоните в квартиру № 1, вам откроет дверь улыбающаяся, радушная хозяйка — бывшая медсестра танковой роты Пермской бригады, ныне член Союза писателей СССР Надежда Петровна Малыгина.

Книги Малыгиной «Сестренка батальона», «Четверо суток и вся жизнь», «Двое и война», сборники рассказов «Вторая любовь» и «Ливни умывают землю» доносят до читателей дыхание сражений с фашизмом. В 1971 году на Всесоюзном конкурсе Надежда Малыгина удостоена премии имени Александра Фадеева.

Надежда Петровна была пять раз ранена, контужена. За участие в боях награждена орденом Красной Звезды и пятью медалями, за доблесть в труде — медалями «За освоение целинных земель» и Юбилейной — к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Одна комната в моей квартире потихоньку превращается в военный музей. Фотографии однополчан я стала собирать недавно. А вот среди тех нескольких фотографий, что подарены мне товарищами на фронте, есть две, с которыми связаны особенно яркие воспоминания.

На одной — лейтенант с гвардейским значком и орденом Отечественной войны, головастый, но узкоплечий и худенький — совсем мальчишка — с чуть виноватой улыбкой. На другой — трое. Тот, кто стоит подбоченившись, ступив правой ногой вперед и положив левую руку на спинку стула так, чтобы видны были часы, кажется мне давним другом, хотя видела я его только дважды. На обеих карточках одна и та же дата: 30 марта 1945 года.

Картины многих боев потускнели со временем в памяти, стерлись дни и числа, но то, что было 30 марта, помнится хорошо, и именно потому, что есть эти фотографии.

...После полуторамесячных боев в нашем батальоне осталось четыре машины. Четыре танковых экипажа удерживают высоту, вклинившись далеко вперед во вражескую оборону. На высоте фольварк — помещичье имение: двухэтажный дом, огромный пустой коровник, еще какие-то постройки. Танкисты сидят в машинах голодные, скованные вражеским огнем. НЗ — неприкосновенный запас сухарей и консервов — съеден утром первого дня, а теперь на исходе третьей сутки обороны. И в помещичьем доме нет ничего съестного, кроме соли и эрзац-кофе. Все с нетерпением ждут атаки. Любой, самый тяжелый бой кажется легче, чем нервное, напряженное ожидание его.

Ночь. Автоматчиков у нас нет. А у противника есть. Они могут в темноте подползти незаметно, уничтожить танки. Поэтому два человека из экипажа дежурят в окопах, а двое остаются в машине.

Каждую ночь вдоль дороги, ведущей в фольварк, завязывается перестрелка — ребята из сгоревшего в последнем бою танка пытаются доставить нам еду.

В подвале нас трое: начальник штаба, увязавшийся с батальоном в атаку, офицер-танкист без машины и я. Молчим. Говорить, двигаться, думать не хочется. Растянуться бы и лежать неподвижно. И еще — избавиться бы от тупой, сосущей пустоты в желудке. Жую соломинку, но это не помогает. Противник ведет по фольварку огонь. Стены подвала и пол дрожат от разрывов. Входит комбат капитан Елкин. Страхивая с себя штукатурку, говорит, что радировал замполиту, велел никого больше к нам не посылать.

— Трое погибли, пытаюсь доставить нам продукты, — сообщает он. Потом комбат водит по карте пальцем и говорит начальнику штаба что-то о наступлении. Они поднимаются.

— Ну, что ж, пора...

Выходим из подвала. Ночь густая, черная. Через равные промежутки времени темнота прочерчивается косяком трассирующих пуль. Вдоль шоссе, связывающего нас с тылами, повисают ракеты, и тогда вокруг становится светло. Мы жмемся к стене. Потом чернота снова окутывает холм. Тишина. Ее разрывает рокот моторов, лязг гусениц. Наши танки выходят из укрытия, выстраиваются на дороге. Значит, в бой!

На самых малых оборотах, почти бесшумно, двигаются машины вперед. Дорога кажется бесконечной потому что, пройдя несколько метров, танки останавливаются; командиры, высунувшись из люков, вслушиваются в ночь. Тревожно. Мне все чудится, что слева, снизу, от подножия холма, доносится гул моторов. Когда наши машины останавливаются, гул этот прекращается, но чуточку позже. «Наверное, это от голода звенит в ушах», — думаю я. Но гул слышали и другие. Комбат прыгнул с танка, внезапно остановил машины, и приглушенный рокот стал слышен отчетливо. Орудия «тридцатьчетверок» заскользили влево.

Но стрелять комбат запретил — может, это свои...

Долго шли так: мы по верху, те — по дороге у подножия холма.

— Слушай! — все требовал комбат от взводного, лейтенанта Лимаренко. Тот слушал и отвечал одно и то же.

— Ей-бо, не разобрать. Чи наши, чи не наши...

Вдруг оттуда полоснул пулемет. За ним сразу же бахнула пушка. Снаряд разорвался далеко, но осколком капитану Елкину разорвало ухо.

— Еще побьем друг друга. Надо кому-то ползти, разведать. Вдруг — наши...

Я понимаю: послать некого. Не из экипажа же брать человека. Значит, надо мне.

Н. М. Егоров (слева) среди боевых товарищей

Алексей Оникненко

Павел Кулешов

— Разрешите, товарищ капитан, я разведую.

— Давай,— помедлив, отвечает он.— Только будь осторожна.

Ползу. Сердце стучит неистово. Молю: «Хоть бы не заминировано!.. Хоть бы не ударил пулемет!.. Хоть бы не полоснули из автомата!..» Ползти с холма вниз неудобно. В голове гудит, она будто распухла от прилившей к ней крови. Дыхание шумное, свистящее. Наверное, это от слабости. Стараюсь не думать об опасности и все-таки упорно думаю о ней. Может, поэтому неясные, расплывчатые силуэты танков возникают как-то неожиданно. Кажется, «тридцатьчетверки»... Или нет, не «тридцатьчетверки»... Надо проверить, а как? Передохнув капельку, чтобы не сорвался голос, ору что есть мочи: «Эй, если вы наши, то чего в своих стреляете? А если фрицы, то сдавайтесь! У нас аж тридцать танков!» И, вжавшись в землю, жду пулеметной очереди. А в ответ — хохот, и нестройное: «Ура! Наши!» и какие-то непонятные, слившиеся воедино, но родные, русские слова. На вершину холма, переступая через меня, бегут солдаты. Я поднимаюсь и медленно бреду за ними.

Через несколько минут разведрота с десантом уходит дальше влево, а мы — уже на полном газу — мчимся к деревне. В это же время возникает артиллерийская стрельба справа и слева — начинается наступление на флангах. Наши танки завязывают бой. Оставив четы-

ре горящие машины и несколько бронетранспортеров, немцы отступают.

Деревня называется Остердорф. Змейкой лежит она в ложбине меж холмов. Рассвело. Наши танки покалечены. У одного лепестками распустился ствол пушки. У другого заклинило башню: машина стоит прямо, а пушка смотрит вправо. В третьем разбита рация. А где же четвертый?

— Подорвался на mine, — сообщает кто-то.

Машины занимают оборону, а я отправляюсь искать подорвавшийся танк. Ребята, наверное, ранены... Поднявшись на пригорок, вижу: идут двое танкистов с тяжелой ношей на руках... Пока я перевязывала раненых, и пока мы хоронили погибших, начался неистовый артиллерийский и минометный обстрел. Мы сунулись в подвал одного дома, второго, но подвалы оказались затопленными. Не найдя надежного укрытия, мы снова выскочили на улицу, и нас сразу же оглушил рев вражеских танков, которые цепью сползали с бугра...

Потом, уже после войны, я узнала, что это был целый танковый полк СС «Великая Германия». Танкисты приняли этот ужасающе неравный бой, о котором в одном из архивных документов говорится: «Отряд гвардии капитана Елкина М. И. погиб в Остердорфе, но не отступил с занятых рубежей». А тогда со сжавшимся сердцем стояли мы за стеной крайнего дома и смотрели, как две последние «тридцатьчетверки» вели бой. Машина с заклиненной башней маневрировала между взрывами, резко разворачивалась боком, стреляла и снова мчалась, но тут же снова разворачивалась для выстрела. Другая — та, что без радиации, — шла на задней скорости медленно, будто отползала, тяжело раненная, и била с ходу. А по деревне, по ее улицам и переулкам растекались вражеские танки... Чтобы не попасть в плен, решаем стреляться. Вытаскиваем пистолеты. Нас останавливает относительная тишина, наступившая на улице, которую надо перебежать. Я продвигаюсь к углу дома, выглядываю: никого!

— Бежим, ребята! — Но сделать удалось только один шаг. На улицу, строча из пулемета, вынырнул вражеский танк. У меня подкосилась левая нога. Боли не было, и, лишь увидев дырку на комбинезоне и почувствовав тепло крови, я поняла: ранена...

Более пяти часов ползли мы к своим. Сваливались в окопы, ножами делали ступеньки, чтобы выбраться, и снова ползли. Немцы заметили нас и открыли огонь из миномета. Видимо, сообразив, что мы тяжело ранены, они, развлекаясь, клали мины по кругу: впереди, справа, слева, позади — так, чтобы нас медленно, постепенно убивал град осколков.

...Очнулась я на чьих-то руках. Сержант с орденом Славы на гимнастерке, нес меня, не пригибаясь, и я поняла, что мы — на другой стороне холма. Вторично очнувшись на руках какого-то старшего лейтенанта. Потом я лежала в доме на перине, а старший лейтенант поил

меня консервированным компотом и кому-то говорил, что срочно нужна лошадь. Потом было темно и душно. «Наверное, танк проутюжил нас, когда мы упали в окоп», — думала я, приходя в сознание. В следующий раз я очнулась от дикой тележной тряски и поняла, что жива. Надо мной голубело небо, я лежала на телеге, укрытая периной, а лошадь неслась под обстрелом, и осколки — их было восемнадцать — бредили раны.

Через две недели — уже в госпитале — танкисты навестили меня. Они рассказали, что батальон тогда же, 30 марта, выведен на формирование, что пополнение уже пришло, танки получены и теперь — по всему видно — будет большое и последнее наступление — на Берлин!

В то утро с помощью танкистов я убежала из госпиталя. В батальон мы прибыли поздно ночью. Я ищу санчасть. В глаза ударяет и задерживается на моем лице яркий луч карманного фонаря. И вдруг — изумленный возглас:

— Хо, кого я вижу? Привет, сестренка! Не узнаешь? А я-то тебя на этих вот самых руках... — Это сержант Николай Михайлович (так он представился) — Егоров, тот самый, с орденом Славы на груди. Тогда-то он и подарил мне карточку.

В первый день наступления я снова была ранена. К тому же открылась рана в ноге, да еще оказалось, что в плече сидел осколок, который в госпитале не нашли и от которого развилась флегмона....

В госпитале я узнала, что меня в бессознательном состоянии подобрал ехавший на машине начальник штаба бригады подполковник Макшаков.

И опять операция. А утром в палате я услышала рассказ лейтенанта о том, как однажды пулеметы его танковой разведроты чуть-чуть не полоснули по разведчице, которую он, его танкисты и десантники приняли за немца, хотевшего подорвать «тридцатьчетверки».

— Я не разведчица, а санинструктор, — не выдержав, встала я.

В Зорау, где находился госпиталь, была фотография. Лейтенант сфотографировался и подарил мне карточку, написав на обороте: «Надя, помни «мою разведку» на фольварк и Остердорф. Алексей». И роспись.

За четверть века я забыла фамилию лейтенанта и, когда приехала в Свердловск на юбилей нашего корпуса, показала карточку Герою Советского Союза Григорию Чесаку.

— Алеха Оникиенко! — воскликнул Чесак. — Мы с ним после войны вместе в академии учились.

Оникиенко... Теперь уже не забуду. Только где он, Алексей Оникиенко?..

А в 1969 году меня пригласили во Львов на 25-летие его освобождения. Там встретила я показавшегося мне знакомым человека.

— И я видел вас где-то, — сказал он. И вдруг я вспомнила:

— Паша Кулешов! Из нашей Пермской!

— Да, Кулешов. Только не из Пермской, а из Челябинской.

— Но я никого не знаю в Челябинской бригаде, — растерянно про-
бормотала я. — Тогда откуда мне знакомо ваше лицо?..

На другое утро генерал армии Лелюшенко пригласил большую
группу ветеранов на завтрак.

— Пусть это будет утро воспоминаний, — сказал Лелюшенко.

— Пусть каждый из вас расскажет о самом трудном, самом памят-
ном для себя бое.

Я рассказала о 30 марта. Когда речь дошла до вишневого компота,
Павел Кулешов положил руку на мое плечо:

— Дальше рассказываю я... мы сменили какую-то часть. Надо
идти в атаку. Но куда девать израненную девчонку? Как оставить ее
одну во вражеском селе? Я решил замаскировать ее — накрыл пери-
ной, а сверху еще покрывало расстелил...

Так вот почему, когда я пришла в себя, мне было темно и душно.
Вот откуда почти четверть века хранились в моей памяти лицо и имя
Павла Кулешова.

Теперь к двум фотографиям, напоминающим мне о 30 марта 1945
года, прибавилась еще одна. На ней надпись: «Надюше, моей крест-
нице, которую я спасал во время Отечественной войны, на долгую
добрую память в день встречи на 25-летнем юбилее освобождения
Львова, от фронтового друга, Героя Советского Союза подполковника
Павла Кулешова. 27 июля 1969 г.».

★★★

УРАЛЬЦЫ В БЕРЛИНЕ

Вокруг Берлина враг создал мощную глубокоэшелонированную систему обороны. Этому благоприятствовали серьезные водные рубежи — Нейсе и Шпрее, а непосредственно на подходах к Берлину — крупные озерно-лесные массивы, канал Тельтов, река Хавель. Все подступы к городу, важнейшие населенные пункты, узлы дорог, проходы в лесных массивах противник до предела насытил противотанковыми средствами.

Понеся тяжелые потери в предыдущих боях, корпус получил новую боевую технику, пополнился людьми, но целиком не был укомплектован. Опыт, воинское мастерство, накопленные в предыдущих сражениях, восполняли этот недостаток — корпус оставался мощным танковым соединением, способным решать самостоятельно боевые задачи.

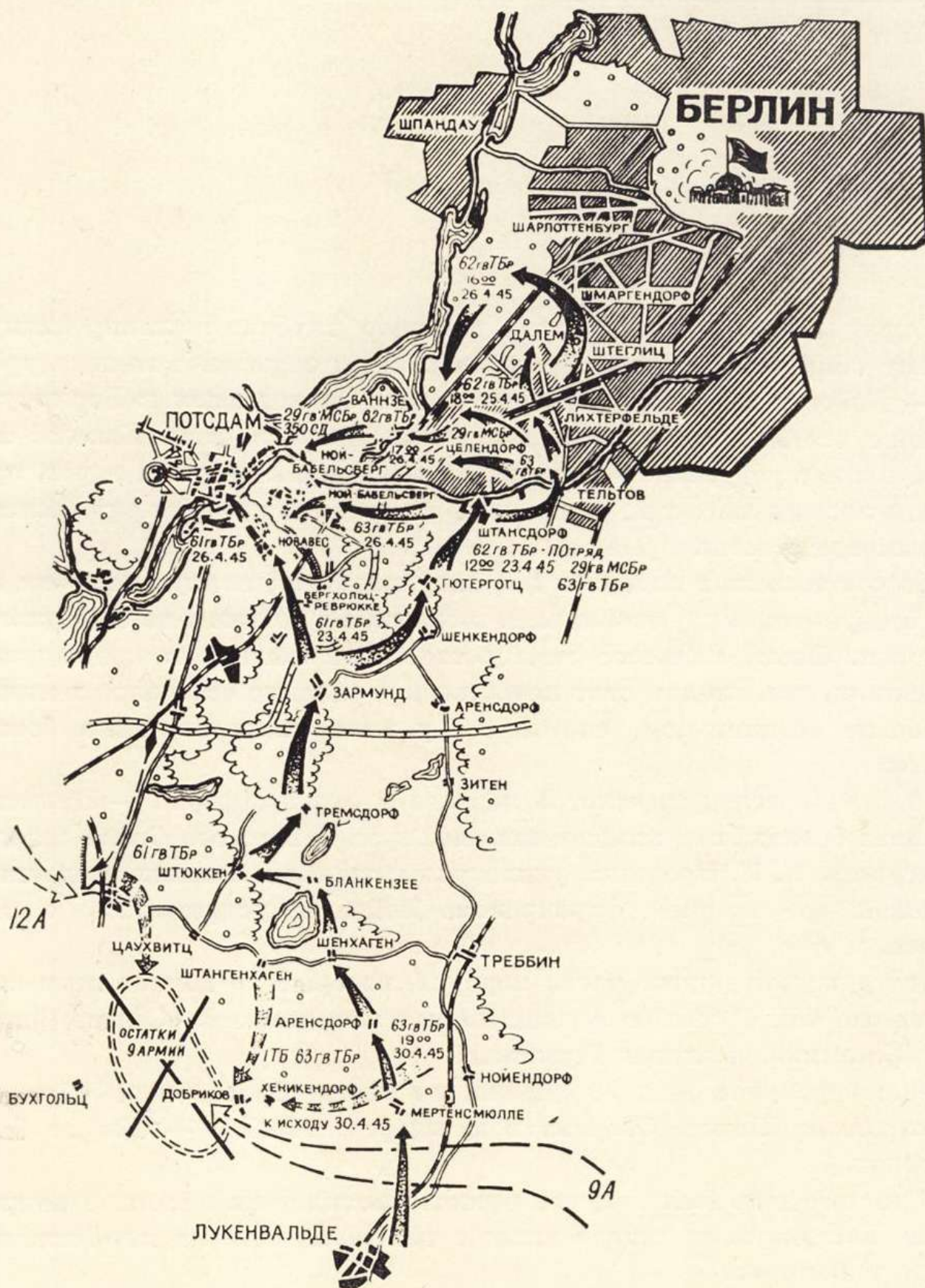
16 апреля вслед за пехотой передовой отряд корпуса — Пермская танковая бригада под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника И. И. Прошина, усиленная тяжелыми танками и противотанковой артиллерией, форсировала Нейсе и устремилась к реке Шпрее.

Вслед пошли другие части корпуса, которые до Шпрее вели ожесточенные бои с контратакующими частями дивизий «Охрана фюрера», «Богемия», «Великая Германия».

Уже через два дня, 18 апреля, танкисты Свердловской бригады форсировали Шпрее. Оборона в междуречье Нейсе — Шпрее была прорвана.

В тот же день был получен приказ командарма: изменить направление, наступать на северо-запад с целью выхода на юго-западную окраину Берлина.

Части наступали лесами, болотами, шли днями и ночами, беря город за городом: Каллау, Люккау, Луккенвальде, Зармунд, и юго-западные окраины Берлина — Штансдорф, Целендорф, Лихтерфельде,

Бои за Берлин

Штеглиц. Свердловская танковая бригада заняла юго-восточную часть Потсдама.

За восемь дней корпус прошел с боями более 300 километров, форсировав Нейсе, Шпрее. Первой на окраину Берлина — Штансдорф, к каналу Тельтов, вырвалась Пермская танковая бригада. За ней туда подошли Челябинская танковая и мотострелковая бригады. Пермские танкисты и унечские мотострелки форсировали канал Тельтов и совместно с 350-й стрелковой дивизией захватили остров Ванзее.

Челябинская бригада овладела Бабельсбергом, где вместе с тысячами заключенных концлагеря освободила бывшего премьер-министра Франции Эдуарда Эррио и его супругу.

Свердловская и Челябинская танковые бригады и корпусные части участвовали в разгроме армии Венка и окруженной юго-восточнее Берлина 9-й армии врага.

Успешно выполняя боевые задачи, Уральский корпус нанес в Берлинском сражении огромный ущерб гитлеровским войскам. Было уничтожено 18 209 вражеских солдат и офицеров, захвачено 18 134 пленных. Уничтожено 785 автомашин и бронетранспортеров, 16 самолетов, 33 средних танка, 10 танков «тигр» и 8 танков «пантера», 27 самоходных орудий, 60 минометов, 52 орудия и много другой военной техники.

За участие в Берлинской операции корпус был награжден орденами Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени. 29-я мотострелковая бригада награждена орденом Красного Знамени и орденом Ленина, Свердловская танковая бригада — орденом Ленина, Пермская танковая бригада — орденом Кутузова 2-й степени, Челябинская танковая — орденами Суворова и Кутузова 2-й степени.

*Звезды
героев*

ОТ ОРЛА ДО ПРАГИ

АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ ЕФИМОВ

С именем А. И. Ефимова связана вся славная боевая история 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады.

Назначенный в марте 1943 года начальником штаба бригады, под-

полковник Ефимов принимал активное участие в подготовке добровольцев к сражениям. Под Орлом вместе с полковником Михаилом Семеновичем Смирновым обеспечивал успех, пожалуй, самых трудных боев бригады, а с гибелью комбрига ранней весной 1944 года стал командиром бригады.

Он отлично знал слабые и сильные стороны офицеров, многих сержантов и солдат, посылал их туда, где они приносили наибольшую пользу. Когда требовала обстановка, он находился в самом пекле, среди отважных воинов бригады и появление его, горячее слово и личный пример комбрига воодушевляли, звали на новые подвиги.

Одер. Батальоны только что перешли по льду на вражеский берег. Они еще штурмуют доты противника на узкой прибрежной полосе, а полковник Ефимов с оперативной группой штаба уже превратил один из захваченных дотов в командный пункт и приказывает начальнику инженерной службы майору Сучкову соорудить временную переправу. Это была в то время главная задача, от успешного решения которой зависел исход боя.

Комбриг идет с саперами на лед реки, чтобы ускорить возведение переправы под бомбежкой и вражеским артиллерийским обстрелом. Скорее, чем когда бы то ни было, за несколько часов, переправа была готова. По ней в тот же день перешли Одер артиллерия бригады и 299-й минометный полк.

За умелое руководство боевыми действиями бригады при взятии Берлина и освобождении Праги Андрею Илларионовичу Ефимову присвоено звание Героя Советского Союза.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАРКОВ

Фронтной путь командира танка двадцатилетнего лейтенанта Владимира Маркова начался с первого боевого выстрела уральских добровольцев 27 июля 1943 года. Завершился он 9 мая 1945 года, когда комбат Герой Советского Союза гвардии капитан Владимир Александрович Марков влетел со своим батальоном — передовым отрядом Свердловской танковой бригады — в Прагу.

С каждым боем росло боевое мастерство Владимира Маркова. В Каменец-Подольском он показал образцы умелого маневра, в Лисуве проявил себя как организатор стойкой активной обороны, в Рестнице его батальон отлично справился с задачей окружения подразделений противника.

В сражении за Берлин командирский талант Маркова расцвел, как та бурная весна сорок пятого.

Подступы к Потсдаму преграждал город Зармунд. Батальон Маркова — передовой отряд Свердловской бригады — ночью остановился в близком от города лесочке.

Задержанный немец рассказал, что на окраине Зармунда находится авиационное училище, в ангарах которого много самолетов, что на чердаках и в подвалах городских зданий засели фаустники, а на подступах к городу закопаны танки.

Марков задумал дерзкий план захвата города. Взяв с собой трех автоматчиков, он пополз к окраине, где на фоне синего ночного неба вырисовывались очертания больших сооружений. «Должно быть, ангары, о которых говорил немец... Пробраться бы, забросать гранатами, а там — паника, и наши танки...» — прикидывал Марков, подползая с автоматчиками к ангарам.

Притаившиеся на опушке танкисты увидели взрывы и две ракеты в сторону леса. Марков сигнализировал: «Мчитесь на меня!»

Зармунд был захвачен почти без боя, а утром свердловские танкисты уже были на южной окраине Потсдама.

В Беелитце на батальон Маркова шли более тысячи гитлеровцев армии Венка, пытавшейся пробиться к окруженной южнее Берлина 9-й фашистской армии. Марковцы не пропустили ни одного из той тысячи.

В наградном листе, написанном комбригом Зайцевым, читаем:

«В боях за Берлин батальон Маркова, действуя в передовом отряде бригады, блестяще осуществлял все боевые прорывы и нанес врагу следующий урон: уничтожено солдат и офицеров 1100, пленено 320. Уничтожено танков 11, самоходных орудий 5, самолетов 5».

Несколько лет тому назад полковник Марков скончался после тяжелой болезни в Тбилиси. Память об этом прекрасном коммунисте, отважном воине, танковом асе Уральского добровольческого корпуса с любовью хранят в своих сердцах все ветераны-добровольцы.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ШУЛЬЖЕНКО

Командуя 1689-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, в марте 1945 года преобразованным в 425-й гвардейский, гвардии полковник Н. С. Шульженко многое сделал для умножения боевой славы этой части. Артиллеристы Николая Семеновича Шульженко наилучшим образом показали себя в боях за Львов, на Одере и Нейсе, при штурме Берлина.

2 мая, когда две тысячи гитлеровцев, вырываясь из окружения, вышли на лес северо-западнее Шанкенсдорфа (там располагался штаб нашей четвертой танковой армии), гвардейцы полка шквальным огнем накрыли вражеские цепи. Фашисты понесли огромные потери.

В этом бою, как и во многих других, личная храбрость полковника Шульженко воодушевляла артиллеристов на разгром врага.

За героизм, проявленный в битве за Берлин, Николай Семенович Шульженко удостоен звания Героя Советского Союза.

С первых дней войны Андрей Илларионович Ефимов — на фронте. Дважды ранен и тяжело контужен. В сражении на Волге был офицером связи Генерального штаба при Сталинградском фронте.

С момента формирования Уральского добровольческого корпуса и до последнего дня войны начальник штаба, а затем командир 29-й мотострелковой бригады.

В 1960 году (после увольнения в запас) по путевке ЦК КПСС поехал на целину, возглавлял крупный зерносовхоз.

Сейчас работает в Киеве начальником штаба гражданской обороны.

Кто из нас, фронтовиков, за время войны не сверлил глазами кружок на карте с надписью Берлин?! Кто не вынашивал, не лелеял мечту добраться до логова зверя, схватить его за горло и навсегда покончить с проклятым фашизмом, принесшим столько бед, столько крови советскому народу и всему человечеству?!

И вот он, Берлин! И мы, советские воины, мы, гвардейцы Уральского добровольческого танкового корпуса, штурмуем его.

В полдень 23 апреля, сломив сопротивление врага, Пермская бригада ворвалась в Штансдорф. К вечеру туда вошли Челябинская танковая и наша мотострелковая бригады. Вскоре челябинцев направили несколько западнее нас. Свердловские танкисты штурмовали Потсдам с юга, а нам было приказано с боем форсировать канал Тельтов в районе Штансдорфа, у разрушенного железнодорожного моста, захватить плацдарм и обеспечить переправу танков на вражеский берег.

Нам нужно было учесть трудности форсирования канала Тельтов, который начинается у Потсдама и огибает почти всю южную окраину Берлина. Северный берег канала нависает над водой чуть ли не сплошными железобетонными стенами заводов. Он оцетинился дотами, врытыми в землю танками и самоходками, орудиями и минометами. Колченогий Геббельс ежечасно трубил по радио, что на этом последнем рубеже к Берлину будут задержаны и уничтожены русские.

А эсэсовские офицеры — те разговаривали с немецкими солдатами проще: «Кто отойдет от канала на шаг, будет расстрелян...»

24 апреля в 15.00 артиллеристы и минометчики обрушили огонь на вражеский берег. Танкисты Пермской бригады стреляли через канал с дистанции 200—300 метров по огневым точкам противника. Первыми достигли канала и начали сооружать штурмовой мостик саперы взвода младшего лейтенанта Воронцова.

От вражеских снарядов и мин дыби-лась земля, но среди саперов безотлучно находился талантливый организатор наведения переправ инженер-майор Сучков. Его бесстрашие и умение работать в любых условиях воодушевляли людей. По шее в воде, цепляясь за фермы взорванного моста, саперы крепили узкие легкие мостки. Минут двадцать пять длилась работа, и не успел отгреметь последний залп артподготовки, как по штурмовому мостику бросились в атаку солдаты нашей Унечской бригады Корченкин, Нагорный, Гук, командиры взводов Кувшинов и Ромашов... Но на тот берег прорвалось не более восемнадцати человек...

И опять саперы возводят переправу — временку. На этот раз по ней бросилась на штурм группа в сто комсомольцев — автоматчиков во главе с моим заместителем гвардии подполковником Романом Никитовичем Сердюком. Сильный огонь обрушился на храбрецов, захвативших несколько метров вражеского берега. Гитлеровцы разрушили переправу, стали сбрасывать наших комсомольцев в канал.

Отражая натиск врага, Роман Сердюк пал смертью героя. Он воевал с первых дней войны, был старшиной, стал подполковником — командиром части, но не удалось храброму воину вместе с нами отпраздновать День Победы.

Неоднократные попытки нашей бригады и других частей корпуса переправиться в районе Штансдорфа успеха не имели. Чтобы не допустить лишних жертв, наша Унечская, Пермская и Челябинская танковые бригады переправились через канал восточнее, на участке 3-й гвардейской танковой армии, которая форсировала эту водную преграду раньше нас. Преодолевая упорное сопротивление противника, уральцы продвигались вперед. К концу дня 25 апреля заняли район Берлина — Целендорф.

В этот же день советские войска, замкнув севернее Потсдама кольцо окружения и соединившись на Эльбе с войсками союзников,

рассекли надвое центральную группировку войск, защищавшую столицу Германии. Одна часть этой группировки была окружена в районе Берлина, другая — в лесах, юго-восточнее города.

Гвардейцам-уральцам пришлось принять участие в ликвидации обеих группировок. Прорвавшись за канал Тельтов, Пермская и Челябинская танковые бригады вступили в полосу тяжелых уличных боев на окраинах Берлина. Свердловская бригада вела ожесточенные бои на юго-восточной окраине Потсдама и затем частью сил ударила с запада на Новавес и овладела им.

Корпусу была поставлена задача: уничтожить группировку противника на острове Ванзее. Форсирование канала Тельтов в районе острова и захват плацдарма на нем осуществляла наша мотострелковая бригада с приданными ей частями.

На острове Ванзее скопилось, как было уточнено позднее, до 20 тысяч немецких солдат и офицеров, — оставлять эти фашистские войска у себя на флангах или в тылу, когда наши армии пойдут к центру Берлина, было небезопасно.

Первым переправился на остров Ванзее батальон Героя Советского Союза Дозорцева.

Около двух часов ночи шесть «амфибий» отчалили от берега. Вначале все шло хорошо, но вдруг головные машины попали под свет прожекторов. Первые две «амфибии», на одной из которых находился Дозорцев, были подбиты и комбату вместе с бойцами пришлось добираться до острова вплавь. Дозорцев немедленно послал отважного свердловчанина Ивана Насырова сообщить мне, что «амфибии» не годятся для переправы, что лучше пустить в ход менее заметные на воде лодки.

Дозорцев был прав — уже не было никакого смысла скрывать от противника наших намерений — именно в этом месте форсировать канал.

На первых лодках — благо недалеко от переправы на бывшей лодочной станции их было немало — двинулись к противоположному берегу мотострелки роты старшего лейтенанта В. С. Найденова. Лучи прожекторов, продолжавшие рыскать вдоль и поперек канала, все же выхватили из темноты часть лодок, и на гвардейцев обрушился сильнейший огонь из пушек, минометов и пулеметов. Комсомолец Морозов, сидевший на носу лодки Найденова, снайперскими автоматными выстрелами погасил несколько прожекторов. Это помогло бойцам высадиться из лодок, но многим все же пришлось вплавь добираться до вражеского берега.

Находчиво, смело действовали комсомольцы-бронебойщики Бурдуков, Силкин и Лисовецкий. С середины канала они стали бить из противотанковых ружей по скоплениям вражеской пехоты, а высадившись на берег, подожгли и повредили три танка, подавили несколько пулеметных гнезд.

Вовремя подоспела мощная огневая поддержка минометного полка Героя Советского Союза В. К. Зыля, приданного нам артиллерийского полка, танков 62-й Пермской бригады. Батальон Дозорцева сумел вы-

бить гитлеровцев из первой и второй траншей, захватить на острове более обширный плацдарм.

Большие потери врага не уменьшили его ярости. Вскоре до полка пехоты и около полусотни танков двинулись на наших мотострелков. Силы были далеко не в нашу пользу, и, возможно, немцам удалось бы сбросить бойцов Дозорцева в канал, если бы гвардейцы не захватили склад, густо набитый фаустпатронами. Многие наши воины уже мастерски владели этим оружием. Фаустпатронами с плацдарма, пушечным и минометным огнем с нашего берега мы подожгли много танков — контратака немцев захлебнулась.

Это было только начало успеха. Каждый дом на острове немцы превратили в опорный пункт. Уничтожить их силами одного батальона было невозможно. Требовалось перебросить на остров все наши подразделения и приданные части усиления. После всесторонней разведки мы приняли окончательное решение: саперам воздвигнуть переправы ночью в тех местах, где массив леса подходит почти вплотную к берегу, затем под покровом темноты перебросить свои и приданные войска, построив боевой порядок в три эшелона.

В первый штурмовой эшелон вошли 1-й мотострелковый батальон, 284-й отдельный батальон «амфибий», рота танков 62-й гвардейской танковой бригады, подразделения автоматчиков, бронебойщиков и саперов-подрывников с фаустпатронами и надувными лодками.

Второй эшелон предназначался для развития успеха и наведения дополнительных переправ. В него были включены 2-й мотострелковый батальон, 159-й понтонный батальон, взвод инженерно-минной роты нашей бригады с фаустпатронами и гранатами.

Третий эшелон в составе: 62-й гвардейской танковой бригады, 22-й инженерно-штурмовой бригады, артиллерийского дивизиона мотострелковой бригады и артиллерийских батарей танковых бригад корпуса имел задачу подавить огонь противника.

Артиллерия мотострелковой бригады и одна танковая рота были выдвинуты к каналу для стрельбы прямой наводкой.

28 апреля в 23 часа, после огневого налета артиллерии и танков, первый штурмовой эшелон двинулся к противоположному берегу, ведя огонь с хода. Через несколько часов был захвачен плацдарм в один километр по фронту и пятьсот метров в глубину.

Гвардейцы 159-го понтонного батальона в течение часа под огнем неприятеля навели мост через канал, по которому были переброшены на остров Ванзее танки, артиллерия и минометы 2-го и 3-го эшелонов, а также части 350-й стрелковой дивизии.

Еще двое суток вела наша бригада бой на острове вместе с 62-й Пермской танковой бригадой, артиллерийскими и минометными подразделениями 350-й стрелковой дивизии. Эта дивизия, перейдя в наступление, штурмом захватила южную и юго-восточную часть населенного пункта Ванзее. Соппротивление немцев в этом районе острова было сломлено — гитлеровцы начали сдаваться в плен. Но в северной и восточной части и в районе Замка и Ной-Бабельсберг враг дрался еще изо всех сил.

На штурм Замка шли мотострелковые батальоны, их поддерживали танки, артиллерия и минометы. С правого фланга наносил удары первый батальон капитана Смирнова, с левого фланга — второй батальон капитана Семина, в обход, с тыла, громил врага третий батальон капитана Дозорцева.

Этот батальон стремительно ворвался в траншею врага, автоматным огнем и гранатами рассеял и частью уничтожил основные его силы, свыше 300 человек захватил в плен и доставил в штаб бригады. В это время в тылу батальона заговорил вражеский станковый пулемет. Его огонь не давал поднять головы гвардейцам, которые залегли во вражеских траншеях. Тогда замполит капитан С. А. Вевер взял трех автоматчиков, скрытно обошел пулемет неприятеля и четырьмя гранатами заставил его замолчать. На обратном пути Вевер и автоматчики обнаружили до 20 замаскированных вражеских танков. Узнав об этом, я приказал Веверу повести за собой две штурмовые группы: первую из третьего батальона, вторую — из первого батальона, во главе с комбатами Дозорцевым и Смирновым.

Гвардейцы подползали как можно ближе к танкам. Комбаты останавливали штурмовые группы, и они незаметно начали окапываться, готовиться к стрельбе.

Неожиданный огонь из противотанковых ружей, станковых пулеметов, автоматов, разрывы гранат и фаустпатронов переполошили немецких танкистов. Они пытались наладить сопротивление, но было поздно, пламя уже охватило пять танков, остальные отступили. Гвардеец Саловатов косил из станкового пулемета мечущихся у горящих танков и убегающих в панике солдат противника.

Свыше тысячи гитлеровцев были захвачены в Замке в плен.

В ночь на первое мая шеститысячная группа немцев предприняла попытку вырваться с острова Ванзее, вплавь переправиться через канал Тельтов и выйти в район Платформа. Здесь располагался штаб нашей бригады. Офицеры и солдаты штаба, гвардейцы роты управления и комендантского взвода, заняв круговую оборону, отразили несколько атак противника. Вскоре подошли наши мотострелковый батальон и танковая рота. Группа немцев частью была разгромлена, частью захвачена в плен, но многим все же удалось удрать на остров Ванзее.

Бои на Ванзее длились почти 5 суток. К вечеру 30 апреля уральцы прочно удерживали в своих руках опорные пункты острова: Ной-Бабельсберг, Замок, господствующую высоту 103,2.

Но к этому времени с юго-востока, прорываясь в Берлин, наваливались на тылы нашего корпуса многочисленные силы окруженной вражеской группировки. Повернув фронт, ушли навстречу им Свердловская и Челябинская бригады, минометный полк и почти вся корпусная артиллерия. Унечская и Пермская бригады завершили бои на Ванзее во взаимодействии с приданными стрелковыми частями. Утром 2 мая гарнизон Ванзее капитулировал.

Через несколько часов мы узнали о капитуляции Берлинского гарнизона.

ПОТСДАМ. НОВАВЕС. ТАНКОВЫЙ ЗАВОД

Илларион
Малинин

Полковник в отставке Илларион Захарович Малинин начал армейскую службу в 1929 году. Во время Великой Отечественной войны был комиссаром и начальником политотдела танковой бригады.

С марта 1945 года — работник политотдела Свердловской добровольческой танковой бригады. Участвовал в Берлинской и Пражской операциях.

Принимал участие в разгроме японцев в Маньчжурии.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, 8 медалями и знаком участника боев у озера Хасан.

Живет в Рязани.

До Потсдама оставалось около 30 километров. Чтобы не дать врагу опомниться, командир Свердловской танковой бригады подполковник Зайцев менял передовые отряды на ходу.

3-й танковый батальон капитана Маркова, усиленный самоходками и автоматчиками, сбил заслоны немцев в селениях Штюккен и Тремсдорф и вышел на перекресток, где шоссе, идущее на Потсдам, пересекает автострада Ганновер — Франкфурт. Пленные показали, что здесь обороняются артшкола СС и группа фольксштурма, усиленные отошедшими подразделениями немцев.

Высокая крутая насыпь автострады — серьезное противотанковое препятствие. Перед автострадой и на обратном скате — глубокие траншеи, окопы, ячейки для снайперов и фаустников. Через каждые сто метров — бетонированные пулеметные и орудийные точки. Проходы и проезды заложены толстыми бревнами и заминированы. В густых вершинах сосен притаились снайперы.

Дважды в атаку бросались автоматчики бригады и мотострелковый батальон, и дважды отходили, унося убитых и раненых. Командир бригады послал танки.

Перед ними встала стена разрывов фаустпатронов, и танки тоже вынуждены были отойти.

Прибывший командир корпуса генерал-лейтенант Белов приказал:

«Через час пересечь автостраду».

Всех офицеров штаба и политотдела Зайцев направил в подразделения, и вскоре взметнулись зеленые и красные ракеты — сигнал атаки.

Танки открывают беглый огонь по автострате и верхушкам сосен над противником. Ни траншеи, ни щели не спасли фашистов от осколков наших снарядов, а когда автоматчики, штурмуя автостраду, бросились в рукопашный бой, сопротивление немцев было сломлено.

Саперы расчистили завалы, открыли путь танкам на Потсдам, до которого теперь осталось 10 километров.

Преследуя врага, 3-й танковый батальон снес его заслон у Бергхольц-Ребрюкке, а 23 апреля это последнее селение на пути к Потсдаму было взято.

В тот же вечер Зайцев собрал командиров частей и работников штаба. Начальник разведки майор Рязанцев доложил, что юго-восточную часть Потсдама обороняют школа фаустников, школа снайперов и боевая группа майора Шульца. В районе примыкающего к Потсдаму населенного пункта Новавес находится до батальона немцев. Мосты, проезды заминированы. Противник, безусловно, окажет сильное сопротивление. Рано утром 24 апреля танки третьего батальона и самоходки приданного 416-го гвардейского самоходного полка, которым командовал подполковник Мусатов, сосредоточились в районе железнодорожной платформы северо-западнее Бергхольц-Ребрюкке. Подойдя под прикрытием леса почти вплотную к вражеским позициям, они произвели сильный огневой налет.

Сбив заслон противника, танки и самоходки, усиленные десантом, прорвались в Новавес.

Бой за юго-восточную окраину Потсдама был упорным. Лишь к 9 часам утра танкисты пробились еще немного на север и отбросили гитлеровцев за канал Нуте и реку Хавель. Мосты через канал и реку гитлеровцы успели взорвать, лишь на двух мостах сохранились отдельные фермы. Автоматчики пытались перебраться по фермам, но сильный огонь не дал этого сделать.

24 и 25 апреля наши танки, самоходки, орудия и пулеметы обстреливали противоположный берег реки Хавель и канала Нуте, выявляя огневые точки и систему обороны врага. Разведгруппа установила, что на реке Хавель имеется удобное для переправы место. Нам повезло: к полудню 25 апреля к нам подошел 3-й штурмовой батальон 22-й инженерной бригады с парком больших «амфибий». По просьбе Зайцева батальон подтянулся к реке.

Туда же пошли часть танков, самоходки и дивизион гвардейских минометов.

Под огневым прикрытием танков, самоходов и «катюш», штурмовой батальон переправился на западный берег реки Хавель, захватил плацдарм и начал двигаться дальше на север, где вскоре соединился с частями 1-го Белорусского фронта, обошедшими Потсдам с севера.

Что же происходило за несколько дней до этого чуть южнее Потсдама, в поселке Новавес?

Освобожденный из концлагеря Эдуард Эррио с супругой. Справа — комбриг М. Г. Фомичев

Держу в руках пожелтевший за четверть века документ о захвате танкового завода добровольцами Свердловской бригады. В нем по-фронтовому лаконично записано:

«Группа разведчиков — три человека, переодевшись в гражданскую форму, направилась в Новавес. Его обороняло свыше трехсот гитлеровцев.

В 21.40 разведчики достигли танкового завода, установили местонахождение постов, узлов связи, КП. Затем к железнодорожному мосту подошли два танка и два отделения автоматчиков. С помощью русских рабочих, работавших на заводе, танкостроительный завод в Новавесе был захвачен. На нем находилось до 200 танковых моторов и 50 бронекорпусов».

Перечитываю скупые строки архивного документа и вспоминаю 24 апреля 1945 года, когда в дом, где разместились штаб и политотдел бригады, вошел человек в демисезонном пальто, четко по-военному доложил: «Капитан Красной Армии Демченко. Прибыл для решения срочного дела».

— Садитесь, — сказал полковник Кладовой, начальник политотдела 4-й танковой армии, находившийся в то время у нас в штабе. — Какие у вас документы?

— Никаких документов я не имею, — ответил пришедший.

— Мы вас слушаем, — сказал Кладовой.

— Я работаю сейчас инженером на немецком танковом заводе в Новавесе, выпускающем средние танки «пантера». Рабочие — почти все из военнопленных. На заводе действует подпольная организация, которая подготовила захват завода. У нас почти нет оружия, и мы нуждаемся в помощи. Прошу выделить группу танков, чтобы ликвидировать охрану, захватить завод на ходу и использовать для нужд Советской Армии. Я проведу танки к заводу. Рядом находится паровозостроительный завод. Его тоже можно взять с ходу.

Долго длилось молчание. Заманчивое, но рискованное предложение. Наконец, полковник Кладовой сказал:

— Вы бывший офицер и понимаете, что верить вам на слово я не могу. Ваш рассказ может быть и правдой, и провокацией. В то же время помочь сотням людей расправиться со своими палачами, захватить два действующих завода — дело важное. Я не даю вам сразу танки. Направим на завод группу разведчиков. Вы их проведете на место. Когда они доложат о правильности ваших слов, мы направим танки и возьмем заводы. Но эти же разведчики получают приказ: при малейшем подозрении в обмане немедленно расстрелять вас.

Демченко согласился с решением. Были подобраны три бойца-разведчика, переодеты в гражданскую одежду, вооружены. Их возглавил ординарец комбрига доброволец Александр Сергеевич Лобачев. В сумерках группа переправилась через канал и исчезла в темноте.

Время тянулось томительно долго, но наконец вернулись наши разведчики. С ними было несколько рабочих с завода.

По пути, проверенному разведчиками, к заводу направились группа танков с автоматчиками. К утру танкостроительный и паровозостроительный заводы были в наших руках.

Через несколько часов в район Новавес подошла 63-я Челябинская танковая бригада. Участок с заводами был передан ей.

В те же дни командир 2-й роты автоматчиков Челябинской танковой бригады лейтенант В. С. Езерский, при содействии девушки из Сталинграда Тамары Прусаченко, освободил из фашистского концлагеря бывшего премьер-министра Франции Эдуарда Эррио, который еще в 20-х годах был одним из первых сторонников франко-советского сближения.

Вскоре Эррио доставили к командиру бригады Фомичеву. От него — к командующему 1-м Украинским фронтом Коневу. Эррио с большой теплотой отзывался о своем спасителе — Езерском, писал ему, приглашая в гости во Францию. Сейчас ветеран нашего корпуса подполковник Витольд Станиславович Езерский — преподаватель Рязанского высшего военного училища.

Для гвардии младшего сержанта молодого коммуниста Бориса Калиничева перо военкора было долгое время дополнительным оружием к автомату. Когда же он из мотострелкового батальона был переведен в редакцию корпусной газеты «Доброволец», перо стало главным его оружием. Его пронизанные жаром боя заметки, зарисовки о гвардейцах, стихи подкупали искренностью, взволнованностью.

Борис Николаевич Калиничев награжден орденом Отечественной войны и шестью медалями.

Ныне в своей родной Туле он заведует кабинетом политического просвещения на Косогорском металлургическом заводе.

Пробившись лесными дорогами через болото и зону огня противника, ремонтная летучка появилась перед танкистами.

Человек с седыми, коротко стриженными волосами, гвардии старший сержант Цмак, доложил командиру танковой части, что ремонтники прибыли в его распоряжение. И вскоре люди в замасленных комбинезонах достали из летучки приспособления, молотки, гаечные ключи. Сержанты Москаленко и Середенко, электрослесарь Данилин, слесари Власов и Хорошилов сняли стальные плиты, катки с танков, начали менять радиаторы и измерительные приборы.

Наступила ночь. Свет зажигать нельзя. Накрыв танки, слесари забрались под брезенты с переносными электролампами и продолжали трудиться.

Прошла ночь и еще день, наполненный ревом немецких «мессеров» над головами, но никто из ремонтников не прятался в щели — не было времени, чтобы прятаться.

К исходу второго дня последний лист брони закрыл мотор пятого танка.

Кажется, память мне не изменяет: именно тогда противнику удалось перерезать дорогу нашим наступающим подразделениям. Требовалось немедленно ввести отремонтированные танки в бой, а экипажей на месте не оказалось. Тут и последовал приказ начальника политотдела Захаренко: «Заменить танкистов и десантников!» И ремонтники выполнили этот приказ с честью.

В другом бою Цмак с бригадой производил средний ремонт под минометным и артиллерийским обстрелом. Противник пошел в контратаку. Ремонтники Трубников, Мякишев, Володин отбивались гранатами, стреляли из личного оружия, а от танка не отходили, пока не сделали его способным сражаться.

Это были корпусные ремонтники. А в бригадах!

Механик-регулировщик Свердловской бригады четырежды орденоносец старшина Волков восстанавливал танк в бою. Немцы обстреливали его из автоматов и фаустами. Ответным огнем Волков убил фаустника, отогнал других и закончил ремонт. В одном из боев под Берлином загорелся наш танк. Волков помог экипажу потушить огонь и за ночь отремонтировал танк.

Когда создавался Уральский танковый корпус, доброволец с Уралмаша Георгий Савельев был обескуражен тем, что его направили в ремонтную летучку, просил назначить его механиком-водителем.

— Я не сомневаюсь, что из вас получится хороший танкист, товарищ Савельев, но не каждый танкист может стать настоящим ремонтником боевых машин, — сказал тогда комбат.

На фронте рядовой Савельев убедился в правоте командира.

Вслед за боевыми машинами шла его летучка. Случалось, Георгий Савельев садился за рычаги управления, заменяя в бою тяжело раненого механика-водителя.

И теперь ветераны корпуса, встречаясь со своим другом, ветераном Уралмаша Георгием Александровичем Савельевым, добрым словом вспоминают ремонтников — хирургов боевых машин, как их называли танкисты.

Поистине мастерами своего дела были наши ремонтники.

Они не прикрывались пунктами инструкций, которые определяли: вот это можно сделать в бригаде, а это — только в армейских и фронтовых мастерских или на заводах. Уральские добровольцы — опытные инженеры, мастера, рабочие, ставшие воинами, стремились восстановить машины тут же на передовой, даже производили частично капитальный ремонт, что и вовсе не входило в их обязанности.

Был случай, когда наши ремонтники заменили на танке башню, приведенную в полную негодность в бою. В холмике вырыли проход чуть пошире танка, глубиной — по уровень башни. По краям прохода укрепили несколько танковых домкратов с балками и другими приспособлениями. На последней группе домкратов находилась в поднятом состоянии запасная башня. Поврежденный танк вошел в проход. На первой группе домкратов с него сняли простреленную башню. Затем он продвинулся вперед, и на него опустили и закрепили запасную башню. Танк вышел в бой.

Очень трудно было точно устанавливать шестерни в коробках скоростей. Испытали новый способ: при разборке коробки стали кернить шестерни, фиксируя их расположение. Это позволило при сборке коробки сразу же ставить шестеренки точно на место, ускоряя сборку и регулировку. Об этом предложении фронтовиков сообщили на танковый завод и там стали проводить керновку при сборке коробок.

Руководили восстановлением и эксплуатацией техники старый большевик, заместитель командира Свердловской бригады по технической гвардии подполковник Евгений Николаевич Ширяев и гвардии капитан Николай Павлович Павлов, награжденный пятью боевыми орденами. И помощники были им под стать. Бригада ремонтников под руководством техника Константина Петровича Веденяшина, тридцатипятилетнего старшего сержанта, восстановила за двое суток четыре танка. А всего за Берлинскую операцию они произвели средний и малый ремонт двадцати танков. В конце операции Веденяшин был выдвинут на офицерскую должность.

Сложное дело — бой. Бывало и танкист становился ремонтником, и это спасало жизнь ему и машине.

Танк гвардии младшего лейтенанта Александра Семенова, из Челябинской танковой бригады, оторвавшись от других танков взвода разведки, спустился в лощину, где в засаде стояли немецкие противотанковые пушки. Первый снаряд попал в башню танка, вывел из строя командира и стреляющего. Механик-водитель гвардии старший сержант Аким Басинский устремил машину на вражеское орудие, и тут в бок ударил второй снаряд. Мотор заглох. Басинский потерял сознание.

Когда пришел в себя, увидел, что он один живой в машине. Басинский укрощал пламя огнетушителем и руками, пока от едкого дыма и ожогов опять не свалился. Ночью добрался до люка, чтобы выйти, и услышал немецкую речь. Видимо, находящиеся рядом с машиной немцы считали, что весь экипаж сгорел в танке.

Аким закрыл люк на защелку, подумал: «Друзья, наверно, тоже считают экипаж погибшим, а может быть, пробиться ко мне не могут». Он видел, как в контратаку пошли «тигры», и решил, что они оттеснили роту.

Обожженный, израненный, Басинский четыре раза встречал среди врагов рассвет и закат. Четверо суток он ползал по машине и примитивным инструментом делал работу, которую и в заводских условиях было бы трудно сделать одному за такое время. Без пищи, сам себе перевязывая раны, он чинил, соединял провода, оживлял мотор.

На пятое утро немецкие артиллеристы были ошеломлены. У танка, который четверо суток считался мертвым, взревел мотор.

Аким Басинский привел танк в роту в полной боевой готовности.

Когда на Акима Басинского составили наградной лист, командир батальона Челябинской танковой бригады написал: лучший механик-водитель, лучший ремонтник.

★★★

МАРШ-МАНЕВР НА ПРАГУ

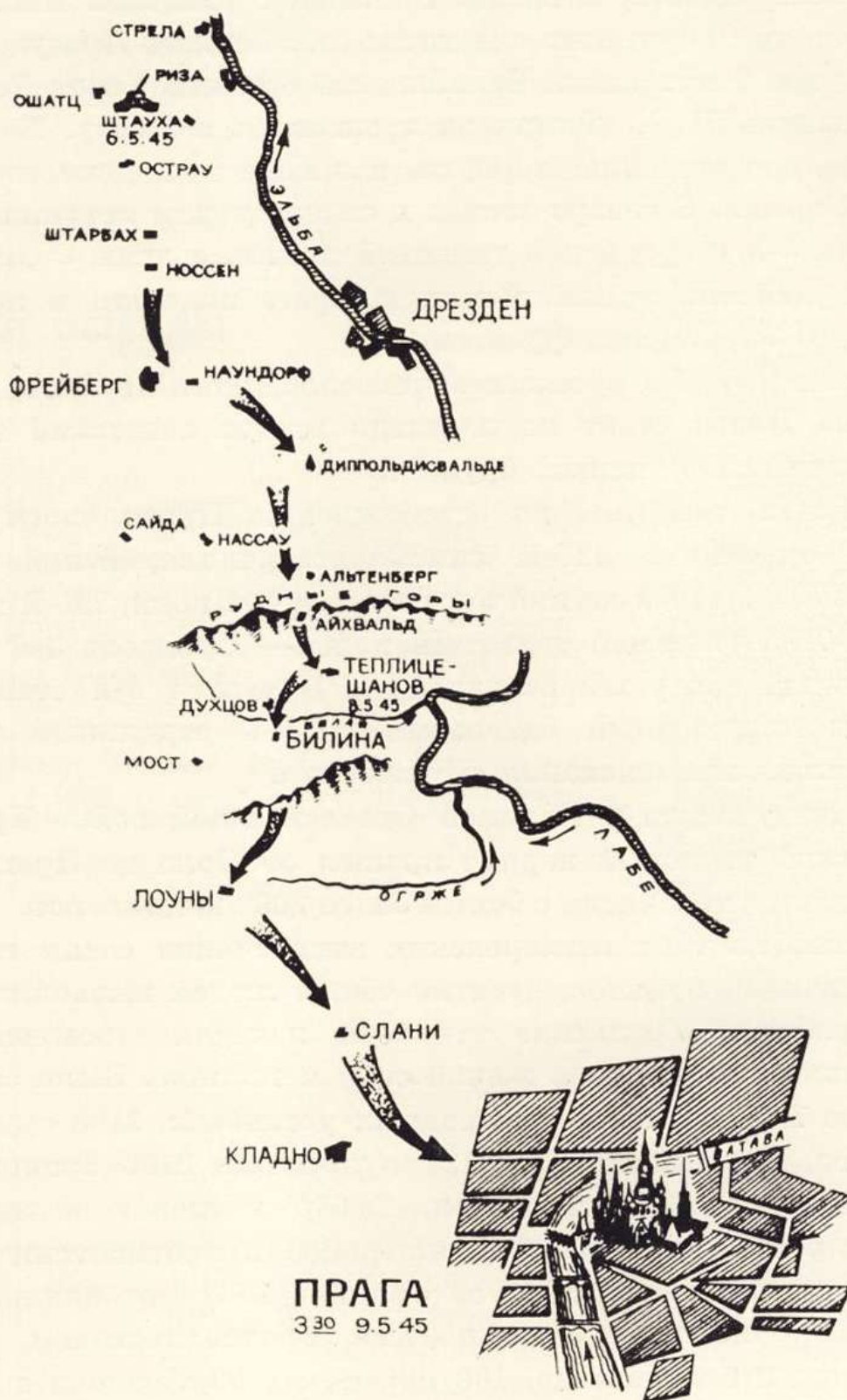
Как только завершилось Берлинское сражение, корпус был выведен в район Даме. В ночь на 6 мая 1945 года стало известно, что корпусу в числе многих других частей 1-го Украинского фронта предстоит принять участие в освобождении Чехословакии и ее столицы, выступить на помощь восставшим пражанам, обратившимся с призывом к советскому народу и его армии спасти их древний город от уничтожения.

Челябинская танковая бригада, усиленная 72-м отдельным гвардейским тяжелым танковым полком (командир — майор А. Н. Деметьев) и Унечской мотострелковой бригадой, была назначена в передовой отряд 4-й танковой армии.

Скрытно совершив ночной марш, части корпуса утром 6 мая сосредоточились в районе Ошатц-Риза, северо-западнее Дрездена, и днем начали наступление. Ломая сопротивление врага, уральцы к вечеру вышли в район Нейкирхен, Танненберг, Зендишбора, Штарбах, а передовой отряд — Челябинская бригада — в район города Носсен — 35 километров западнее Дрездена.

На второй день наступления, разгромив группировку гитлеровцев в районе Фрейберга, уральцы продвинулись на 45 километров в условиях сильно пересеченной горной местности. Преодоление невысоких, но крутых склонов лесистых Рудных гор, продвижение по узким дорогам, над обрывами было сопряжено с большими трудностями. Но наступательный порыв гвардейцев был высок. Все понимали: жизнь сотен тысяч мирных людей, судьба Праги зависят от стремительности и мастерства каждого подразделения, каждого воина.

К исходу 8 мая части корпуса вышли на рубеж Мост — Духцев — Теплице — Шанов. До Праги — 80 километров. В ночь с 8 на 9 мая уральцы преодолели горный хребет и лавиной хлынули на равнину. Главные силы во главе с Челябинской бригадой устремляются на Лоуни, Слани. Слева, своим маршрутом, мчится Свердловская танковая.

Празжская операция

Тысячи чехов выходят к дорогам, на перекрестки, заполняют улицы населенных пунктов. Восторженные «Наздар!», «Ать жие Руде Армаде!» Слезы радости, объятия. На танках уральцев много чехов. Вместе с советскими братьями они хотят освободить Прагу.

В 3 часа утра 9 мая танки Челябинской бригады Героя Советского Союза полковника М. Г. Фомичева врываются в Прагу. В 4 часа в город вошли главные силы корпуса, а вскоре и другие соединения 4-й танковой армии. С северо-запада и севера утром вступили в Прагу соединения 3-й гвардейской танковой армии, а днем — соединения 13 и 3-й гвардейских армий. 9 мая к Праге подошли и передовые отряды 2 и 4-го Украинских фронтов.

Памятником дружбы русского и чехословацкого народов, «вечным гражданином» Праги стоит на площади города советский танк под № 23, пронесший славу нашего оружия.

За образцовые действия по освобождению Праги части корпуса награждены орденами: 425-й самоходно-артиллерийский полк — Красного Знамени; 426-й легкий артиллерийский полк, 299-й минометный полк и 72-й тяжелый танковый полк — Суворова 3-й степени; 131-й отдельный саперный батальон — Кутузова 3-й степени. 7-й отдельный мотоциклетный батальон и 159-й отдельный батальон связи удостоились наименования «Пражских».

За два года участия в Великой Отечественной войне Уральский добровольческий танковый корпус прошел от Орла до Праги свыше 5500 километров, в том числе с боями более 2000 километров.

Корпус освободил от гитлеровских захватчиков сотни городов и тысячи населенных пунктов, десятки тысяч людей вызволил из гитлеровского рабства. Уральские танкисты нанесли огромный ущерб немецко-фашистской армии в живой силе и технике. Было захвачено и уничтожено 1110 танков и самоходных установок, 1100 орудий разных калибров, 589 минометов, 2125 пулеметов, 2100 бронемашин и бронетранспортеров, 649 самолетов, 20 684 винтовок и автоматов, 68 зенитных установок, 7711 фаустпатронов и противотанковых ружей, 503 трактора-тягача, 15 211 автомашин, 1747 мотоциклов, 24 радиостанции, 293 склада с боеприпасами, продовольствием, горючим и снаряжением, 3 бронепоезда, 166 паровозов, 33 эшелона с военным имуществом. Уничтожено 94 620 солдат и офицеров. 44 752 гитлеровца взято в плен.

За отличные боевые действия, героизм, мужество и отвагу уральских добровольцев Москва салютовала им 27 раз. На гвардейском знамени корпуса засияли ордена Красного Знамени, Суворова и Куту-

зова 2-й степени, на знаменах частей — 51 боевой орден. Воинам корпуса вручено 42 368 орденов и медалей, 27 солдат и сержантов стали полными кавалерами орденов Славы, 38 лучшим из лучших присвоено звание Героя Советского Союза.

Уральским танкистам сооружены памятники в Берлине и Праге, во Львове и Каменец-Подольском, в Свердловске и Перми, во многих населенных пунктах, которые освобождали добровольцы.

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Михаил
Фомичев

Почти сорок лет Михаил Георгиевич Фомичев служит в рядах Советской Армии. На всю жизнь избрал он трудную профессию танкиста. До войны окончил танковое училище, Военную академию механизации и моторизации Красной Армии, а после Великой Отечественной войны — Академию Генерального штаба.

Участник боев с начала войны, Михаил Георгиевич командовал в Уральском корпусе Челябинской танковой бригадой. За умелое руководство бригадой в боях за Львов, Берлин и Прагу дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

О том, что происходило в Чехословакии к моменту взятия Берлина, мы подробно узнали уже в Праге, в День Победы.

В Чехословакии и после Берлинского сражения оставалась во всеоружии миллионная группировка немецко-фашистских войск под командованием генерал-фельдмаршала Шернера. Планы этого генерал-фельдмаршала шли далеко: за нашей спиной договориться с американцами, подавить восставших чехов и увести всю группировку в расположение американцев.

Как же удалось спутать карты врагов, помешать осуществлению их планов? Как совершался наш небывалый в истории марш-маневр на Прагу?

Попробую рассказать об этом на примере одной бригады Уральского добровольческого танкового корпуса.

Всю ночь с 5 на 6 мая 1945 года наша Челябинская танковая бригада, выведенная вместе с другими частями корпуса в район южнее Берлина, заправляла горючим танки, автомашины, пополняла боезапас. На рассвете 6 мая меня вызвали в штаб корпуса. Генерала Евтихия Емельяновича Белова я застал возле карты-склейки, развешанной во всю стену. Красная стрела была нацелена на юг — на Прагу.

— Бригада пойдет в передовом отряде, Фомичев. Задача не из легких. Корпусу предстоит преодолеть 350 километров, а времени в обрез. К тому же на пути горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев.

Я взглянул на карту. Горный рельеф, резко пересеченная местность. А вот это — Рудные горы. Прикинул их ширину — не менее 50 километров.

— Пойдешь по маршруту Носсен, Фрейберг, Билина, Лоуни, Слани,— и генерал провел по карте карандашом.— Нам еще повезло. Рудные горы с севера на юг в направлении нашего удара пересечены шоссейными дорогами. Но учти: тебя ожидает не одна гитлеровская засада. Будь начеку.

Я вернулся в бригаду, а на бронебашнях машин вместо надписей «На Берлин» уже появились слова: «На Прагу!...» Я даже удивился:

— Кто вам сказал, что мы идем на Прагу?

— Мы слышали по радио, что в Праге восстание и чехи просят помощи,— ответил командир батальона автоматчиков майор Г. И. Старостин.

В первом танковом батальоне комсомольцы провели собрание. Комбат старший лейтенант М. Ф. Коротеев сказал:

— Положение в Праге очень тяжелое. Фашисты уничтожают восставших. Спасение города и жителей во многом зависит от нас... Приказ командующего 1-м Украинским фронтом гласит: нашей танковой армии и армии Рыбалко разгромить северные армии группировки Шернера, войти в Чехословакию и освободить ее столицу. Наш батальон идет первым.

Такие комсомольские и партийные собрания прошли во всех батальонах.

Объявили тревогу. Под гусеницами уральских машин загудела немецкая автострада.

Спешим к Праге. Впереди — первый батальон Михаила Коротеева. Где-то в двух-трех километрах в головной походной заставе идет первая рота старшего лейтенанта В. Полегенького. С ним на броне сидят разведчики старшины Александра Соколова и саперы старшины Федора Пасынкова.

В одном месте завязывается короткий бой. Фашисты зло сопротивляются. Темп движения спал.

— Пойдем по проселочным дорогам,— решили мы в штабе.

Движемся медленно. Подчас приходится вытаскивать застрявшие колесные машины. Дорога выводит нас к какой-то небольшой деревушке.

Уличный бой уральских добровольцев в Праге. 9 мая 1945 г.

Полегенький докладывает:

— Впереди — немцы!

И тотчас гремят выстрелы. Завязалась перестрелка. Вспыхнула «пантера». Немцы бегут.

В кюветах — опрокинутые машины, исковерканные бронетранспортеры, штабные автобусы. В упряжках бьются раненые лошади. На оставленных позициях — длинноствольные 88-миллиметровые орудия, счетверенные зенитные пулеметы.

Ночь. Направляющей идет машина Полегенького, за ним — Леонида Буракова и Ивана Гончаренко.

Короткий привал. Танкисты осматривают и дозаправляют машины. Как из-под земли вырастает старшина батальона Литвинов. За ним неотступно следует каптенармус Бузаверя. Хозяйственники обходят экипажи, предлагают солдатам ужин. Но никто не доставал котелков. Люди сильно устали.

Возле машин, на сосновых ветках, разметав руки, отдыхали танкисты. Я подошел к командиру первого батальона:

— Пора поднимать людей.

Взвод Леонида Буракова, молодого храброго офицера, открывает бригаде путь к столице Чехословакии. Первыми идут три машины —

лейтенанта Л. Буракова, лейтенанта И. Гончаренко и младшего лейтенанта П. Котова.

Продвигаемся дальше. Теперь впереди идет танк Котова, за ним — лейтенанта Гончаренко. У Гончаренко хорошо подобранный экипаж, который не раз отличался в боях на Висле, Одере, в Берлине. Особенно мне нравился командир орудия комсомолец сержант Павел Батырев. Он трижды был ранен, но с поля боя не уходил. Во время боев за город Штейнау подбил два «тигра», уничтожил орудие и два миномета. Его грудь украсил орден Красной Звезды.

Механик-водитель Шкловский, заряжающий Ковригин и радист Филиппов также показали себя отважными воинами.

Не идем, а летим вперед. На юге уже засинели горы. Чаше встречаются засады. Рота Полегенького дважды вступала в бой.

К вечеру бригада подошла к населенному пункту Гелегстхайзен, раскинувшись в низине. Полегенький доложил:

— Из засады бьют танки.

Головная походная застава приняла бой. Танк Котова укрылся за длинным сараем. Немцы засекли машину. Зажигательным снарядом подожгли сарай. Пополз густой черный дым.

Танк пошел в обход «пантер» и с первых выстрелов поджег одну из них. Другую подбили танкисты экипажа Буракова.

С крыш домов густо ударили пулеметы.

— К бою! — скомандовал разведчикам старшина Соколов.

Вперед побежали разведчики Рехин, Ефремов, Лавриков, Рябченко. Дружно ударили автоматные очереди. Разведчиков поддерживали танкисты. Фашисты заметались в панике, начали поспешно отходить.

Еще рывок. На горизонте неровными зубцами вырисовывались Рудные горы. Они не высоки, но отвесны. Предстоит преодолеть самый трудный участок: крутые подъемы и спуски, узкие дороги, обрывы, горные реки.

— Кого пошлем первым? — спросил я у офицеров штаба.

— Разрешите мне повести бригаду? — сказал коммунист Михаил Акиншин, командир третьего танкового батальона.

— Добре, Михаил Григорьевич, веди...

На рассвете 8 мая снова зарокотали моторы танков. Машины двинулись по дороге, зажатой горными массивами. Немцы упорно сопротивлялись. На поворотах то и дело встречались зенитные орудия. Автоматчики и пулеметчики батальона, которым командовал майор Старостин, смело взбирались на горные кручи и внезапными ударами сверху выводили из строя расчеты вражеских орудий, открывая путь танкистам.

Впереди пенистая горная речушка. Сердито бурлит вода. Спуститься к ней невозможно: крутизна гор не менее 40 градусов. Бьют орудия.

Но о возвращении назад думать нельзя. И обхода — нет... Коммунист старший сержант Герой Советского Союза Василий Иванович Кружалов просит разрешить ему повести танк.

Члены экипажа вышли из машины. Василий развернул орудие

Экипаж танка Гончаренко перед последним броском на Прагу. Слева направо: А. Н. Филиппов, П. Г. Батырев, И. Г. Шкловский, И. Г. Гончаренко и Н. С. Ковригин

назад, начал медленно спускаться вниз и одолел спуск. За ним повел танк Герой Советского Союза коммунист Федор Сурков. И он благополучно преодолел преграду.

Вдруг новое препятствие: узкую горную дорогу, что вьется над самой пропастью, противник завалил соснами, обмотав их колючей проволокой, и заминировал. Я вызвал старшину Пасынкова, приказал расчистить дорогу. В пропасть полетели деревья, и танки снова устремились вперед.

Крутой подъем. Пройдут ли танки? Навстречу разведчикам вышла группа крестьян. Старший из них представился:

— Мы — чешские партизаны.

Жмем друг другу руки.

Партизаны удивлены: преодолеть такой крутой подъем?

За рычагами машины Гончаренко — доброволец Шкловский. Комсомолец. Храбрый солдат, беззаветно влюбленный в свою профессию. В одном из боев на территории Польши немцы подбили танк — прямым попаданием снаряда был выбит ленивец, порвана гусеница. Члены экипажа заняли круговую оборону, отбивая натиск гитлеровцев. Шкловский тем временем отремонтировал гусеницу. И снова в бой.

9 часов утра. Чешская граница позади. Рудные горы доставляют нам много хлопот.

Танки с большим трудом преодолевают горный хребет. Вот и село. Первое чешское село — Бистрица. На окраине мы остановились. К танкистам бросились крестьяне.

— Наздар Руде Армаде! — кричали молодые и старые.

Задерживаться некогда. Только вперед. До Праги — 80 километров. Головной батальон Михаила Коротеева, сбивая заслоны противника, рвется к чешской столице.

После полудня бригада вошла в Лоуни. Море красных знамен, трехцветных флагов Чехословацкой Республики встретило нас там. Через всю центральную улицу полотнище: «Ать жие Руде Армаде! Да здравствует Красная Армия!»

К лейтенанту Гончаренко, на минуту выскочившему из танка, подбежала старушка. Она целовала его замасленную руку, приглашала зайти в дом.

Мальчишки с ведрами, наполненными водой, бегали от танка к танку. Никогда холодная колодезная вода не казалась нам такой вкусной.

А сигналы из Праги становились все тревожнее: «Руде Армаде!.. Красная Армия! Прага истекает кровью. У нас нет боеприпасов. Фашисты уничтожают людей и город... Русские братья, помогите Праге!»

Неужели опоздаем? На предельной мощности работают моторы. Люди измотаны тяжелыми переходами и боями, но никакие силы и трудности не могли остановить стремительного броска.

После Лоуни в бригаду приехал командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. Он взял мою рабочую карту, прочертил красную стрелу на Прагу, обвел окраину города пунктирной линией и надписал: «3. 00 9. 5. 1945 г.»

Мы поняли свою задачу. Штаб тут же ее довел до командиров, отдал распоряжение по боевому обеспечению.

Начался стремительный марш. Перед заходом солнца Полегенький доложил:

— Колонна немецких танков. Атакуем!

Но пробиться вперед первый батальон не смог. Тогда я выдвинул на помощь второй батальон старшего лейтенанта Пупкова. С фланга гитлеровцев атаковали танки Акиньшина. Спустя час от колонны остались груды искореженного металла, сотни трупов. Многие гитлеровцы были взяты в плен.

Ночь. Город Слани. Фашисты облили бензином дома, узкие мостовые. Языки пламени лизали асфальт. Из-за укрытий вели огонь артиллеристы. Немцы, прижатые огнем наших танков и орудий, отошли вправо. Но уйти на запад, к американцам, удалось лишь немногим.

Мы делаем кратковременную остановку. На площади толпы чехов. Играет окрестр волынщиков. Громко бьют барабаны. На броню танков летят букеты сирени.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

Командующему войсками 1-го Украинского фронта

Маршалу Советского Союза КОНЕВУ

Начальнику штаба фронта

генералу армии ПЕТРОВУ

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты сломили сопротивление противника и сегодня, 9 мая, в 4 часа утра освободили от немецких захватчиков столицу союзной нам Чехословакии — город ПРАГУ.

В боях за освобождение ПРАГИ отличились войска генерал-полковника ГОРДОВА, генерал-полковника ПУХОВА, генерал-полковника ЖАДОВА, генерал-лейтенанта МАЛАНДИНА, генерал-майора ЛЯМИНА, полковника ЗЕЛИНСКОГО, генерал-лейтенанта ЧЕРОКМАНОВА, генерал-лейтенанта ПУЗИКОВА, генерал-майора БАКЛАНОВА, полковника ИВАНОВА, генерал-майора ОРЛОВА, генерал-майора ДАНИЛОВСКОГО, генерал-майора ВОЛКОВИЧА, генерал-майора КРАСНОВА; танкисты генерал-полковника ЛЕЛЮШЕНКО, генерал-полковника РЫБАЛКО, генерал-полковника танковых войск НОВИКОВА, генерал-майора танковых войск УПМАН, генерал-майора танковых войск БАХМЕТЬЕВА, генерал-лейтенанта танковых войск БЕЛОВА, генерал-майора танковых войск ЕРМАКОВА, полковника ПУШКАРЕНА, полковника ХМЫЛОВА, генерал-майора танковых войск МИТРОФАНОВА, генерал-майора танковых войск НОВИКОВА, генерал-лейтенанта танковых войск СУХОВА, подполков-

Этот приказ Верховного Главнокомандующего войны нашего корпуса услышали в ликующей, освобожденной только что Праге. Это они, уральские добровольцы-танкисты, вошли в нее первыми в 4 часа утра долгожданного и великого Дня Победы

ДОБРОВОЛЦЫ

ОНИ ПЕРВЫМИ ВОРВАЛИСЬ В ПРАГУ!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ночью мы подтянули к осажденному пункту. Была тишина, только изредка слышались выстрелы. Мы не ожидали, что в 4 часа утра немцы начнут отходить. Они думали, очевидно, что это сон.

Сначала, разогнавшись, мы пошли быстро. Мы тогда слышали выстрелы, и лишь тогда открыли огонь. Немцы в движении были вынуждены отойти. Было их не менее восьмисот. Войска быстро ушли, сопротивление, гитлеровцы сдались в плен.

На окраине Праги наши танки встретили сопротивление. Был сильный гул от огня немцев. Их поддерживал один танк и в броне транспортеры. Стреляющее Мортирными и Батальонными артиллерийскими орудиями обстреливали немцев. Немцы отступили.

В этот момент в передовых линиях слышались выстрелы, как и прежде, слышались победы. Успех, победа, слышались победы, слышались победы, слышались победы.

Таким же образом...

Встреча танкистов с жителями Праги на Вацлавской площади.

ПРАГА СВОБОДНА!

Танкисты подразделения офицера Кортежа шли в первом ряду. Танкисты разделили войска на две группы. Танкисты шли в первом ряду, а пехотинцы — во втором. Танкисты шли в первом ряду, а пехотинцы — во втором. Танкисты шли в первом ряду, а пехотинцы — во втором.

Противник прижал все руки, чтобы избежать дальнейшего сопротивления. Противник прижал все руки, чтобы избежать дальнейшего сопротивления.

Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду.

Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду.

Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду.

Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду.

СМЕЛОСТЬ И БЫСТРОТА

Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду. Танкисты шли в первом ряду.

А я думаю, ты слышал в Праге, — обратился он ко мне, — слышал наши боевые машины.

Эта реакция стала известна командирам. Командирам стало известно. Командирам стало известно. Командирам стало известно. Командирам стало известно. Командирам стало известно.

В одной колонне, впереди колонны, впереди колонны, впереди колонны, впереди колонны. В одной колонне, впереди колонны, впереди колонны, впереди колонны.

Герой Советского Союза Ф. И. Дозорцев с маленькой пражанкой

Ко мне подошел радист штабной машины старшина Владимир Войкин.

— Только что передали по радио: в Берлине подписан акт о капитуляции.

Когда танки вышли из города Слани, над горизонтом показалось зарево пожара.

— Прага горит! — сказал чех, ехавший с нами от самой границы в качестве проводника.

Брендысек. Небольшой населенный пункт. До Праги — пять-семь километров.

Я вызвал старшин Соколова и Пасынкова.

— Пожалуй, это для вас последняя разведка. Нужно узнать, что происходит в городе.

Разведчики и саперы устроились на броне танков Ивана Гончаренко, Леонида Буракова, и разведгруппа ушла в ночь.

Вскоре передо мной стояли чехи. Их привез на танке лейтенант Бураков. Они неплохо объяснялись на русском языке.

— Прага ждет вас! Спешите!

Светало. Спустя полчаса передовые подразделения бригады достигли северо-западной окраины Праги. Шоссе перегорожено баррикадой, сооруженной из брусчатки разобранных мостовых. Восставшие не ждали нас с этой стороны. Они предполагали, что мы придем с востока.

Из-за баррикады вышел чешский офицер, руководивший отрядом восставших. И тотчас, размахивая винтовками и фуражками, с возгласами «Наздар!», «Наздар!» подбежали к советским танкистам чешские повстанцы.

Навстречу нам устремились тысячи мирных жителей. Люди пели, плакали, дарили нам цветы, протягивали своих детей, которые доверчиво обнимали нас. И не было для советских воинов лучшей награды, чем эта сердечная благодарность народа.

Сопровождаемые чешскими патриотами, танкисты настойчиво теснят немцев. Бой не затихает ни на минуту. Оставаться на улицах опасно. Но чехи не хотели расходиться по домам. Они указывали танкистам расположение вражеских пушек и пулеметов, находили наиболее удобные пути движения.

Невдалеке от площади Витязей ко мне подошел пожилой чех и на ломаном русском языке сказал:

— Простите, пожалуйста, господин офицер, что я вас задерживаю. Но я должен вас предупредить: в скверике, который вы видите, фашисты установили пушки.

...Продвигаться вперед становится все труднее. Но теперь уже ничто не могло остановить наших танкистов.

Взошло солнце, во всей своей красе встала перед нами Прага... Радиостанции, установленные на танках, приняли весть, которую советские люди ждали четыре военных года: Великая Отечественная война завершилась полной нашей победой.

А 63-я гвардейская танковая бригада и другие части и соединения Уральского добровольческого танкового корпуса добивают эсэсовцев, засевших на чердаках пражских домов.

Впереди — Влтава. Фашисты захватили мост, подступы к нему пристреляны.

— Веду бой за мост, — доложил лейтенант Гончаренко.

Подбив три «пантеры», танк Гончаренко с ходу влетел на мост. Последняя река на нашем боевом пути. И тут ударил по машине враг.

На площадь входили танки нашей бригады, бежали автоматчики.

Вот она, Влтава! На холме купается в золоте солнечных лучей Пражский кремль со шпилями храма святого Витта. Подъехав к мосту, я увидел подбитый танк. Возле него, обнажив головы, стояли пражане. На брезенте лежало безжизненное тело Ивана Григорьевича Гончаренко, рядом — тяжелораненные механик Шкловский и радист Филиппов...

Танки первого батальона прорвались за Влтаву.

Вечером Москва салютовала нам из тысячи орудий.

К Василию Бублику подошли строго. То ли потому, что малость не дотянул до восемнадцати, то ли потому, что замену ему, комсору рудника, не сразу нашли,—его в марте 1943 года не приняли в корпус. Но доброволец своего добился — с осени того же года он был зачислен в Пермскую бригаду командиром орудия танка Т-34.

Смелость, гвардейская хватка обнаружились с первых его боев. Под Скалатом машина Бублика сгорела. Ему опалило лицо, но он занял место выбывшего из строя заряжающего на другом танке и воевал в нем в составе Челябинской бригады. Награжден орденами Славы, Красной Звезды (дважды), Отечественной войны (дважды) и многими медалями.

Несколько послевоенных лет служил он в танковой дивизии, а после увольнения в запас работает на Уралвагонзаводе. Без отрыва от производства закончил машиностроительный техникум. В труде, как и в бою, Василий Михайлович остается передовым коммунистом, настоящим гвардейцем.

На войне, как и в мирной жизни, шли рядышком радость и горе, смешное и трагическое. Правда, на фронте они проявлялись в иных пропорциях, но западали в душу поглубже.

Конец апреля 1945 года. Вокруг нас — охваченные огнем окраины Берлина. В пламени не только земля и здания, но и река Хавель, и широкий глубоководный канал Тельтов. Мы, танкисты 62-й Пермской бригады, вместе с мотострелками Унечской бригады делаем попытки удачные и неудачные преодолеть эти последние водные рубежи на пути к центру Берлина. На пороге победы мы теряем друзей — разведчиков и снайперов, автоматчиков и танкистов. Как ни потрепаны, как ни поределели фашистские дивизии, а они еще могут принести немало бед.

По каналу Тельтов прорывалось с Востока на Запад несколько барж с солдатами и офицерами противника. С северного берега их прикрывала немецкая артиллерия. У нас в этом месте, на южном берегу канала, было всего три танка да человек десять автоматчиков. Начальник штаба Пермской бригады гвардии подполковник Макшаков принял решение: если не поднимут белого флага и не подойдут к нашему берегу, расстрелять баржи.

Стрелять нам не пришлось. Три наших танка все враз выскочили

на холмы у берега, навели пушки на баржи, а наш разведчик, знающий хорошо немецкий язык, через громкоговоритель передал противнику на баржах требование сложить оружие и, подойдя к берегу, сдаться, иначе, мол, танковый полк залпом потопит их...

Немцы поверили. На наш берег сошли с поднятыми руками 800 солдат и офицеров. Среди них был один со знаками летчика, умеющий объясняться по-русски. Увидев, что нас только танковый взвод и горсточка автоматчиков, он зашипел:

— Если бы знали, раздавили бы вас!..

Вот тогда и поохотали мы от души над этим летчиком-эсэсовцем.

А на подходе к Праге, в ночь с 8 на 9 мая, причиной веселого смеха ребят из экипажа гвардии лейтенанта Анатолия Дмитриевича Михалкина стал я сам собственной персоной.

В Пражской операции мне и радисту Юрию Ефремову приходилось помогать нашему механику водителю Григорию Владимировичу Кравченко. Он был прекрасным механиком, но на горной трассе ночами непрерывно водить машину и ему было очень тяжело.

Так вот в ту ночь на 9 мая после того, как поработал до изнеможения за рычагами управления, я мертвецки усталый свалился у ног радиста Юры Ефремова, колдующего у рации. Как крепко я ни спал, а проснулся от громового голоса. Юра, включив приемник на максимальную громкость, разбудил меня. Не имея сил разобраться, что к чему, я разругался:

— Выключи, дьявол, дай подремать!..

И опять свалился, и опять мгновенно заснул. Но Юра колотил меня кулаками, кричал прямо в ухо:

— Да встань же, Вася! Победа!

Москва голосом Левитана передавала акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и Указ Президиума Верховного Совета СССР, объявляющего 9 мая днем всенародного торжества — Днем Победы, а я, приподняв туловище и моргая глазами, смотрел на ликующих товарищей, не понимая еще, что их так обрадовало и почему, смеясь, они меня угощают дружескими тумачами:

— Проснись, наконец, чурбан ты этакий, — хохочет мне в лицо Юра Ефремов. — Главная же победа — главная!

Вместе со всеми уральскими добровольцами, которые первыми вошли в Прагу, ликовали и мои земляки — тагильчане танкист Иван Сергеевич Раменский и автоматчик Александр Николаевич Перминов; связист парторг роты Алексей Григорьевич Мальгин; гвардеец Толя Гончарук. Мне потом рассказали, как Толя забрался на танк Героя Советского Союза Владимира Марченко и пел и кричал вместе с чехами звонкое, сразу ставшее понятным нам слово «Наздар!» — «Да здравствует!»

Все кругом цвело. Весна была на деревьях, на пробившейся траве, на лицах людей и в сердцах наших, и в сердцах чехов. Они плакали и смеялись, поднимались на наши танки, обнимали невероятно усталых и несказанно счастливых уральских добровольцев.

Виктор Крюков

Рассвет 9 мая. Прага. Тысячи горожан окружили наши танки, тысячи дружеских рук жали наши руки.

Впереди находился враг, в предсмертной агонии он цеплялся за каждый дом, за каждый квартал. Надо было идти вперед. И молодые русские парни снова и снова шли в атаку на своих грозных «тридцатьчетверках».

По броне моего танка дробно застучали пули, впереди на площади разорвался снаряд. Я лихорадочно искал через смотровой прибор вражескую пушку, спрятанную где-то в зелени парка, и вдруг увидел, что по площади с огромным букетом сирени

бежит маленькая девочка. Она не знала о смертельном поединке экипажа советского танка с врагом, она видела только ярко-красную звезду на танке и бежала, бежала изо всех сил, спеша передать свой букет тем, кто принес жизнь и освобождение ее родному городу.

Длинная очередь немецкого пулемета огненной трассой перерезала ей путь, но она не понимала опасности и как ни в чем не бывало продолжала свой бег к краснойзвездной машине. Это была вся благодарная Прага, вся близкая мне Чехословакия, протянувшая букеты сирени советским танкистам.

Танк рванулся из своего укрытия, свалил какой-то киоск, вырвался на площадь и своим могучим бронированным телом закрыл девочку. По броне вновь застучали пули, тяжелый снаряд разорвался рядом и градом осколков осыпал машину. У меня в запасе было несколько считанных секунд, секунд, которые потребуются немцам для выстрела, быть может, последнего для меня и моего экипажа. Солнце всходило над Прагой, я видел в перекрестье прицела вражескую пушку и темно-зеленые фигурки врагов, суевившихся около нее. Мы успели раньше.

Сделав выстрел, я выскочил из танка и втащил девочку в машину.

Танк задним ходом вновь ушел в укрытие. На том месте, где стояла немецкая пушка, зияла воронка. Из-под наших шлемов струился холодный пот, а пятый «член экипажа», крепко обняв нас, совсем по-взрослому кричал над оглохшими ушами такое чудесное слово «Наздар».

Нас окружили плотной толпой жители Праги, маленькая белокурая девочка сидела у меня на плече, замерев от восторга, с букетом сирени в руках, она была героем этого последнего утра войны и находилась теперь среди своих.

Оставив девочку в толпе жителей, мы вновь, квартал за кварталом, продолжали очищать город...

Впереди, закованная в гранит,

текла Влтава, мы остановились у моста, с противоположной стороны, из-за здания парламента самоходное орудие противника вело огонь. Шли последние часы войны. Рота готовилась к последней атаке. И вновь открыли огонь пушки моей роты, пушки моих друзей Михаила Акиньшина и Анатолия Злобина, Геннадия Каширина и Вани Иванова.

Последние минуты войны. Посредине древнего моста страшный удар потряс мою машину, запах гари слился с нежным запахом букета сирени,

оставленного чешской девочкой в танке. Я потерял сознание.

Друзья вытащили меня и мой экипаж из горящего танка, холодная вода из Влтавы привела нас в чувство. Война закончилась, мы дошли до Праги, мы освободили ее.

Виктор КРЮКОВ, гвардии подполковник кавалер четырнадцати орденов и медалей, бывший командир роты Челябинской танковой бригады. (Журнал «Огонек» № 12, март 1965 г.)

ЕГО ИМЯ НА ТАНКЕ-ПАМЯТНИКЕ

Алексей
Мальгин

Дважды добровольцем можно назвать коммуниста с сорокалетним стажем Алексея Григорьевича Мальгина. По велению партийного долга прибыл он из Свердловска строить Уралвагонзавод, по зову сердца уехал из Тагила на фронт. Был рядовым связистом, парторгом радиороты отдельного батальона связи. На Сандомирском плацдарме тяжело ранило, хотели демобилизовать из армии, отправить в тыл — отказался, направил свою часть и вместе с родными уральцами-добровольцами вошел в Берлин и Прагу. Кавалер ордена Славы. Награжден многими медалями.

Площадь имени Советских танкистов в столице Чехословакии. Танк № 23 на пьедестале, а на нем золотом начертаны имена гвардейцев Уральского добровольческого танкового корпуса, павших смертью храбрых в последний день войны.

Первое имя: гвардии старший лейтенант Новожилов Борис Иванович...

Я его встретил в городе, где формировался наш отдельный батальон связи, был с ним рядом в боях.

После открытия памятника погибшим танкистам-уральцам в Праге. 29 июля 1945 г.

Мемориальная доска на пьедестале памятника

В последний раз мы виделись перед тем, как он уехал на рекогносцировку места для командного пункта командира корпуса на подступах к Праге. Выполняя это боевое задание, Борис Иванович Новожилов погиб.

Мы его звали между собой запросто Борисом, не только потому, что был он моложе многих связистов, а из-за душевного, бережного отношения его к солдатам, которые и в начале, когда он был командиром взвода, и потом, когда стал командиром телефонно-кабельной роты, неизменно видели его на самых опасных участках.

Сколько раз Новожилов со старшим сержантом парторгом роты Шереметьевым с лучшими телефонистами Шемяковым, Черноскуто-

вым, Чугаем и другими добровольцами под ураганным огнем врага ползали по-пластунски, чтобы быстрее найти и устранить повреждения на линии.

Надо было видеть, как радовался Борис, когда в октябре 1943 года его бойцам и сержантам Шемякову и Шульгину, Черноскутову и Чепелю, Шерашову, Гужавину и Новоселову вручили ордена и медали, чтобы понять, как высоко ценил этот замечательный командир боевые дела своих подчиненных.

Непосредственно в бою с Новожиловым я побывал под Старыми Петляковцами в марте 1944 года. В связи с потерями во взводе Борис дали бойцов из нашей радиороты. Проводя связь от штаба корпуса на передовую, мы немного ошиблись и оказались на нейтральной полосе под огнем противника.

— Лежать спокойно! Не подниматься. Огня не открывать — нельзя обнаруживать себя, — сказал нам Борис.

Около часа мы лежали в канаве. Потом Борис сориентировался, пополз, а мы за ним с катушками провода и телефонными аппаратами. Часть провода, протянутого не туда, куда надо было, мы свернули, а когда спустились в овраг, опять потянули связь — теперь уже точно к передовому отряду.

Наверно, сотни километров телефонного провода протянул Борис Новожилов со своими бойцами, а тут, в Рудных горах...

Пятеро связистов во главе со старшим помощником начальника связи корпуса гвардии майором Андриенко и гвардии старшим лейтенантом Новожиловым приближались к горной деревушке в лесу. Кругом тишина, никаких признаков опасности. И вдруг — разрывы гранат, брошенных из засады недобитыми фашистами. Наших три офицера — старший лейтенант Новожилов, лейтенант Егоров и майор Андриенко были убиты. А ведь за несколько дней перед этим Ивану Лаврентьевичу Андриенко сообщили, что он зачислен в Академию связи и должен выехать в Ленинград. «Разрешите задержаться до выполнения боевой задачи», — попросил он командира корпуса, узнав, что соединение идет освобождать Чехословакию от последней фашистской группировки.

Ему разрешили, и вот его жизнь трагически оборвалась за несколько часов до салюта победы.

Погибших героев похоронили на родной земле, на Холме Славы во Львове.

Сколько таких невосполнимых потерь было у советских людей, у нашего народа в Великой Отечественной войне. И как в те грозные дни, мы сегодня вместе с юными гражданами нашего государства произносим идущие от самого сердца слова:

— Вечная слава Героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

*Звезда
героев*

С ПЕРВОГО ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЫСТРЕЛА ВОЙНЫ

Комкор уральских добровольцев Евтихий Емельянович Белов!

О нем на страницах этой книги сказано немало добрых слов. Человек большого военного таланта, обогащенный опытом руководства танковыми подразделениями и частями в довоенное время, Белов уже в первые дни Великой Отечественной войны показал себя мужественным и умелым командиром. В тяжелых оборонительных боях с превосходящими силами противника в районе Гродно 22 июня — 1 июля 1941 года танковый полк, которым командовал полковник Е. Белов, нанес большой урон врагу, сражался до тех пор, пока вышел из строя последний танк.

После этого, находясь в окружении, Е. Белов вел через белорусские болота группу офицеров и солдат и пробился с нею через линию фронта. В сражении под Москвой Евтихий Емельянович командовал отдельной танковой бригадой, а затем на Воронежском и Брянском фронтах в должности заместителя командующего танковых армий, оттачивал искусство вождения войск.

В марте 1944 года генерал Е. Белов был назначен командиром Уральского танкового корпуса. Удивительно быстро гвардейцы-добровольцы распознали в Белове волевого, умного командира, требовательного к себе и подчиненным. Добиваться успеха в бою меньшей кровью наших людей было его принципом.

В Каменец-Подольском, и позднее в некоторых, казалось бы, явно проигрышных для нас схватках бойцы и командиры видели в Белове пример безграничной уверенности в победе, стойкости и умной отваги.

За всю Великую Отечественную войну редко встречались условия такой сложности, как это было летом 1944 года при наступлении на Львов. «Пример ввода в сражение двух танковых армий в столь узкой полосе прорыва при одновременном отражении сильных контратак противника на флангах,— сказано в четвертом томе Истории Великой Отечественной войны,— является единственным в своем роде. Он свидетельствует о высоком искусстве советских генералов и офицеров, об их решимости и умении добиться поставленной цели в самой тяжелой обстановке».

Когда штаб корпуса, саперный батальон и батальон связи совершали марш на Водники, противник насквозь простреливал дорогу справа и слева с расстояния в триста метров. Свернуть некуда. Кто же

Генерал Белов с адъютантом Василием Савченко

решился возглавить прорыв через двухкилометровый участок совершенно открытой, обливаемой огнем дороги?

Генерал Белов вскочил на бронетранспортер:

— За мной!

Он мчался так, что и быстрые «виллисы» едва угнались за ним.

Множество снарядов и пулеметных очередей посылал враг в бронетранспортер Белова и летящие за ним машины. Но один лишь снаряд достиг цели, взорвал «катюшу» — остальные машины проскочили опасный участок.

— Белов впереди — разве можно отставать! — восхищались своим комкором уральские добровольцы...

Евтихий Емельянович Белов обладал редкостным даром предвидения.

Предугадав упорнейшее сопротивление врага во Львове, комкор усилил передовой отряд Фомичева тяжелым танковым полком, истребительно-противотанковым артиллерийским полком и мотопехотой 29-й гвардейской бригады и приказал создать штурмовые группы. В эти группы были включены мотострелки, танкисты, артиллеристы и саперы. В своей книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» бывший командующий 4-й танковой армии генерал армии Д. Д. Лелюшенко отмечает новаторский характер примененного Е. Е. Беловым боевого порядка для условий, когда ведущая роль в освобождении Львова принадлежала танкистам.

Этот своеобразный боевой порядок — плод смелой мысли и опыта генерала Белова — оправдался полностью и в известной мере стал образцом для крупных танковых соединений, нередко действовавших в отрыве от общевойсковых армий, особенно в Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях.

Доброволец из Копейска Иван
Алюк играет отбой пражским
боям — отбой боям Отече-
ственной войны. Прага 9 мая 1945 г.

Зам. комбата Услугин и чешский
мальчик. 9 мая 1945 г. (на
снимке слева).

Три комбата. Слева направо:
И. С. Пупков, М. Ф. Коротеев
и М. Г. Акинъшин. Чехослова-
кия. Май 1945 г.

С исключительным мастерством, оперативностью и тонким учетом быстро меняющейся обстановки руководил комкор боевыми действиями своих частей в Берлинском сражении. Бригады и полки корпуса действовали раздельно — одни на острове Ванзее, другие — на южных окраинах Берлина, третьи — в Потсдаме, четвертые — в районе Луккенвальде. Через леса, где было полно немцев, Белов с небольшой охраной носился из части в часть то на танке, то на быстром «виллисе», удивительно точно улавливая где труднее, где важнее его присутствие. Иной раз казалось, что он одновременно поспевает в каждую часть и повсюду поднимает уральцев на штурм фашистского логова.

В ходе боев на ближних подступах к Берлину Белов неожиданно заболел гриппом и врачи, ссылаясь на указание командарма Лелюшенко, заставили его лежать в постели и принимать лекарства. Но когда тысячи гитлеровцев, вырываясь из Берлина, захватили аэродром в районе Штансдорфа, совсем близко от штаба корпуса, Белов снова был на ногах и при температуре в 38,9° лично контролировал действия своих подчиненных, которым было приказано выбить фашистов с аэродрома. Не успело дойти до генерала сообщение, что аэродром очищен от гитлеровцев, как они нагрянули на Штансдорф. Корпусной врач Семиколенных увидел их через окно и крикнул:

— Немцы! Прямо на нас!

Кинувшийся к выходу Белов возбужденно-весело крикнул:

— Медицина! Полечим немцев гранатами!

Под руководством комкора вступили в бой с врагом мотоциклетный батальон и танки резерва штаба корпуса.

Известие о восстании пражан и предстоящем броске на Прагу Белов встретил могучим, как всегда. Он шутил: «Бой нас лечит, а не пилюли...» И в самом деле болезнь будто рукой сняло. Полный энергии, Белов требовал от командиров частей не идти, а лететь через Рудные горы. И сам был впереди, подталкивал и подбадривал своих гвардейцев:

— Не задерживайтесь! Не ввязывайтесь в бой там, где можно обойти противника. Мы обязаны быть и будем первыми в Праге!

Все, что он постиг за свою многотрудную, нравственно чистую жизнь коммуниста, солдата, все, что он познал с первого часа войны до этих последних ее дней, проявилось сейчас в нем и в его гвардейцах, которые с величайшей ответственностью, вдохновенно, творчески выполняли свой воинский долг.

Большую часть времени Белов находился в передовом отряде Челябинской танковой бригады, рядом с полковником Фомичевым. Здесь бои проходили наиболее остро, их надо было видеть, чтобы более успешно громить противника.

Своим стремительным наступлением Уральский корпус, вся 4-я танковая армия захлестывали врага, не давали ему возможности сесть на пояс долговременных укреплений по чехословацкой границе, оседлать горные перевалы.

Когда уральцы начали в ночь на 9 мая спуск с хребта Миттель,

Евтихий Емельянович приказал зажечь фары всех машин. Темная ночь расступилась, на десятки километров яркие лучи света указывали нашим танкистам дорогу на Прагу.

Вскоре после того, как в 4 часа утра Уральский добровольческий корпус был в столице Чехословакии, комендант военного гарнизона Праги Евтихий Емельянович Белов отдал в первый час мира первый мирный приказ по войскам.

Тридцать восьмым Героем Советского Союза из воинов Уральского танкового корпуса стал ее доблестный командир Евтихий Емельянович Белов. Но все ветераны добровольцы, все гвардейцы корпуса называют его первым среди лучших.

ВАШ НАКАЗ ВЫПОЛНИЛИ

Из рапорта воинов Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса трудящимся Урала.

9 мая 1945 г.

УРАЛЬЦЫ, РОДНЫЕ НАШИ!

Великое Знамя Победы, поднятое могучей многомиллионной рукой советского народа и его славной Красной Армией, высоко и величественно развевается над освобожденной Европой. Наступил исторический день окончательного разгрома фашистской Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

В этот день всенародного ликования мы, бойцы, сержанты и офицеры, рапортуем своей Родине, своему народу о выполнении вашего отцовского и материнского Наказа и своей священной клятвы.

Мы дали вам тогда святую, нерушимую клятву с честью выполнить Наказ трудящихся родного края. Каждое слово этой клятвы запечатлено в наших сердцах. С нею мы учились военному делу, шли в бой и побеждали врага.

Мы шли в бой за нашу Советскую Родину с глубокой уверенностью в правоте нашего дела, в нашей победе. С каждым шагом на запад мы все больше ощущали растущую помощь советского тыла фронту, возрастающую поддержку всем советским народом Красной Армии.

Слава советскому народу — народу-победителю!

Освобождение Чехословакии завершилось в тот самый день, когда нацистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Именно пражские улицы стали местом последней агонии гитлеровского вермахта. Во всех европейских столицах уже царил мир, а здесь гремели выстрелы, люди еще оплачивали жизнями свое право на свободу.

Точный час начала Пражского восстания назвать трудно. Уже в конце апреля Прага кипела: повсюду можно было видеть людей, жгущих фашистские флаги, срывающих немецкие вывески. Сдерживаемая шестилетним террором ненависть к поработителям теперь выплеснулась наружу. Чехословацкий народ, который еще осенью 1938 года, в дни Мюнхена, испытывал решимость идти в бой и который тогда был разоружен своим же собственным правительством, теперь наконец мог вступить в открытую схватку с нацистами.

Пятого мая в полдень, когда возле Дома радио произошло вооруженное столкновение пражан с эсэсовцами, работники радио дали в эфир призыв о помощи. Люди устремились на улицы. Я в тот день поначалу попал к казармам на площади Революции, где, по слухам, выдавали оружие. Потом я узнал, что в Народном доме началась работа над выпуском «Руде право», и поспешил туда проходными дворами.

Дом № 7 на Гибернской улице, вероятно, хорошо известен каждому советскому человеку, побывавшему в Праге. Это в нем в 1912 году проходила Пражская партийная конференция, а сорок лет спустя был учрежден музей В. И. Ленина. В подвальном помещении того самого дома и собралась в дни Пражского восстания группа журналистов-коммунистов, чтобы выпустить свою газету — впервые за много лет легально.

...Ранним утром восьмого мая немецкие танки заняли центр города.

Эсэсовцы ворвались к нам в подвал Народного дома. Нас ведут на вокзал Прага — Центр. Здание окутано дымом пожара, на перроне уже лежат расстрелянные. Нас выстраивают у стены с поднятыми руками.

Именно в эти часы были расстреляны сотни людей. Под дамокловым мечом тотального уничтожения прожила Прага ночь с восьмого на девятое мая.

Но для исполнения своих злоеющих карательных планов у нацистов уже не было времени. На рассвете девятого мая в город вошли первые советские танки.

Тысячи советских воинов отдали жизни за эту последнюю победу второй мировой войны. Впрочем, бои за Прагу начались еще раньше. Ведь и под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской дуге шли бои не только за свободу СССР, но и за освобождение всей Европы от фашистского гнета. Вера в победу Советского Союза владела нашим народом в самые тяжелые времена.

Девятое мая — это для нас не только праздник освобождения, но и день памяти павших. Со скорбью думали мы о товарищах, не доживших до этого счастливого дня. Как бы сейчас ум, эрудиция, страстность, подлинная марксистско-ленинская убежденность Юлиуса Фучика, Эдуарда Уркса, Курта Конрада, Бедржиха Вацлавека, Ивана Секанины, Яна Крейчи, Вацлава Кршения, Павла Прокопа, Станислава Брунцлика¹.

Юлиус Фучик, лучшие предста-

¹ Автор этой статьи в предвоенные годы также относился к числу ведущих публицистов «Руде право» и «Творбы». Был близким другом Фучика. В «Репортаже с петлей на шее» в главке «Мое завещание» Фучик писал: «... Прошу моего верного друга Ладю Штоллу из моих материалов составить пять книг...»

вители партийной интеллигенции были людьми по-настоящему убежденными — ведь за свои убеждения они отдали жизнь.

Подлинный интернационализм, идеалы братства народов, вечная

дружба с Советским Союзом — вот что нам завещали чехословацкие и советские герои. Это завещание для нас свято.

(«Комсомольская правда», 9 мая 1970 г.)

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНОВ СЛАВЫ

Алексей
Волковинский

Секретарь Челябинского горкома партии Алексей Васильевич Волковинский принял активное участие в создании Уральского танкового корпуса, стал одним из первых его добровольцев.

На фронте — он старший инструктор политотдела танковой бригады, замполит отдельного саперного батальона, а с Висленского плацдарма — старший инструктор политотдела корпуса и секретарь его партийной комиссии.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Живет и работает в Свердловске. Как заместитель председателя совета ветеранов корпуса ведет активную общественную работу. В последние годы Алексей Васильевич восстановил почти никому неизвестную страницу боевой истории корпуса — собрал и обобщил материалы о полных кавалерах ордена Славы.

До недавнего времени многие члены совета ветеранов корпуса придерживались мнения, что едва ли кто-либо из добровольцев был награжден орденом Славы 1-й степени, — во всяком случае какими-нибудь данными на этот счет мы не располагали. Но когда мы узнали, что недалеко от Свердловска живут двое наших однополчан, полных кавалеров ордена Славы — Александр Катаев в Нижнем Тагиле и Анатолий Шевелев — в Карабаше, тогда все поняли, что нужно немедленно браться за поиски, чтобы восполнить существующий пробел в собранных до этого документах о боевых делах добровольцев.

К марту 1968 года — к празднованию 25-летия со дня организации корпуса — товарищи уже знали из отчетных штабных документов, что пятнадцать солдат и сержантов нашего соединения являются кавалерами орденов Славы всех степеней.

Для уточнения этих данных я поехал в Центральный архив Министерства обороны и нашел там наградные листы и приказы о на-

граждении орденами Славы 1-й степени 25 солдат и сержантов нашего корпуса. Удалось установить адреса награжденных. Это позволило в течение 2—3 лет встретиться с теми из них, кто остался в живых, а также с родными и близкими ушедших из жизни героев. В результате оказалось возможным уточнить многие сведения, а кое-что интересное узнать заново и на основе этого составить краткие справки на добровольцев — полных кавалеров ордена Славы. Надеюсь, эти справки помогут раскрыть картину бессмертного подвига уральцев-добровольцев.

АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВИЧ КАТАЕВ

Восемнадцатилетний забойщик золотых приисков в Висимо-Шайтанске, передовик производства — стал передовым воином Свердловской танковой бригады.

Передо мной наградной лист с описанием подвига, за который гвардии старшина, радист-пулеметчик танка Т-34 Александр Катаев был удостоен золотого ордена Славы 1-й степени:

«Товарищ Катаев в бою за населенный пункт Лисув 13. 01. 45 года проявил мужество и героизм.

Со своим экипажем уничтожил 1 танк «пантера», 1 танк «тигр», 3 бронетранспортера, 7 автомашин и до взвода пехоты противника.

В этом бою был подбит танк т. Катаева. Командир взвода гвардии лейтенант Торопчин был тяжело ранен. Катаев, презирая опасность, под сильным артиллерийским огнем противника вытащил из танка раненого командира взвода т. Торопчина и сам доставил его в санчасть, где ему была оказана первая медицинская помощь.

Тов. Катаев достоин правительственной награды — ордена Славы 1-й степени».

Дальше идут подписи командиров и строчка:

«Орденом Славы 1-й степени награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27. 06. 45 года».

АЛЕКСАНДР ХАРИТОНОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

В селе Метевбаш Башкирской АССР его знали как Валишина Аглиуллу Кисламовича. Воспитывался он в детдоме. Там кому-то вздумалось «перевести» его фамилию, имя и отчество с башкирского языка на русский. Васильевым Александром Харитоновичем он был направлен на один из свердловских заводов, где окончил ФЗО и стал сборщиком. Когда сформировался корпус и Александра не отпустили на фронт, как квалифицированного сборщика, он попытался тайком уехать с добровольцами, но «побег» не удался — линейная милиция вернула его в Свердловск, в цех.

И все же Александр добился своего: когда корпус находился в Брянских лесах, он прибыл в Свердловскую бригаду с пополнением. Командир батальона автоматчиков гвардии капитан Бендриков, знакомясь с новичками, спросил у Васильева:

А. Д. Катаев

А. Х. Васильев

И. В. Соболев

С. В. Смирнов

— Неужели тебе, сынок, восемнадцать стукнуло? А, может, добавил годика полтора?

— Правду говорю. Честное комсомольское! — уверял Васильев.

— Ну, что ж. Воюй. Бой все покажет... — вздохнул Бендриков.

Но уже после боя в селе Ольшаница комбат сказал Васильеву:

— Поздравляю с орденом Славы!

Вскоре Васильева перевели в разведвзвод роты управления Свердловской бригады. Александр стал разведчиком.

Бои за Штейнау Александр Васильев с группой разведчиков «очищал» дома от фашистских автоматчиков. В наградном листе так и написано: «...метким огнем из автомата убил 10 гитлеровцев, очистил два квартала от немецких автоматчиков». После Штейнау Александр Васильев награжден орденом Славы 2-й степени.

16 марта 1945 года, выполнив задание в тылу противника, Васильев пробирался с важным донесением в свою часть. Шел скрытно и все же не избежал боя. Нарвался на вражеский дозор и напал первым. Это его и спасло! Гранатой, очередью из автомата уложил шестерых гитлеровцев. Двое сдались в плен. С ними и прибыл Александр в бригаду, своевременно доставив комбригу донесение разведчиков.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ВОЛКОВ

Льва Волкова призвали в армию в январе 1942 года. Был он до этого связистом, работал надсмотрщиком линейно-технического узла Суслангорского отделения связи Марийской АССР. С этой специальностью и боевое крещение принял на Западном фронте. В боях отличился — и удостоен ордена Красной Звезды. Позднее Волкова направили в учебный танковый полк, а оттуда — по его настоятельной просьбе — к землякам, в Уральский добровольческий танковый корпус. 1 марта 1944 года прибыл он во второй танковый батальон Свердловской бригады.

Прослужил танкист Волков в батальоне всего две недели, а гвардии майор Никонов уже представил его к ордену Славы 3-й степени.

В атаке экипаж уничтожил два противотанковых орудия с расчетами, подавил огонь пяти минометных точек. Все это — пока шли к деревне. А в ней экипажу пришлось туго. Гитлеровцы подбили танк и медленно подползали к нему. Откуда-то из-за домов бил по танку вражеский миномет.

Волков выбрался из танка с пулеметом и заряженными дисками. Он охранял танк, пока товарищи устраняли повреждения. Меткие очереди пулемета отбрасывали гитлеровцев каждый раз, как только они поднимались, чтобы кинуться к подбитому танку.

Прошло несколько месяцев, и в боях за Львов Волков был награжден орденом Славы 2-й степени.

19 января 1945 года экипаж танка уничтожил противотанковое орудие и три автомашины противника, подбил «тигра», сжег бронетранспортер и уничтожил больше сотни гитлеровцев. А 23 января экипаж, атаковав колонну отступавшего противника, уничтожил до

В. Т. Стрыгин

А. Г. Хуснутдинов

В. А. Минин

К. Г. Фокин

400 гитлеровских солдат и офицеров, 70 подвод, до 80 автомашин. Захватив в этом бою два противотанковых орудия, 18 минометов и десять вражеских пехотинцев, танкисты доставили трофеи и пленных в батальон.

За подвиг, совершенный в этих боях, Лев Николаевич Волков Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Славы 1-й степени. Все остальные члены экипажа также были удостоены правительственных наград.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ СОБОЛЕВ

Это имя навечно запечатлено в мраморе величественного монумента погибшим уралмашевцам.

Монумент стоит на площади Первой пятилетки, в Свердловске. Сколько раз проходил по ней на завод электросварщик комсомолец Ванюша Соболев! И отсюда в марте 1943 года он добровольцем ушел в танковый корпус.

Я с волнением листал его наградные листы, вырезки из газет, страницы письма пионеров из его родного села Першино.

6 марта 1944 года. В составе танкового десанта Соболев атакует гитлеровцев, засевших на железнодорожной станции Волочиск. В дерзкой атаке танкисты и самоходчики шквальным огнем вынудили бежать гитлеровский бронепоезд, автоматчики закрепились в здании вокзала. Четыре контратаки отбили они в этот день. Соболев был ранен в руку, но не вышел из боя и при отражении контратак убил пять гитлеровцев. За этот бой он был награжден орденом Славы 3-й степени.

18 июля 1944 года. Соболев в составе группы разведчиков действует в тылу противника. Задание выполнено, пора возвращаться к своим. Заметив советских разведчиков, гитлеровцы все теснее окружают наших воинов. Командир отдает приказ — на прорыв. Первым бросается на врага Соболев. Огнем автоматов, гранатами пробивают себе путь разведчики. Их отвага, дерзость привели к победе: разведчики, уничтожив в короткой схватке до двадцати гитлеровцев, без потерь вернулись в часть, раздобыв ценные сведения об обороне противника.

19 июля 1944 года. Соболев с группой бойцов действовал на фланге, преграждая путь отступающему врагу. Используя внезапность удара, автоматчики уничтожили до взвода пехоты противника, в том числе десять гитлеровцев убил Соболев.

Обнаружив во время боя спрятавшийся во ржи вражеский пулеметный расчет, Соболев незаметно и быстро подобрался к нему, забросал его гранатами.

Награжден орденом Славы 2-й степени.

16 января 1945 года. Наши воины, преследуя противника, ворвались в село, где находился штаб фашистской части. В завязавшейся ожесточенной схватке Соболев убил трех офицеров противника и захватил знамя вражеской части. На следующий день Соболев в раз-

ведке уничтожил гранатами четырех немецких солдат, а четырех взял в плен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года награжден орденом Славы 1-й степени.

СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ СМИРНОВ

В марте 1943 года, когда формировался мотоциклетный добровольческий батальон, Семену Смирнову было 19 лет. Но он уже выдержал испытание огнем. Пришел в батальон с фронтовым опытом и с первым ранением, из-за которого и попал с фронта в Свердловск на лечение. Узнав о создании корпуса, настойчиво попросил, чтобы его послали на фронт вместе с добровольцами-уральцами...

Бывалые люди всегда нужны. Зачислили Смирнова командиром отделения разведчиков, вручили ему бронетранспортер. Отделение действовало слаженно, боевые задачи выполняло по-гвардейски. В боях под Орлом Смирнова наградили медалью «За отвагу».

На Правобережной Украине заслужил Семен Смирнов свой первый орден — орден Славы 3-й степени. Группа разведчиков, выполнив боевую задачу, возвращалась в свою часть. Гитлеровцы обнаружили группу, стали ее преследовать. И тогда командир приказал Смирнову прикрыть силами своего отделения отход подразделения.

— Оставляю вас на смертный бой,— сказал командир.— Попрощаемся, товарищи...

Но еще встретились они и еще повоевали вместе! Смирнову удалось оторваться от противника и стремительным броском вывести отделение к своим.

Вторым орденом Славы Смирнов был награжден в боях за освобождение Львова. Его отделение на бронетранспортере смело разведывало пути движения для наших танков. В одной из вылазок Смирнов обнаружил до двух рот противника. Не вступая в бой, он укрыл машину и пропустил гитлеровцев, предупредив об этом по радио наших танкистов. Танкисты, с ходу развернувшись в боевой порядок, атаковали вражескую колонну. Гитлеровцы оказались в западне. Обратившись в паническое бегство, они нарвались на шквальный пулеметный огонь бронетранспортера Смирнова.

Закончил войну Семен Смирнов полным кавалером орденов Славы. Представляя гвардии старшину Смирнова к ордену Славы 1-й степени, командир батальона гвардии подполковник Беклемишев писал в наградном листе о том, что Семен Смирнов в одном из боев на территории Польши разгромил колонну гитлеровцев, захватил при этом ценные документы и пленных.

ВАСИЛИЙ ТИХОНОВИЧ СТРЫГИН

Группа разведчиков, в которую входил и доброволец из Свердловска старший сержант Стрыгин, получила задание проникнуть в расположение врага и подорвать несколько долговременных укреп-

ленных точек, чтобы дать возможность нашим подразделениям продвигаться вперед.

Двигаться пришлось ползком. Местность незнакомая да еще ночью; фашисты были настороже — темноту то и дело разрывали вспышки ракет. Временами из дзотов вырывались огненные струи пулеметных очередей.

Разведчики запоминали, откуда стрелял противник.

Старший группы толкнул Василия в бок.

— Видишь на горизонте холмик, — тихо сказал он. — Это дзот. Вот на нем уложишь взрывчатку и будешь ждать сигнала.

Василий подполз к цели. Из амбразур дзота глухо доносились голоса. Стрыгин поджег бикфордов шнур и быстро отполз к месту сбора. Несколько томительных минут, и дзот был разрушен.

За этот подвиг Стрыгин получил один из трех своих орденов Славы.

СТЕПАН ИВАНОВИЧ ШИШКИН

Ему уже было 38 лет, когда он подал заявление с просьбой послать его в добровольческий корпус. Ему говорили: таких мастеров-золотодобытчиков, как он, на пальцах сосчитать, что его труд в тылу не менее важен, чем ратные дела на фронте. А Степан Иванович все свое: «Пойду. Здесь вместо меня есть кому поработать, я себе смену подготовил». И Степана Ивановича направили в формирующуюся отдельную инженерно-минную роту для мотострелковой бригады.

Из многочисленных подвигов, за которые коммунист старший сержант Степан Иванович Шишкин был удостоен пяти орденов, в том числе трех орденов Славы, скажу о нескольких.

На подступах к Унече ему приказали обезвредить на опушке леса минное поле. Под градом пуль его отделение подползло к лесу и начало снимать мины.

Гитлеровцы непрерывно атаковали. Семь атак отбило отделение и очистило путь для штурма Унечи.

Потом, когда он уже стал помощником командира саперного взвода, его бойцы под непрерывным артиллерийским и пулеметным огнем противника построили мост через реку Ипуть, не имея при этом никаких потерь.

На реке Нейсе Шишкин со взводом в течение суток сдерживал контратаки противника. Был ранен в голову, но продолжал вести бой до подхода наших танков.

АХНАФ ГАЛИМЬЯНОВИЧ ХУСНУТДИНОВ

В одном из боев на подступах к границе Германии наводчик 57-миллиметрового противотанкового орудия был выведен из строя. Его заменил замковый гвардии рядовой Ахнаф Хуснутдинов.

Восемь «тигров» шли на горсточку артиллеристов. Девятнадцатилетний Хуснутдинов, действуя и за себя, и за наводчика, подбил два

Зам. командира 1-го мотострелкового батальона гвардии майор В. Г. Румянцев вручает гвардейский значок гвардии рядовому А. Г. Хуснутдинову. Ноябрь 1943 г.

«тигра» и тем самым расчистил дорогу для наступления стрелкам третьего батальона мотострелковой бригады корпуса.

Через неделю Хуснутдинов проявил героизм при форсировании Одера. Он обстреливал и подавлял огневые точки на западном берегу и, когда наша пехота пошла по льду, одним из первых со своим расчетом перетащил орудие к вражескому берегу.

В наградных листах я увидел подписи командиров батальона, бригады и корпуса под строками: «Достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

Но, как это бывало в боях, достойных высшей награды всегда было больше, чем отмеченных ею.

Ахнаф Галимьянович Хуснутдинов после Одера был награжден орденом Славы 2-й степени, а вскоре удостоен ордена Славы 1-й степени.

КУЗЬМА ГАВРИЛОВИЧ ФОКИН

Железнодорожник, комсомольский активист, коммунист Кузьма Гаврилович Фокин с первых дней войны ушел на фронт. В Свердловскую танковую бригаду он попал после ранения под Сталинградом.

Бывалого воина, опытного механика-водителя коммунисты танковой роты избрали своим парторгом. Во всех сражениях, в которых принимала участие Свердловская бригада, парторг Фокин оставался примером для личного состава. В одном из боев на территории Германии он погиб смертью храбрых.

Свой третий орден Славы — золотой — Кузьма Гаврилович заслужил в жестокой схватке на Варте, когда три танка Свердловской бригады захватили мост и ворвались в город Бурзенин.

ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ МИНИН

Токарь-универсал, наладчик сложнейших станков, Василий Афанасьевич стал умелым и отважным разведчиком Свердловской танковой бригады, в которую он вступил добровольцем.

С первых и до последних боев Василий Афанасьевич был коман-

И. Д. Другов

М. Ф. Литягин

П. А. Масленников

И. Е. Кургузов

диром отделения разведки. Ходил в тыл врага, выполнял сложные боевые задачи.

Однажды старшине Минину с группой разведчиков приказали пробраться в расположение войск противника, установить их численность и состав.

Засветло разведчики изучили передний край в том месте, где предстояло перейти линию фронта, уточнили задачу, распределили обязанности и, прихватив с собой рацию, отправились в путь. Местность сильно пересеченная. Пробираться через передний край пришлось заснеженным полем и оврагами.

Наконец, передний край остался позади. И вот уже обнаружены огневые позиции артиллеристов, в балке группа танков — их свыше пятнадцати. У танков — гитлеровские танкисты и пехотинцы. Об этом было немедленно доложено командованию.

Вскоре вражеские танки, замеченные разведчиками, пошли в контратаку, но были встречены сильным огнем. На поле боя осталось двенадцать подбитых вражеских машин.

ИЛЬЯ ДМИТРИЕВИЧ ДРУГОВ

Электросварщик Кемеровского азотного завода Илья Дмитриевич Другов вступил добровольно в 303-ю Сибирскую стрелковую дивизию в первые дни войны и сражался с фашистскими захватчиками, пока не был ранен. Лечился на Урале и здесь проходил переподготовку на танкиста. В апреле 1943 года опять же добровольно был зачислен в Свердловскую танковую бригаду. Вскоре его перевели в мотоциклетный батальон на должность командира отделения.

Опытный воин прошел с нашим корпусом весь путь от Орла до Праги, неизменно проявляя высокое мастерство и храбрость.

Участвуя в прорыве к Львову, Другов двое суток без сна и отдыха обеспечивал надежную связь между командным пунктом и подразделениями. А на второй день боев передовых частей в самом Львове проявил высочайшую отвагу и мастерство.

Задача была — прорваться сквозь многочисленные заслоны противника, доставить в штаб корпуса боевое донесение. Сколько раз мотоцикл Другова обстреливался вражеским огнем, но он сумел обойти и танковые засады, и пушки — донесение было доставлено.

В Верхнесилезской операции Другов действовал уже как помощник командира взвода, вел разведчиков в расположение противника, уточнял их силы, боевые средства, захватил очень ценного «языка».

И каждый раз, когда друзья узнавали о награждении Ильи Дмитриевича Другова новым орденом Славы, можно было услышать:

— Сибиряк заслужил высший солдатский орден. Воюет как следует!

ЕВГЕНИЙ ПАРФЕНОВИЧ САМОДУРОВ

При отборе добровольцев мастера линейной связи станции Свердловск Евгения Парфеновича Самодурова послали учиться на радиста-

пулеметчика. Освоил он специальность отлично и уже в звании старшего сержанта проявил себя одним из лучших воинов в Свердловской танковой бригаде.

16 марта 1944 года, когда группа наших танков, действуя в тылу противника, прорвалась деревню, замыкающая машина была подбита и осталась в распоряжении значительных сил врага. За исключением Евгения Парфеновича, все члены экипажа были тяжело ранены и действовать не могли. Гитлеровцы окружили танк, предвкушая легкую победу. Но не тут-то было! Евгений Парфенович, поливая врага огнем то из пулемета, то из автомата, не дал ему приблизиться к танку, пока не подоспело наше подразделение.

А в Каменец-Подольском и Львове!

Евгений Парфенович вынес из расположения врага тяжелораненого командира взвода, действовал не только в танке, но и в боевых порядках стрелков, взял в плен офицера и трех солдат.

После освобождения Львова партийная организация батальона приняла Евгения Парфеновича Самодурова в члены КПСС. Дальнейшие бои подтвердили, как высоко несет имя коммуниста славный воин.

В жестоком сражении в Лисуве (за то сражение он награжден третьим орденом Славы) Евгений Парфенович со своим экипажем уничтожил 2 танка, 2 бронетранспортера, свыше 120 солдат и офицеров противника, обеспечивал бесперебойную радиосвязь с командирами.

В ожесточенном бою за город Жары (Зорау) 14 февраля 1945 года гвардии старший сержант Евгений Самодуров был тяжело ранен и 21 февраля умер от ран.

ИВАН ЕФИМОВИЧ КУРГУЗОВ

Первое боевое крещение Иван Ефимович Кургузов получил в 1938 году в боях с японскими самураями у озера Хасан. В 1940 году он принимал участие в прорыве линии Маннергейма на Карельском перешейке.

В августе 1941 года И. Е. Кургузову снова пришлось надеть шинель. В боях за Петрозаводск, а впоследствии на Карельском перешейке он был дважды тяжело ранен и в августе 1942 года уволен в запас как негодный для военной службы.

Узнав о формировании Уральского добровольческого танкового корпуса, И. Е. Кургузов ходатайствовал о зачислении добровольцем и добился своего. Уже в первых боях под Орлом и при освобождении Унечи командир орудия противотанковой батареи 3-го батальона мотострелковой бригады показал себя храбрым, умелым воином и был награжден медалью «За отвагу».

Орден Славы 3-й степени И. Е. Кургузов получил за подвиги, совершенные в боях за Каменец-Подольский. Неоднократно отличался он и во Львовской операции и при отражении яростных контратак на Висленском плацдарме.

В. А. Даллакян

И. П. Снегирев

А. И. Шевелев

П. М. Силаев

15 января 1945 года при отражении контратаки восьми танков противника Кургузов, ведя огонь прямой наводкой, уничтожил немецкий танк. За это он был награжден орденом Славы 2-й степени.

При форсировании Одера и удержании плацдарма на его западном берегу Иван Ефимович действовал с большой находчивостью и мужеством. На плацдарме он подбил два «тигра» и уничтожил одно немецкое орудие вместе с расчетом. Тут он был награжден орденом Славы 1-й степени.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ЛИТЯГИН

В Пермскую гвардейскую танковую бригаду добровольческого корпуса М. Ф. Литягин прибыл в январе 1944 года в составе танкового маршевого подразделения. К этому времени он имел боевой опыт и прошел курс обучения в одном из полков Уральского военного округа.

Его боевой путь в корпусе начался 10 марта 1944 года. Экипаж танка, в котором Литягин выполнял обязанности радиста-пулеметчика, успешно отбил атаку противника у населенного пункта Западница, уничтожив при этом до 60 немецких солдат и офицеров, а также 10 повозок с боеприпасами. Михаил Федорович подавил огнем из своего пулемета три пулеметных точки врага и уничтожил их расчеты. За эти боевые дела он был удостоен ордена Славы 3-й степени.

Под шквальным артиллерийским и минометным огнем и бомбовыми ударами авиации противника экипаж гвардии старшины Литягина в числе первых танкистов бригады форсировал 24 января 1945 года Одер и в течение двух недель участвовал в ожесточенных боях за удержание и расширение плацдарма. В этих боях Литягин огнем из пулемета уничтожил более 100 гитлеровцев, непрерывно поддерживал связь с командованием батальона, передавал по радио ценные данные о противнике и положении своего подразделения. За проявленный героизм он был награжден орденом Славы 1-й степени.

За подвиги, совершенные в боях в Силезии и под Берлином, младший сержант Литягин награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды.

Самоотверженный труд бывшего фронтовика на одной из шахт Донбасса отмечен знаком «Шахтерская слава 3-й степени».

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ МАСЛЕННИКОВ

Уроженец города Аша П. А. Масленников при формировании корпуса зачислен в Челябинскую танковую бригаду, в ее составе принял участие в боях на Орловщине, а затем его экипаж был передан Свердловской танковой бригаде.

Одним из первых танк Масленникова ворвался на станцию Волочиск и вступил в бой с вражеским бронепоездом, обеспечив выполнение боевой задачи батальона. При отражении многочисленных контр-

Д. Я. Барышев

И. А. Капустин

Г. Н. Светличный

Д. Н. Хоменко

атак противника танк был подбит и загорелся, Петр Масленников, не теряясь, быстро снял пулемет, выбросил из танка заряженные пулеметные диски и только после этого покинул танк. Продолжая вести бой, он уничтожил свыше десяти гитлеровцев. За это он был награжден орденом Славы 3-й степени.

В боях на Львовском направлении по инициативе Масленникова танк был скрытно выдвинут в засаду. Ведя оттуда огонь из танковой пушки, Масленников уничтожил два вражеских танка, одну зенитно-самоходную установку, четыре пулемета и до пятидесяти солдат и офицеров противника. За этот подвиг гвардии старший сержант Масленников удостоен ордена Славы 2-й степени.

И в дальнейшем отважный доброволец-уралец с исключительной самоотверженностью выполнял свой патриотический долг. Высокую оценку его боевых дел дал командир 1-го танкового батальона Свердловской бригады гвардии капитан Скринько.

«Тов. Масленников Петр Андреевич в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявляет доблесть и героизм, сочетая их с высоким воинским мастерством. В летних боях прошлого 1944 года в Дрогобычской области, в боях за деревню Кузьминка, при танковой поддержке пехоты Масленников огнем своего орудия и пулемета уничтожил три вражеских орудия, один бронетранспортер и двадцать человек вражеской пехоты, чем обеспечил освобождение этого населенного пункта.

15 января 1945 года он вновь отличился в боях за поселок Петровце. При отражении контратак пехоты и танков противника огнем из своего орудия он уничтожил три танка и до 40 вражеских пехотинцев. Своим личным примером, стойкостью и мужеством Масленников увлекал на поле боя и остальных танкистов своего подразделения. В результате решительных действий танкистов противник был выбит из Петровце и поспешно стал отходить на Запад».

По этому представлению гвардии старший сержант Масленников был награжден указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Славы 1-й степени. Замечательный воин — коммунист Петр Андреевич Масленников 45 дней не дожидаясь Победы — 25 марта 1945 года он пал смертью храбрых в бою у населенного пункта Круг.

ВЛАДИМИР АРАКЕЛОВИЧ ДАЛЛАКЯН

В боях за Кельце отличились многие воины Пермской танковой бригады. Среди них был отважный автоматчик моторизованного батальона Даллакян. Очищая окраину города от гитлеровцев, взвод, в котором служил Даллакян, попал под губительный огонь двух бронетранспортеров противника. Командир взвода был тяжело ранен. Произошло замешательство. Владимир без промедления, смело взял командование на себя; распорядился занять укрытия и вести огонь по противнику. Сам скрытно подобрался к немецким бронетранспортерам и гранатами вывел их из строя, а уцелевших гитлеровцев уничтожил огнем из автомата.

В. Ф. Шлыков

Л. Н. Чирков

Не смогли гитлеровцы остановить на Одере наступательный порыв гвардейцев Урала. Из мотострелков Пермской танковой бригады первыми форсировали Одер автоматчики отделения Владимира Даллакяна. Воодушевленные смелыми действиями своего командира, они гранатами и огнем из автоматов уничтожили четыре огневых точки и два дота вместе с их расчетами.

За проявленное мужество и героизм при форсировании Одера, расширение и удержание плацдарма, командование бригады и корпуса представило гвардии сержанта Даллакяна к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза. Владимир Даллакян был награжден орденом Славы 2-й степени.

Ордена Славы 1-й степени Владимир был удостоен за подвиги в тяжелых и кровопролитных боях при окружении и уничтожении Опельнской и Ратиборской группировок отборных войск гитлеровцев.

16 марта 1945 года Владимир Даллакян со своим отделением первым ворвался в населенный пункт Ламсдорф. В уличных боях командир взвода выбыл из строя. Владимир и в этот раз принял командование взводом на себя. В этом бою его взвод уничтожил три пулеметных точки и более пятидесяти гитлеровцев.

После этого боя Даллакян стал полным кавалером ордена Славы.

ИВАН ПРОКОПЬЕВИЧ СНЕГИРЕВ

С первых дней Великой Отечественной войны мастер леспромхоза из Коми-Пермяцкого национального округа И. П. Снегирев уходит добровольцем на фронт. Защищает Ленинград. Сражается на фронте.

После трех ранений и тяжелой контузии его увольняют в ноябре 1942 года в запас как непригодного к военной службе.

Однако Иван Прокопьевич долго оставаться в тылу не захотел. Чувство патриотического воинского долга снова позвало его в боевой строй — в марте 1943 года он вступил добровольцем в Пермскую танковую бригаду. Командир отделения взвода разведки Снегирев с честью прошел вместе с добровольческим корпусом весь его боевой путь. Был трижды ранен, но каждый раз после излечения возвращался в свою родную часть.

За выполнение многочисленных задач по разведке противника и проявленное при этом мужество и отвагу Иван Прокопьевич награжден орденами: Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, Славы всех трех степеней и тремя медалями.

Орденом Славы 1-й степени гвардии старшина Снегирев И. П. награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года, за неоднократные боевые подвиги при окружении и уничтожении Оппельнской и Ратиборской группировок противника.

После войны Иван Прокопьевич возвратился к своей семье в Нижнюю Косу и почти восемь лет добросовестно работал в леспромхозе. Но раны и контузия давали о себе знать, он часто стал болеть и в 1953 году умер.

ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ СИЛАЕВ

После окончания школы младших командиров в октябре 1943 года, девятнадцатилетний младший сержант Петр Силаев с командой добровольцев прибыл в Брянские леса в Уральский корпус. Зачислили его сапером во 2-ю роту саперного батальона.

П. М. Силаев много раз ходил в инженерную разведку, минировал и разминировал, взрывал дзоты, прокладывал дороги, строил мосты и переправы, провешивал броды, спасал подожженные противником наши «тридцатьчетверки» и их экипажи. На его счету десятки уничтоженных и взятых в плен гитлеровцев. За многочисленные подвиги и отвагу в боях с гитлеровцами командир отделения гвардии сержант Силаев награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Славы всех трех степеней и пятью медалями.

* * *

Хочется в заключение назвать имена еще 9 отважных воинов корпуса — полных кавалеров ордена Славы. Это один из опытных механиков-водителей танка Т-34 гвардии старший сержант Анатолий Иосифович Шевелев из Свердловской танковой бригады, воины-добровольцы Пермской бригады — командир отделения, а затем помощник командира взвода ПТР гвардии старшина Дмитрий Яковлевич Барышев, командир отделения автоматчиков гвардии старшина Иван Алексеевич Капустин, радист-пулеметчик гвардии старшина Василий Иванович Невредимов, командир орудия гвардии старший сержант

Виктор Васильевич Зимин. Среди воинов, награжденных орденами Славы всех трех степеней, два боевых друга из 72-го гвардейского тяжелого танкового полка заряжающие ИС-122, а впоследствии старшие механики-водители гвардии младший лейтенант Дмитрий Николаевич Хоменко и гвардии старшина Григорий Никифорович Светличный, командир отделения разведки 1-го дивизиона 299-го гвардейского минометного полка гвардии старший сержант Леонид Николаевич Чирков и командир противотанкового орудия 3-го батальона 29-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии старшина Виктор Филиппович Шлыков.

Надеемся, что о боевых и трудовых делах этих и других полных кавалеров орденов Славы еще будут написаны очерки, рассказы, а может быть и повести.

Через
25 лет

Четверг, 11 марта 1968 года. В этот обычный трудовой день рабочего Свердловска триста ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса съехались из городов и сел Урала, из республик и областей, чтобы отметить двадцать пятый день рождения корпуса. Многие из них не видели однополчан более двадцати лет, и радость встреч на квартирах добровольцев-свердловчан, в гостиницах, на торжественном сборе в окружном Доме офицеров была поистине безмерной.

Первой электричкой приехал с женой из Нижнего Тагила Александр Николаевич Перминов, поспешил с вокзала на квартиру Вадима Кузьмича Очеретина, чтобы вместе с ним принять на правах хозяев-уральцев далеких друзей. Но он запоздал.

Квартира Очеретина гудела разноголосьем слетевшихся однополчан — бывших автоматчиков мотострелкового батальона Свердловской танковой бригады.

— Сашка!.. — обхватил Перминова человек с такой серебристо-белой головой, что тагильчанин узнал его только по голосу.

— Слава!.. Ты или не ты?..

Да, это был Вячеслав Якубович — близкий фронтовой товарищ, кандидат наук, прибывший в Свердловск из Москвы.

Не узнал поначалу Перминов и бывшего парторга батальона Прохорова, а вот первого командира своей роты автоматчиков Александра Петровича Николаева, раненного в один час с ним на Орлов-

Герой Советского Союза А. П. Николаев, бывший командир роты автоматчиков Свердловской танковой бригады на пионерской линейке в г. Чайковском

ской земле, признал с первого взгляда, хотя Николаев постарел больше всех. Перминов увидел Николаева, когда тот переодевался — все тело в рубцах от тяжелых ранений, на вешалке — пиджак с десятком орденов и Золотой Звездой. Николаев и Прохоров приехали вместе, они живут и работают в Калининской области.

К Дому офицеров шли тесной группой с Героем Советского Союза Николаевым, с шофером из Челябинска Михаилом Бадяевым и его женой, с работником нефтебазы села Ключи Ирбитского района Петром Чащиным. Нико-

лаев рассказывал, как после госпиталя попал в другую часть; Чащин вспоминал каменец-подольские бои, а о берлинских, о Беелитце, где он потерял глаз, помалкивал — зачем омрачать праздник грустными воспоминаниями...

Дом офицеров, казалось, в то утро скинул с себя гранитную тяжесть колонн, помолодел вместе с ветеранами. Веселый гул голосов, объятия, слезы, смех — все это создавало удивительно оптимистическую атмосферу, захлестывало каждого нового гостя и посетителя.

— Аннушка, дорогая! — бросается к бывшему санинструктору Анне Алексеевне Квансковой грузный врач Ираклий Степанович Матешвили, прилетевший на праздник из Тбилиси. Это он в бригадном медсанзводе попытался операцией спасти Аннушку, не надеясь, что она одолеет смерть, что он увидит ее когда-нибудь. А вот же одолела, смотрит на него светлыми, счастливыми глазами, и надо очень внимательно всмотреться в ее лицо — красивое лицо русской женщины, чтобы заметить следы того огня, который хотел спалить ее красоту.

А в комнате — музее боевой славы уральских соединений сидел в кресле бывший боец Унечской мотострелковой Николай Васильевич Эргард — единственный оставшийся в живых после боя пятидесяти раненых против немецких танков в деревне Петровке, единственный свидетель героической гибели бессмертной дочери корпуса Галины

Гордиевич. Он рассказывал о ней, о том, как его самого нашли в яме жители деревни, выходили, спасли; как он работает в колхозе. И трое юношей — рабочих, которые приехали из того же района и знают историю Галины Гордиевич, дополняют Эргарда, смотрят ненасытно на уральцев, освободивших Волочиск, их сахарный завод, коллектив которого направил их в Свердловск и поручил передать сердечную благодарность своим освободителям.

Уже расселись все в зале, уже президиум занял места на сцене и председатель встал, чтобы открыть собрание, как вдруг солидный киевлянин Александр Алексеевич Ломаев — научный сотрудник Академии наук Украины — вскочил, как мальчишка, и бросился с первого ряда назад, к дверям, в которых показалась худенькая женщина с землистым, болезненным лицом и восторженными глазами, одарившими всех щедрым теплом.

— Сестренка!.. Наденька, Надюша!..

И ветераны потянулись к этим глазам, а танкисты-пермяки, которые служили с Надеждой Малыгиной, окружили ее тесным кольцом, чтобы пожать руку мужественной сестренке батальона, автору книг об уральских танкистах и их подвигах.

— Вы же меня... Из горящей машины... — сокрушался другой ветеран, удрученный тем, что Малыгина не помнит его фамилии.

...После собрания, разбившись на группы, ветераны разъехались по заводам, школам, институтам.

В Свердловский горный институт попросился Сергей Иванович Бутырин — бывший командир дивизиона, а потом — командир минометного полка.

— Я из горного института в жизнь большую ушел, — объяснил Бутырин свое желание.

И вот он — бесстрашный уралец, чей героизм был отмечен четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Александра Невского и орденом Отечественной войны; талантливый руководитель крупнейших предприятий истроек в Советском Союзе и в Германской Демократической Республике, награжденный после войны орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», он, Бутырин, был смущен и растерян восторженными аплодисментами, которыми сопровождали его выступление.

И когда Сергею Ивановичу торжественно преподнесли диплом об окончании Свердловского горного, который он не успел получить перед отъездом на фронт, он несколько минут не мог произнести ни слова, настолько был взволнован.

Член совета ветеранов корпуса Алексей Васильевич Волковинский, чтобы дать представление студентам, кто и как уходил добровольно на фронт, рассказал о другом горном инженере, добровольце из Челябинской области Андрее Гавриловиче Тихонове — до организации корпуса и после войны тот был директором завода имени Артема в городе Пласте.

С. И. Бутырин

Тихонова, крупного организатора, опытного инженера по цветным и благородным металлам, естественно, не хотели, да и не могли отпустить на фронт. Андрей Гаврилович обратился к первому секретарю Челябинского обкома партии Патоличеву. Тот тоже отказал. Тихонов двое суток сидел в его приемной, много раз заходил в кабинет, доказывал вновь и вновь, что на директорскую работу он подготовил способного инженера, а ему, коммунисту Тихонову, полагается заменить в танке погибшего под Харьковом брата-танкиста. И доказал! Директор завода Тихонов стал стрелком-радистом танка. Воевал храбро, умело, но никогда не бравировал этим. В письме к однополчанину он пи-

сал: «Подвигов я не совершал, я просто выполнял свой долг».

Таковы наши ветераны!

С одного из свердловских заводов отпустили в корпус несколько добровольцев и среди них четырех москвичей, эвакуированных в начале войны на Урал: конструктора Чепурышкина, мастеров Минина, Лобачева и Давыдова. После войны они возвратились в Москву, но Урал и завод, куда они пришли на встречу, остались для них родными.

Разговор шел о танковом корпусе и больше всего о том, как надо сегодня работать, чтобы Родина непрерывно повышала свое могущество. Любознательный паренек спросил Чепурышкина:

— А орден Ленина вы за что получили?

— За работу, — ответил Чепурышкин, а Минин уточнил:

— За выполнение ответственного задания.

Встречи в рабочих коллективах состоялись во время обеденных перерывов, а к вечеру свердловчане спешили на Вокзальную площадь, к памятнику уральским добровольцам-танкистам, на митинг-встречу ветеранов с молодежью города и воинами Свердловского гарнизона. На митинге прозвучала новая клятва ветеранов танкового корпуса:

— Как и двадцать пять лет назад, мы даем клятву рабочему Уралу — опорному краю нашей страны.

Двадцать пять лет назад мы уходили в бой с врагами и прошли немалый и нелегкий путь, не нарушив той клятвы — не жалеть ни крови, ни жизни и вернуться только с победой.

Мы вернулись тогда не все: многие из нас остались там, на полях сражений. И перед вечной памятью своих друзей мы снова клянемся:

Никогда, нигде, ни в чем не уронить имени гвардейца Уральского танкового корпуса:

Через 25 лет встретились однополчане. Слева направо: стоят В. А. Минин, П. М. Давыдов, сидят: А. С. Лобачев и И. П. Чепурышкин

Клянемся!

До конца своей жизни считать себя в боевом строю.

Клянемся!

Передать нашим детям и внукам все самое лучшее, что есть в нас. Чтобы они любили свою страну, не сгибались перед трудностями, были готовы защищать свое государство и свято чтить память всех, кто отдал жизнь за народ, за Союз Советских Социалистических Республик, за дело Коммунистической партии.

Ветераны корпуса приняли обращение к молодежи области, в котором они призвали ее быть верными преемниками и продолжателями славы отцов, крепить оборонную мощь нашей страны и, если потребуется, самоотверженно стать на защиту своей Отчизны.

КЛЯТВА У ПАМЯТНИКА ИЛЬИЧУ

На Южном Урале — жара под тридцать градусов. И сердечные встречи с дорогими гостями, которыми живет сейчас Челябинск, проходят в зазеленевших скверах и в лесопарке имени Гагарина. На Южный Урал приехали гости из Винницкой, Тернопольской, Ровенской, Львовской и других областей, где сражалась с фашистами Челябинская добровольческая танковая бригада, входившая в Уральский добровольческий танковый корпус. Приехали бойцы танковой бригады, живущие теперь во всех городах и селах страны.

...На площади Революции, у памятника Владимиру Ильичу, в четком строю замерли ряды юношей в белых рубашках. Вот каждый из них

опустился на колено, и громкоголосое, четкое «Клянемся!» потрясло площадь. Это молодые призывники-челябинцы дали клятву Родине, родному Уралу, рабочему классу, ветеранам войны верно служить Отчизне.

В тишине замершие ряды призывников слушают наказ старших. Говорит Герой Советского Союза, бывший командир танковой роты Уральского добровольческого танкового корпуса П. П. Кулешов. За ним выступает мать одного из призывников учительница Ксения Матвеевна Зырянова. Она обращается к своему сыну, ко всем сыновьям уральской земли с материнским наказом: быть достойными славы отцов.

(«Правда», 11 мая 1968 г.)

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ПРАГИ

Вечным гражданином Праги называли чехи наш уральский танк под номером 23, который на рассвете 9 мая 1945 года первым прорвался к центру города и ныне возвышается на площади имени Советских танкистов в пражском рабочем районе — Смихове.

На пьедестале этого памятника — имена гвардейцев Уральского добровольческого танкового корпуса, погибших в последние минуты войны. Среди них — имя лейтенанта Ивана Григорьевича Гончаренко, командира танка № 23.

Гончаренко был убит в бою у моста через Влтаву, когда его танк, подбив две немецкие самоходки, сам загорелся от прямых попаданий вражеских снарядов. Судьба других членов экипажа долгое время была неизвестна. Тяжелораненные, они были направлены в госпиталь вместе с чехом, который во время боя сидел на броне танка и указывал путь к мосту. Между тем со слов каких-то неизвестных свидетелей распространился слух о гибели всего экипажа танка № 23. Не проверив появившиеся сообщения, один советский журналист в небольшой статейке для отрывного календаря, посвященной Дню танкистов, также утверждал, что все товарищи Гончаренко погибли.

Этот листок в праздничное утро сентября и прочитала вслух дочь Александра Николаевича Филиппова, москвича, бывшего танкиста Уральского добровольческого корпуса.

Услышав имя Гончаренко, слова о гибели экипажа, Александр Николаевич выхватил листок из рук дочери, пробежал глазами строчки и с возмущением воскликнул:

— Неправда!.. Я живой!.. Я воевал в этом танке... Не все погибли...

И едва успокоившись, написал письмо в архив Министерства обороны, чтобы узнать, действительно ли скончались от ран в госпиталях его друзья по экипажу старший механик-водитель Илья Шкловский, командир орудия Павел Батырев и заряжающий Николай Ковригин.

Оказалось, все они живы.

Штопанный-перештопанный хирургами, Илья Григорьевич Шкловский в декабре 1945 года вернулся в Казахстан, откуда он ушел в армию. Другой с таким неокрепшим здоровьем, как у него, наверное, попросился бы на работу полегче, а он, не задумываясь, подался строить железную дорогу Моинты — Чу.

К моменту, когда его стали разыскивать, прошло около двадцати лет. Слесарь Шкловский прирос к любимившейся ему путевой службе. Поставил в поселке Берлик дом, женился на девушке из путевого же рода, обзавелся четверью детьми.

...Возвращается однажды сын Коля из школы.

— Папа, учителя попросили, чтобы ты пришел.

«Набедокурил что-нибудь, постреленок», — подумал Илья Григорьевич, хотя и знал, что Коля — ученик дисциплинированный и прилежный.

А звали по поводу нежданному-негаданному: Илью Григорьевича разыскивал московский корреспондент органа ЦК КПЧ — газеты «Руде право» Зденек Горжени. Услышав от Александра Филиппова, что Шкловский «кажется, поселился на разъезде Берлик в Чуйском районе», журналист послал телеграмму на имя начальника поселковой почты и попросил сообщить адрес бывшего танкиста. Чтобы ускорить поиск, сотрудник почты направился в школу узнать, учатся ли в ней Шкловские. Так и нашли адрес Ильи Григорьевича и сообщили в Москву.

И началась переписка.

От Александра Николаевича Филиппова Илья Григорьевич узнал, что их боевая машина стала памятником дружбы и братства народов Советского Союза и Чехословакии, что Павел Батырев и Николай Ковригин живы. Адрес последнего установлен: село Борское, Богатовского района, Куйбышевской области, адрес Павла Батырева уточняется.

Корреспондент газеты «Руде Право» Зденек Горжени нашел и Батырева.

Однажды междугородная соединила село Сусанино Костромской области с Москвой, Батырева — с Горжени. Чехословацкий журналист узнал, что Павел Григорьевич демобилизовался по ранению, работал бригадиром в колхозе, затем перешел на лесозавод — механи-

Ф. Соучек на броне нашего танка

ком. Скромный человек, он за двадцать лет никому не обмолвился о подвиге экипажа его танка, тем более ни словом — о себе.

Но теперь захотелось Павлу Григорьевичу, как и его друзьям, встретиться, поговорить, поделиться воспоминаниями. И такая возможность была им всем предоставлена.

Весной 1965 года, накануне 20-летия Победы, всех членов экипажа танка № 23 вызвали в Москву. Они были приглашены в чехословацкое посольство и там рассказали о послевоенной жизни и наиболее подробно о том, как протекал тот бой в последние минуты войны.

Выступал каждый из них. Начал Александр Филиппов, продолжали Илья Шкловский, Павел Ба-

тырев и Николай Ковригин. Они вспоминали, как на рассвете 9 мая ворвались в Прагу, наткнулись на баррикаду, построенную пражскими повстанцами. Вооруженные чехи с ликованием приветствовали советских танкистов, стремились, чем только возможно, помочь им. Один чех стал проводником. Пока танк Буракова шел головным, он находился на броне командирской машины, потом, когда их танк вышел вперед, пересел на него. Узнать тогда фамилию чеха танкистам некогда было — видели, человек смелый, готовый вместе с ними на все. Сидел он на лобовой броне, показывал путь к мостам через Влтаву, а это и нужно было, так как приказ гласил: захватить мосты, не дать гитлеровцам их разрушить.

Спустились к реке, приблизились к Манесову мосту, и тут замаскированные немецкие самоходки открыли огонь. Немедленно ответил Павел Батырев, ему быстро подавал снаряды Николай Ковригин. Лейтенант Гончаренко корректировал огонь. Две вражеские самоходки запылали, но их было больше десяти, и они тоже не мешкали — снаряд угодил в башню танка, замертво упал Иван Гончаренко, тяжело ранены были механик-водитель Илья Шкловский и чех-проводник. Командование экипажем принял на себя Павел Батырев, Александр Филиппов занял место водителя, и танк продолжал двигаться вперед и стрелять. В ответ — еще одно попадание в танк, осколками ранен Филиппов. После четвертого попадания заклинило пушку, ее ствол устоялся беспомощно в одну точку. Тут контузило Ковригина. Вести дальше огонь Батырев не мог, да и танк стал неспособным передви-

гаться. Один выход — оставить его. Ковригин и Батырев выбрались наружу через люк башни, помогли выйти из машины Шкловскому, Филиппову и сняли чеха с борта, ведя при этом огонь из автоматов по немцам, пытавшимся приблизиться к машине и к мосту, чтобы его взорвать.

Но тут в бой вступила рота гвардии старшего лейтенанта Полегенького, разгромила противника у моста и устремилась к центру города.

Во время встречи в чехословацком посольстве четверо друзей узнали судьбу и имя своего проводника-чеха: Франтишек Соучек после ранения на их танке лишился ноги. Живет он в Пардубице и рад будет завязать с ними переписку. И еще сообщили им: чехословацкое правительство приглашает членов экипажа в Прагу на праздник 20-летия Победы.

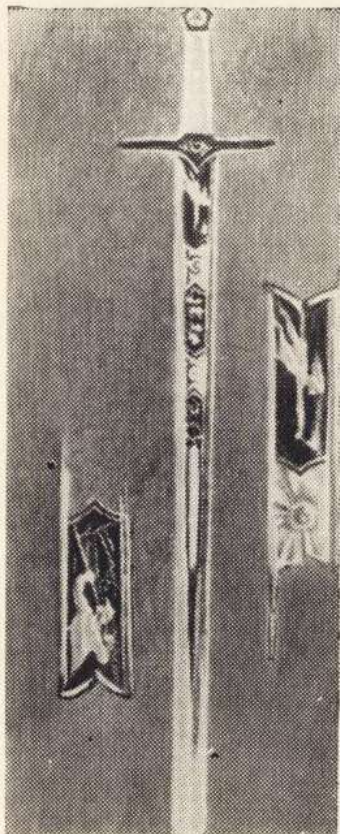
В самолете к друзьям подошел полковник. Они сразу признали в нем своего командира — тогда, в мае 1945 года, старшего лейтенанта Михаила Федоровича Коротеева, чей батальон первым ворвался в Прагу. Он тоже летел на торжество по приглашению чехословацкого посольства.

И опять, как двадцать лет назад в мае 1945 года, Прага сердечно встретила своих освободителей — бывших гвардейцев Уральского добровольческого танкового корпуса. На многолюдном торжестве было объявлено решение пражского муниципалитета: присвоить Илье Григорьевичу Шкловскому, Александру Николаевичу Филиппову, Павлу Григорьевичу Батыреву, Николаю Семеновичу Ковригину и Михаилу Федоровичу Коротееву звания почетных граждан Праги. Им были преподнесены символические ключи от города и вручены награды — ордена «За храбрость».

Здесь, в Праге, боевые друзья встретили отца, мать и брата Ивана Гончаренко, приглашенных на праздник, вместе с ними посетили могилу командира экипажа, возложили венки к его памятнику.

Хотелось бы сказать, что произошло с нашими однополчанами в последующие годы. Михаил Федорович Коротеев командует воинским соединением. У троих друзей по экипажу особых изменений не произошло, четвертый, Николай Семенович Ковригин, умер — дали себя знать не столько годы, сколько раны, полученные в боях за Родину.

Деревня Сушилино Белополянского района Сумской области, где родился и вырос командир легендарного танка, переименована в честь героя-танкиста в деревню Гончаренко.

Меч Победы и Мира. Этот символический подарок трудящиеся Челябинской области вручили в дни 20-летия Победы над фашистской Германией воинам-уральцам, несущим почетную вахту мира в рядах Группы советских войск в Германии

Товарищи Э. Хонеккер и В. Штоф в гостях у воинов-гвардейцев Уральской добровольческой танковой дивизии

Малоприметной точкой выглядит на карте нашей области поселок Лобва. А в нем далеко не самое видное место занимает восьмилетняя школа № 11. Но, наверно, у каждого, хоть раз побывавшего в этом внешне неприглядном, двухэтажном деревянном здании, возникает неодолимая потребность рассказать обо всем увиденном.

Военно-патриотическая работа... Эти слова обретают свое подлинно большое звучание здесь, на окраине уральского поселка.

Четыре с лишним года назад тогдашние старшеклассники под руководством старшей пионервожатой Клавдии Григорьевны Судницыной начали собирать материалы об истории Уральского добровольческого танкового корпуса. Связались с ветеранами прославленного соединения, получили от них вместе с теплым солдатским «добро» немало ценных фотографий. В зимние каникулы прошли по местам формирования корпуса. Увидели, услышали, узнали немало. Вошли во вкус поисков — и летом, набравшись смелости и заработав денег, двинулись по маршруту Орел — Львов, по боевому пути корпуса. О том, как загорелись ребячьи глаза при встречах с ветеранами корпуса, ныне живущими в средней полосе России и на Украине, при посещении памятников на могилах воинов-уральцев (в деревне Петровка они узнали подробности гибели бессмертной героини корпуса Галины Гордиевич), о том, как волновались ребята при виде найденных на местах боев образцов оружия и снаряжения — обо всем этом можно не рассказывать.

Когда вернулись в Лобву и оглядели накопившиеся за год «трофеи», почувствовали: нужен музей. А помещения нет. Во многом помог директор, бывший фронтовик Мирон Савельевич Усольцев. Из небогатого школьного бюджета он сумел выкроить кое-какие средства, а то, чего недоставало, возместили своим трудом сами «добровольцы»: копали ямы, устанавливали столбы, выполня-

ли всякую работу, не требующую особой квалификации.

Так был сооружен пристрой, просторная комната, в которой разместили собранные за сотни и тысячи километров от Лобвы, полученные по почте, любовно оформленные экспонаты. Прежде всего обращают на себя внимание тщательно вычерченные карты боевого пути корпуса, многочисленные фотографии его командиров и бойцов с подробными подписями, патроны, оружие, каски, найденные ребятами во время походов, комсомольские билеты погибших воинов.

Есть здесь и такие уникальные экспонаты, как один из первых пробных вариантов памятника уральским танкистам, созданного скульпторами В. Друзиным и П. Сажиним, как снежно-белый барельеф В. И. Ленина, отлитый рабочими сахарного завода в городе Волочиске, в свое время освобожденном от гитлеровцев бойцами корпуса.

Музей постоянно пополняется, но бывают потери, которые стоят приобретений. Так, недавно Центральный музей Вооруженных Сил обратился с просьбой прислать для выставки «Ленин и Вооруженные Силы» панцирь, имевшийся на вооружении автоматчиков корпуса.

И хоть нелегко расставаться с единственным экспонатом такого рода (да еще с настоящей пулевой вмятиной!), просьбу эту ребята, разумеется, выполнили.

Более трех тысяч человек, оставивших в книге отзывов трогательные записи, посетило музей. Но эта, казавшаяся просторной вначале комната, ставшая теперь тесной от обилия витрин, фотографий, альбомов, книг, служит не только для приема экскурсантов и хранения экспонатов. Сюда со всей страны сходятся нити большой поисковой работы, которую ведет сводный отряд «Доброволец», состоящий из учеников 5—8 классов. Попасть сюда, в эту школьную элиту, как бы почувствовать на себе отсвет Красного знамени героев-доброволь-

цев — мечта каждого из учащихся. Но строго, придирчиво обсуждают советы отрядов кандидатуры возможных претендентов, прежде чем отобрать самых достойных, тех, кому предстоит в День танкиста надеть полувоенную форму, принять текст отрядной клятвы и получить преимущественное право на участие в походах, в следопытской работе.

А работа эта многообразна. Ребята поддерживают постоянную связь с ветеранами корпуса, военными историками, живущими в Москве и Свердловске, в Грузии и Львове, из переписки с ними узнают новые данные, во время поездок в разные города Урала встречаются с живущими там героями. Так заочно подружились они с воспитанником корпуса, ныне рабочим Уралвагонзавода А. Гончаруком, разыскали ветеранов в Старой Ляле и Серове. А когда ездили в Ивдель, то с помощью местных краеведов встретились с бывшим

командиром отделения одной из частей, входивших в корпус, А. П. Бирюковым. «Родные вы мои!» — только и мог проронить ветеран, растроганный неподдельным интересом юных следопытов к делам отцов, к их боевой молодости.

Отряд побывал в Москве, где ему оказали радушный прием живущие там ветераны корпуса. Небольшой группе «добровольцев» удалось съездить в Волгоград. Без слов ясно, какой добрый след оставляет в восприимчивых ко всему хорошему юных душах каждое такое прикосновение к истокам подвига. Ради возможности участвовать в одной из подобных поездок стоит отказаться от кое-каких радостей.

И ребята еженедельно по 12 часов работают на лесокомбинате. Не каждый 12—14-летний человек способен на такое самоотречение.

Л. ГАРЯЕВ («Уральский рабочий», 15 января 1970 г.)

ДОБРОЕ ИМЯ СОЛДАТА

Гвардии ефрейтор Николай Нежданов — свердловчанин. После окончания школы работал помощником машиниста электровоза на Сортировке. А в армии попал в Уральско-Львовскую танковую дивизию.

Поощрений в служебной карточке Николая записано много. Вот одна из записей: «За образцовый уход за боевой техникой объявлена благодарность». Человеку постороннему эта сугубо официальная строка мало что скажет. А командиру взвода, в подчинении которого находится наводчик танкового орудия ефрейтор Николай Нежданов, она говорит о многом.

Танковому подразделению предстояло полевое занятие с боевой стрельбой. Накануне испортилась погода, надвинулся туман, подул резкий, порывистый ветер. Командир взвода пошел на стоянку боевых машин, чтобы еще раз убедиться в их готовности к выходу на полевое занятие. В пар-

ке, где стояли танки, командир неожиданно для себя увидел наводчика ефрейтора Николая Нежданова.

— Решил проверить еще раз прицельные приспособления, заодно и тент надежнее закрепил, — сказал Нежданов. — Завтра ведь выезд на стрельбы...

Наводчик орудия сжимал в покрасневшей от холода руке промасленную ветошь. Видать, трудился он у своей боевой машины давно. А на лице — довольная улыбка: что нужно — сделано.

На следующий день танковое подразделение вышло в поле. Марш совершало в трудных условиях. Когда пришлось вести огонь с ходу по появляющимся целям, наводчик ефрейтор Нежданов не оплошал. Все мишени были поражены первыми выстрелами.

Вот после этого занятия и появилась в его служебной карточке та

скупая строка, о которой я упомянул.

Свою специальность наводчика танкового орудия солдат знает до тонкостей.

И не было еще случая, чтобы за стрельбу он получил оценку ниже отличной.

Та сторона служебной карточки Николая, куда заносятся взыскания, чиста, как совесть этого солдата. Ни единым проступком не запятнал ефрейтор Нежданов доброго имени советского солдата.

Вот еще один призывник из Свердловска — старший радиотелеграфист ефрейтор Борис Лямин. После окончания Свердловского электромеханического техникума работал техником-электриком в лаборатории завода Уралэлектротяжмаш.

Как-то командир решил проверить знания радиотелеграфиста Лямина. Дал задание по очень сложной настройке радиоаппаратуры. Обычно эту операцию выполняют опытные радиомастера. Но Борис всю работу выполнил быстро и без ошибок.

— Откуда у вас такие навыки? — не удержался от вопроса проверяющий.

— Присматривался, как работают радиомастера, сам тренировался, — ответил ефрейтор Лямин.

В своем экипаже Борис может заменить любого.

П. ЛОХМАНОВ, гвардии старший лейтенант («Уральский рабочий», 9 августа 1970 г.)

МИНИСТР ОБОРОНЫ В УРАЛЬСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ

Группа советских войск в Германии, 21 октября. (От наш. корр.) Находящиеся в Германской Демократической Республике с официальным визитом Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев побывали сегодня у воинов гвардейской танковой Уральско-Львовской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова добровольческой дивизии имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Вместе с ними дивизию посетили Министр национальной обороны ГДР генерал армии Гейнц Гофман и начальник Главного политического управления ННА ГДР адмирал Вальдемар Фернер.

Боевой путь прославленного соединения прошел через многие фронты Великой Отечественной войны. В память о героических подвигах гвардейцев установлены танки на пьедесталах в городах Советского Союза и

Европы, в том числе в Берлине и Праге.

В музее боевой славы дивизии хранится подаренный уральскими умельцами символический меч с высеченными на нем словами Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля». Гвардейцы-танкисты младшего поколения свято берегут и приумножают боевые традиции дивизии. Они постоянно повышают боеготовность, бдительно несут службу на переднем крае социалистического лагеря. Сейчас в подразделениях широко развернуто соревнование воинов в честь предстоящего съезда КПСС.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко, генерал армии А. А. Епишев во время посещения дивизии присутствовали на политических занятиях, которые проводил командир отличной роты старший лейтенант П. Кирин.

Гости осмотрели общежитие молодых офицеров. Затем состоялась

беседа с офицерами дивизии. Министр обороны интересовался достижениями воинов в боевой учебе, ходом предсезонного соревнования. На его вопросы ответили командир отличной роты капитан А. Сливин, командир артиллерийской батареи капитан В. Гуменюк, командир батальона майор В. Будаев и другие.

Выступивший в заключение беседы Маршал Советского Союза А. А. Гречко коснулся вопросов современного международного положе-

ния, подчеркнул, что нынешняя обстановка требует дальнейшего повышения боеготовности и бдительности.

В музее боевой славы гости осмотрели экспонаты, ознакомились с боевой историей дивизии. Маршал Советского Союза А. А. Гречко и генерал армии А. А. Епишев оставили записи в книге почетных посетителей музея.

(«Красная звезда», 23 октября 1970 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	3
Г. Родин. Детище Урала	9
П. Устюгов. Запишите меня...	13
Подарок земляков	14
Вклад фронтовых бригад	15
Наказ	15
Клятва	17
В. Фирсов. Не дрогнем...	18
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	21
И. Раменский. Мы сделали танки и повели их в бой!	24
К. Ланчиков. Такими были мои товарищи	27
Я. Сосновских. Боль и радость	30
Н. Чиж. Николай Руденский	32
Письмо трудящихся Свердловской области добровольцам.	34
ШАХОВО-БРЯНСКИЕ ЛЕСА — УНЕЧА	35
Я. Резник. Братья Спеховы	38
В. Пурвинский. Завоевали имя: унечцы	45
Так воюют уралмашевцы	48
К. Белоусова-Ширинкина. Незабываемое	49
Отбойный молоток — мой автомат	54
Все танкисты Красной Армии гордятся вами	55
ИДЕМ НА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ	56
Звезды героев. Первые	59
А. Перминов. Комсомольцы-добровольцы	64
П. Логинов. Помни их, молодой друг!	68
Н. Семиколенных. Бессмертный подвиг коммунистки Гордиевич	70
М. Львов. Высота	73
Н. Яненков. Наш комбат	74
Д. Лелюшенко. На уральцев можно рассчитывать сполна.	76
Звезды героев. Нас и смерть не берет...	80
А. Лозовский. Второй мощный удар	82

Н. Абрамов. Прощальный салют комбригу Смирнову . . .	86
Переходящие красные знамена имени добровольческого корпуса	88
Наш хлеб	89
УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКИЙ	90
Звезды Героев. Зрелость	93
Е. Белов. Головными шли уральцы	97
И. Смирнягин. Сопровождая мотострелков	101
Разведчики	102
Я. Резник. Сестренки	104
В. Зыль. Взаимодействуя, побеждали	109
Наша помощь семьям добровольцев	113
Письмо сына гвардейца	114
Имена любимых	114
ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА	116
М. Побединский. Разве забудешь Лисув?	119
Звезды Героев. Освобождая Польшу	124
С. Денисов. Коммунисты впереди	126
И. Чепурышкин. Три страницы фронтовых записок	130
В. Зайцев. Они штурмовали мост на Варте	132
П. Морозов. Внезапность, отвага и мастерство	135
В. Булычев. Помогла «Камаринская»	137
Звезды Героев. Прыжок через Одер	138
И. Пробитый. По льду реки	148
Шел парнишке в ту пору тринадцатый год	151
А. Шапкин. Два боевых эпизода	153
А. Дюженков. Знамя полка	155
Г. Пигалев. Так был захвачен город Тейплитц	159
В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ	162
И. Кондауров. Танковый снайпер	164
Т. Вульфович. Ваши имена	166
Н. Малыгина. Три фотографии	172
УРАЛЬЦЫ В БЕРЛИНЕ	179
Звезды Героев. От Орла до Праги	181
А. Ефимов. Штурм фашистского логова	184
И. Малинин. Потсдам. Новавес. Танковый завод	189
Б. Калинин. Хирурги боевых машин	193
МАРШ-МАНЕВР НА ПРАГУ	196
М. Фомичев. Салют Победы	199
В. Бублик. Весна в сердцах	208

Пули и сирень	210
А. Мальгин. Его имя на танке-памятнике	211
Звезды Героев. С первого до последнего выстрела войны	214
Ваш наказ выполнили	219
Л. Штолл. Освободители	220
А. Волковинский. Кавалеры орденов Славы	221
Через двадцать пять лет	239
Клятва у памятника Ильичу	244
Почетные граждане Праги	244
«Доброволец» в походе	249
Доброе имя солдата	250
Министр обороны в Уральской добровольческой	251

ДОБРОВОЛЬЦЫ УРАЛА (Воспоминания, очерки).

Редактор В. Демидов. Художник А. Туманов. Художественный редактор Б. Тюфяков. Технический редактор Л. Голобокова. Корректоры М. Казанцева, Е. Журавлева.

Сдано в набор 30/XI 1971 г. Подписано в печать 4/IV 1972 г. НС 13090. Бумага мелованная. Формат 70×90/16. Усл. печ. л. 18,7. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 22 000. Заказ № 644. Цена 1 р. 52 к.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

